

Анализ и прогноз

Журнал ИМЭМО РАН

Analysis and Forecasting

IMEMO Journal

2019'4

Научный сетевой журнал
“Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН / Analysis and Forecasting/ IMEMO Journal”
издается с 2019 г., выходит 4 раза в год, языки журнала – русский и английский.
Все выпуски журнала находятся в открытом доступе.

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС 77–76743 выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
16 сентября 2019 г.

Учредитель и издатель

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
“Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений имени
Е.М. Примакова Российской академии наук” (ИМЭМО РАН).

Главный редактор:

И.Л. Прохоренко

Редакция:

А.А. Алешин, А.В. Короткова (ответственный секретарь), Е.И. Матюхова,
Е.М. Харитоновна (зам. главного редактора)

Журнальная верстка:

ООО «Верди»

Верстка web-страниц:

Е.А. Клюева, А.А. Попонин

Дизайн обложки:

С.В. Сафонов

Контакты редакции:

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., д. 23

Тел.: +7 (499) 128-8560; +7 (499) 128-1748

e-mail: afjournal@imemo.ru

Официальный сайт журнала:

<https://afjournal.ru>

The scientific electronic journal
“Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
is published from 2019, 4 times a year in Russian and English.
All the issues of the journal are available online with open access.

The Registration Certificate of the journal, EL № FC 77–76743 was issued by the Federal Communications, Information Technology and Mass Media Regulatory Authority on 16 September 2019.

Founder and Publisher

Federal State Budgetary Institution of Science
“Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)”

Editor-in-Chief:

Irina Prokhorenko

Editorial Staff:

Alexander Aleshin, Alla Korotkova (Executive Secretary), Elizaveta Matyukhova,
Elena Kharitonova (Deputy Editor-in-Chief)

Layout and Design:

Ltd Verdi

Website Design:

Evgenia Kliueva, Alexey Poponin

Cover design:

Sergey Safonov

Contacts:

Russian Federation, Moscow, 117997, 23, Profsoyuznaya Str.

Tel.: +7(499)128-8560; +7(499)128-1748

e-mail: afjournal@imemo.ru

Website:

<https://afjournal.ru>

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Войтоловский Ф.Г., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Арбатова Н.К., д.полит.н., заведующий Отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН

Афонцев С.А., д.э.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, заведующий Отделом экономической теории, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Варнавский В.Г., д.э.н., профессор, заведующий Сектором проблем структурной политики и конкурентоспособности Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН

Журавлева В.Ю., к.полит.н., руководитель Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН

Звягельская И.Д., д.и.н., профессор, заведующий Лабораторией “Центр ближневосточных исследований” ИМЭМО РАН

Жуков С.В., д.э.н., руководитель Центра энергетических исследований, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Кобринская И.Я., к.и.н., руководитель Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН

Ломанов А.В., д.и.н., профессор РАН, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Мирошниченко И.В., д.полит.н., доцент, заведующий Кафедрой государственной политики и государственного управления Факультета управления и психологии Кубанского государственного университета

Портной М.А., д.э.н., профессор, руководитель Центра внешнеэкономических исследований ИСКРАН

Прохоренко И.Л., д.полит.н., заведующий Сектором международных организаций и глобального политического регулирования Отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН

Рябов А.В., к.и.н., доцент, руководитель отдела Группы проблем общественно-политического развития Отдела сравнительных политических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН, главный редактор журнала “Мировая экономика и международные отношения”

Семененко И.С., д.полит.н., член-корреспондент РАН, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН

Соловьев Э.Г., к.полит.н., руководитель Центра постсоветских исследований, заведующий Сектором теории политики ИМЭМО РАН

Федоровский А.Н., д.э.н., руководитель Группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

Фитуни Л.Л., д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, заместитель директора по научной работе Института Африки РАН

Харитонов Е.М., к.полит.н., старший научный сотрудник ОМПП ИМЭМО РАН

Цапенко И.П., д.э.н., заведующий Сектором социально-экономического развития и миграционных процессов Отдела комплексных социально-экономических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН

Шаклеина Т.А., д.полит.н., профессор, заведующая Кафедрой прикладного анализа международных проблем Факультета международных отношений МГИМО МИД России

CHAIRMAN:

Feodor Voitolovsky, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of IMEMO (Russia)

MEMBERS:

Nadezhda Arbatova, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Department of European Political Studies, IMEMO

Sergey Afontsev, Doct. Sci. (Econ.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of RAS, Head of the Department of Economic Theory, Deputy Director, IMEMO

Vladimir Varnavskiy, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Sector of Structural Policy and Competitiveness, Center of Industrial and Investment Studies, IMEMO

Viktoriya Zhuravleva, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of North American Studies, IMEMO

Irina Zvyagelskaya, Doct. Sci. (Hist.), Head of the Center of the Middle East Studies, IMEMO

Stanislav Zhukov, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Center of Energy Research, Deputy Director, IMEMO

Irina Kobrinskaya, Cand. Sci. (Hist.), Head of the Center of Situational Analysis, IMEMO

Alexander Lomanov, Doct. Sci. (Hist.), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Deputy Director, IMEMO

Inna Miroshnichenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Mikhail Portnoy, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of External Economic Studies of the Institute for the U.S. and Canadian Studies, RAS (ISCRAN)

Irina Prokhorenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Department of International Political Problems, IMEMO

Andrey Ryabov, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Group of the Study of Problems of Political Development, Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies, IMEMO, Editor-in-Chief of the Journal "The World Economy and International Relations" of the Russian Academy of Science

Irina Semenenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Center of Comparative Socio-Economic and Political Studies, Deputy Director, IMEMO

Eduard Solovyev, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of post-Soviet Studies, Head of the Sector for Political Theory, IMEMO

Alexander Fedorovskiy, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Group of the Asia-Pacific Region Problems, Center of Asia Pacific Studies, IMEMO

Leonid Fituni, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Centre of Global and Strategic Studies, Deputy Director of the Institute for African Studies, RAS

Elena Kharitonova, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, Department of International Political Problems, IMEMO

Irina Tsapenko, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Sector of Social and Economic Development and Migration Processes Studies, Department of Complex Socio-Economic Research, IMEMO

Tatiana Shakleina, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Head of the Department of Applied International Analysis, School of International Relations, MGIMO

Арбатов А.Г., д.и.н., академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН (Россия)

Барановский В.Г., д.и.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН (Россия)

Громыко А.А., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

Дынкин А.А., д.э.н., профессор, академик РАН, президент ИМЭМО РАН (Россия)

Иванова Н.И., д.э.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН (Россия)

Королев И.С., д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, советник РАН

Михеев В.В., д.э.н., академик РАН, руководитель научного направления Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН (Россия)

Наумкин В.В., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

Рогов С.М., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия)

Сюэтун Янь, Ph.D (Polit. Sci.), директор Института международных отношений Университета Цинхуа (Китай)

Alexey Arbatov, Doct. Sci. (Hist.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center of International Security, IMEMO (Russia)

Vladimir Baranovsky, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Situational Analysis, IMEMO (Russia)

Alexey Gromyko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of the Institute of Europe, RAS (Russia)

Alexander Dynkin, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, President of IMEMO (Russia)

Natalya Ivanova, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Department of Science and Innovation, IMEMO (Russia)

Ivan Korolev, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Counselor of RAS

Vasily Mikheev, Doct. Sci. (Econ.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Asia Pacific Studies, IMEMO (Russia)

Vitaly Naumkin, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of Oriental Studies, RAS (Russia)

Sergey Rogov, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of the U.S. and Canadian Studies, RAS (ISCRAN) (Russia)

Yan Xuetong, Ph.D (Polit. Sci.), Dean of the Institute of International Relations, Qinghua University (China)

К ЧИТАТЕЛЮ	
Представляем номер	10
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ	
“Вестфальский миф” и “вестфальский” суверенитет <i>А.В. Куприянов</i>	11
ТРЕНДЫ И РИСКИ РАЗВИТИЯ	
Дискурсы развития: социально-гуманитарный аспект <i>А.Л. Бардин, М.И. Сизачёв</i>	24
МИРОВАЯ ПОЛИТИКА	
Политика ФРГ в отношении стран СНГ в конце 1991 – середине 2000-х годов <i>А.М. Кокеев</i>	42
Косовский конфликт и участие Франции в его урегулировании <i>П.С. Соколова, П.П. Тимофеев</i>	50
Новая стратегия Европейского союза в Центральной Азии: возможности и пределы “мягкой силы” <i>И.Л. Прохоренко</i>	68

TO READERS

Presenting the issue 10

THEORY AND METHODOLOGY

The “Westphalian Myth” and “Westphalian” Sovereignty
A. Kupriyanov 11

DEVELOPMENT TRENDS AND RISKS

Discourses of Development: Social and Humanitarian Aspects
A. Bardin, M. Sigachev24

WORLD POLITICS

German Policy towards the CIS Countries in the Late 1991 – Mid-2000s
A. Kokeev42

Kosovo Conflict and France’s Role in its Resolution
P. Sokolova, P. Timofeev50

**The European Union’s New Central Asia Strategy:
Possibilities and Limits of “Soft Power”**
I. Prokhorenko68

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Редакция представляет четвертый, последний в 2019 г., номер научного сетевого журнала «Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН».

В рубрике журнала **«Теория и методология»** – продолжение исследования Алексея Владимировича Куприянова, развенчивающего так называемый вестфальский миф. В статье «Вестфальский миф» и «вестфальский» суверенитет» изучаются истоки «вестфальского суверенитета» – концепции, согласно которой национальное государство обладает всей полнотой власти во внешнеполитических вопросах, являясь независимым в принятии решений. На основе анализа текста Вестфальского мирного договора, исторических реалий XVI в., особенностей представлений о суверенитете в описываемый период автор приходит к выводу о том, что Вестфальский конгресс не сыграл решающей роли в формировании системы суверенных государств, а сам «вестфальский суверенитет» является изобретением значительно более поздним.

В тематической рубрике журнала **«Тренды и риски развития»** – совместная статья Андрея Леонидовича Бардина и Максима Игоревича Сигачёва «Дискурсы развития: социально-гуманитарный аспект». Авторы представили результаты анализа наиболее релевантных концепций развития через призму научного и политического дискурса, а именно: концепции устойчивого развития, концепции стрессоустойчивого развития, концепция экологически ориентированного развития, а также идеи развития без экономического роста. По мнению авторов, перспективной альтернативой традиционным подходам выступает инновационная концепция ответственного развития, приоритеты которой имеют в своей основе морально-нравственную мотивацию, культуру диалога и бережное отношение к природе.

Рубрику **«Мировая политика»** открывает статья Александра Михайловича Кокеева «Политика ФРГ в отношении стран СНГ в конце 1991 – середине 2000-х годов». Автор рассматривает наиболее важные аспекты внешнеполитической позиции ФРГ в отношении распада СССР и становления Содружества Независимых Государств (СНГ) в период с 1991 г. до середины 2000-х годов. Выявляет основные цели и задачи Германии в развитии взаимоотношений с государствами СНГ, включая Россию в качестве главного партнера, раскрывает основные тенденции политики ФРГ на постсоветском пространстве в указанный период, сохраняющие основополагающее значение и в настоящее время.

Следующая в разделе – совместная статья Полины Сергеевны Соколовой и Павла Петровича Тимофеева «Косовский конфликт и участие Франции в его урегулировании». Авторы анализируют динамику косовского конфликта и его интернационализацию, а также эволюцию французской политики в его урегулировании. Франция, являясь одним из лидеров Европейского союза, стремится чётче обозначить свою посредническую роль в урегулировании и способствовать прогрессу Сербии и Косово на пути в Евросоюз. За 20-летний период Париж принимал участие во всех крупных инициативах по регулированию конфликта, сыграл одну из ключевых ролей в передаче косовского урегулирования под эгиду ЕС.

Завершает раздел статья Ирина Львовна Прохоренко «Новая стратегия Европейского союза в Центральной Азии: возможности и пределы «мягкой силы»». Используя пространственно-организационный подход и дискурс-анализ, автор анализирует интересы, приоритеты и потенциал Евросоюза в конкурентной борьбе за влияние в бывших советских среднеазиатских республиках – Казахстане, Киргизстане, Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане. Автор предлагает свою периодизацию центральноазиатской стратегии ЕС начиная с распада Советского Союза, дает оценку новой стратегии ЕС в регионе, утвержденной Советом ЕС в июне 2019 г.

Редакция благодарит авторов, опубликовавших статьи на страницах журнала в 2019 г., и надеется на дальнейшее плодотворное сотрудничество в новом году.

Редакция

“ВЕСТФАЛЬСКИЙ МИФ” И “ВЕСТФАЛЬСКИЙ” СУВЕРЕНИТЕТ

© 2019 г. А. КУПРИЯНОВ¹

КУПРИЯНОВ Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора международных организаций и глобального политического регулирования Отдела международно-политических проблем. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (a.kupriyanov@imemo.ru).

Куприянов А.В. “Вестфальский миф” и “вестфальский” суверенитет.
Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2019, № 4, сс. 11-23, DOI: 10.20542/afj-2019-4-11-23

DOI: 10.20542/afj-2019-4-11-23

УДК: 30+321+327+341

Статья поступила в редакцию 17.11.2019.

В статье исследуется вопрос о происхождении так называемого вестфальского суверенитета – концепции, согласно которой национальное государство обладает всей полнотой власти во внешнеполитических вопросах, являясь полностью независимым в принятии решений. Автор, анализируя текст Вестфальского мирного договора и исторические реалии XVII в., приходит к выводу, что Вестфальский конгресс не сыграл решающей роли в формировании системы суверенных государств, а сам “вестфальский суверенитет” является изобретением значительно более поздним. Для иллюстрации этого в статье на примере частного вопроса о независимости Швейцарии и Нидерландов рассматривается специфика представлений о суверенитете в описываемый период.

Ключевые слова: Вестфальский мир, Швейцария, Нидерланды, суверенитет, Франция, “Вестфальский миф”, история международных отношений, Тридцатилетняя война.

Одной из важных частей “Вестфальского мифа” является представление о том, что основной единицей системы международных отношений (СМО) в Европе по итогам подписания Вестфальского договора стали суверенные государства. В соответствии с этим представлением, существовавшие до того политии не были суверенны: они были организованы в иерархическую структуру по образцу феодальной лестницы, на верхней ступени которой находились папа римский и, в некоторых трактовках, император Священной Римской империи, которые обладали признававшимся всеми акторами правом вмешиваться во внутреннюю политику политий и оказывать влияние на их внешнюю политику. В результате подписания Вестфальского договора сформировалось современное представление о суверенитете; после 1648 г. иерархия исчезла и было установлено формальное равенство государств.

При ближайшем рассмотрении такая трактовка СМО Средних веков и раннего Нового времени не может не вызвать недоумения. В эпоху своего расцвета Священная Римская империя германской нации (СРИГН) включала значительные территории, однако вне ее границ оставались крупные европейские политии, не говоря уже о неевропейских. В состав империи не входили Польша, Франция, Англия, Шотландия, русские княжества, скандинавские королевства, Кастилия и Арагон, южная часть Италии, большая часть балканских земель. Никто из монархов этих политий не признавал власти императора СРИГН, а высказываемые

¹Первую часть статьи см.: Куприянов А.В. «“Вестфальский миф”: история и критика». *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2019, № 3, сс 37-50.*

порой императорами претензии на сюзеренитет над ними не подкреплялись реальными внешнеполитическими шагами.

Схожим образом дело обстояло с папской властью. Еще до момента подписания Вестфальского договора значительные территории в Европе перестали признавать духовную власть папы (включая Англию, Шотландию, часть германских княжеств, Нидерланды, скандинавские королевства); претензии пап на светскую власть были отвергнуты европейскими монархами за несколько столетий до того. При этом папа по-прежнему оставался (и остается до сих пор) высшим авторитетом в духовных вопросах для католиков, проживающих в том числе в государствах с протестантским большинством.

Подобные несоответствия ставят под сомнение всю концепцию формирования по итогам подписания Вестфальского договора современной системы международных отношений как основывающейся на идее внешнего и внутреннего суверенитета. Настоящая статья посвящена анализу понятия о суверенитете и его трансформации в описываемый период. Для решения этой задачи используются как исторические, так и политологические методы, в первую очередь историко-типологический, хронологический, структурно-функциональный и сравнительный.

Статья разделена на пять частей. В первой анализируется система международных отношений в Европе до заключения Вестфальского мира и существующие на данный момент взгляды на ее природу. Во второй – кратко рассматривается эволюция представлений о суверенитете в средневековой Европе и выявляются его основные черты. В третьей части исследуется сам текст Вестфальского договора на предмет наличия в нем представлений о суверенитете как о новой концепции, которая должна лечь в основу системы международных отношений. В четвертой части описывается состояние европейской подсистемы международных отношений после заключения Вестфальского мира. Пятая часть посвящена исследованию вопроса о получении суверенитета Нидерландами и Швейцарией по итогам Вестфальского конгресса.

ЕВРОПА ДО ВЕСТФАЛЯ: ИЕРАРХИЯ, АНАРХИЯ ИЛИ ГЕТЕРОНОМИЯ

До начала 1980-х годов среди исследователей-международников господствовало представление о том, что европейская подсистема международных отношений в Средние века была иерархической и выстраивалась в соответствии с идеальным представлением о феодальной лестнице. Это представление в рамках исторической науки было отброшено как утратившее актуальность еще в середине XX в. Образовался концептуальный разрыв: в то время, как историческая наука ушла далеко вперед, и медиевисты дискутировали о самом содержании понятия “феодализм” и о наличии его в средневековой Европе в принципе, международники пользовались устаревшей на десятилетия моделью. Обновить эту модель попытался политолог Джон Рагги, предложивший в 1983 г. концепцию средневековой СМО как гетерономной системы, в рамках которой разнородные политики взаимодействуют путем установления сложной сети связей [1]. Свою идею он развил в последующих работах [2]. Конструктивистская по сути концепция Рагги, выгодно контрастировавшая с очевидно устаревшим представлением об универсалистском характере средневековой европейской системы международных отношений, быстро завоевала сторонников, в дальнейшем продолжавших развивать его идеи применительно и к другим регионам мира и иным историческим периодам [3].

В начале 1990-х годов неореалист Маркус Фишер предложил альтернативную теорию. По мнению Фишера, средневековые отношения принципиально не отличались от современных, будучи столь же анархическими по сути; в качестве акторов в них действовали королевства, герцогства, баронства, аббатства, города [4]. Эта теория была подвергнута немедленной критике Р. Холлом и Ф. Кратохвилем [5]. На этом дискуссия завершилась, так как ни Фишер, ни его сторонники не смогли дать аргументированного ответа критикам.

Концепция Рагги, достаточно адекватно описывавшая систему взаимодействия между средневековыми акторами, при всех очевидных плюсах имела значительный минус: она не позволяла выделить ключевых акторов на протяжении того или иного исторического периода средневековой европейской истории, по сути превращая систему международных отношений

Средневековья в коллекцию атипичных случаев и исключений. Это побудило политолога Э. Лэтэма разработать собственную концепцию, которая наиболее полно описывает европейскую средневековую СМО [6; 7]. По мысли Лэтэма, уже в XIV в. в Европе сформировались политии, которые можно охарактеризовать как государства в полном смысле этого слова. Эти политии обладали необходимыми признаками государства, включая территорию, границы, внешний суверенитет, власть монарха в них была легитимизирована через делегирование прав от имени корпорации. Лэтэм, однако, не пытался проследить процесс формирования европейских политий дальше вглубь веков, что существенно ограничило рамки его анализа.

Между тем уже в VIII в. н.э. можно обнаружить территориальные государства. После падения Западной Римской империи сформировавшиеся на ее территории варварские королевства унаследовали имперскую структуру власти и управления. Наиболее могущественные из них претендовали на преемственность от Римской империи: так, вестготские короли во время официальных церемоний использовали императорские знаки власти (золотой венец и пурпурное облачение) и подчеркивали принадлежность к роду Флавиев [8, р. 111]. Пика этот процесс утверждения “преемственности” достиг при Карле Великом, провозгласившем себя императором Запада. В дальнейшем в силу неизбежного кризиса управления власть королей ослабла, произошла так называемая феодальная революция, возросло значение папской власти. Период собирания земель и расширения границ сменился периодом фрагментации, который завершился в XIV в. новым укреплением королевской власти, рука об руку с ней шла территориализация существующих политий [9, pp. 162-167].

Одним из признаков средневековой системы являлась частично формализованная градация государств – своего рода иерархическая лестница, положение на которой зависело от формы правления, древности государства и влияния правящей в нем династии. Эта социально-культурная иерархия не обязывала стоящих на ступень ниже подчиняться тем, кто стоял выше, не давала и не лишала их никаких прав, но в эпоху династической дипломатии стремление улучшить положение на этой лестнице было достаточным поводом для внутри- и внешнеполитических шагов.

Желание королей укрепить свой статус по сравнению со статусом монарха-соперника можно обнаружить уже в раннем Средневековье. Так, в “Круге земном” описываются эпизоды с участием посланцев Харальда и Этельстана, обменивавшихся дарами с целью продемонстрировать относительно низшее положение друг друга: Этельстан отправил Харальду в подарок меч, а тот хитростью отдал ему на воспитание сына, позже ставшего конунгом Хаконом Добрым [10, pp. 64-65]. Во времена высокого Средневековья начался процесс формализации этой социально-культурной иерархии, который продолжался и в XVI–XVII вв. Одним из признаков формализации стало создание списков старшинства европейских государств и их правителей, в соответствии с которыми их посланникам оказывались почести при дворе. Наиболее известным является список папы Юлия II, датированный 1504 г. Он дошел до нас в нескольких вариантах, различающихся иерархическим порядком держав [11, pp. 13-16; 12, р. 624; 13]. Папа римский как принимающая сторона в списке не упомянут: на первом месте находился император Священной Римской империи, на втором – он же в роли римского короля (тем самым подчеркивалось старшинство императора даже в случае, если он не был официально коронован папой), затем шли короли Франции, Испании, Арагона, далее следовали остальные монархии, потом республики во главе с Венецией, а затем герцоги, графы и бароны. Места в этой иерархии неоднократно оспаривались: так, спор между Англией и Португалией за позицию в списке продолжался с середины XVI до конца XVIII в. [11, pp. 114-115; 14, р. 274]. Протестантские монархи неоднократно протестовали против подобной иерархии, заявляя, что они являются равней любым другим королям, но при этом не пытались оспорить низший статус республик [11, р. 14].

На Вестфальском конгрессе (1648 г.) произошло множество инцидентов, вызванных желанием делегаций продемонстрировать свой высокий статус, некоторые из них значительно замедлили достижение договоренностей. Одним из характерных примеров может служить эпизод во время переговоров в Мюнстере, когда французский посланник граф д’Аво проводил венецианского посланника Контарини лишь до нижних ступеней лестницы вместо того, чтобы довести его до дверей кареты, как того требовал дипломатический церемониал в отношении

равного по статусу. Протесты венецианцев остались без ответа, французский двор поддержал действия своего посланника [15, pp. 57-58]. Сама Венеция тщательно блюла свое место первой среди республик: венецианцы настаивали на собственном приоритете перед Нидерландами, указывая, что в состав Венеции входят королевства, в то время как в состав Нидерландов – лишь герцогства и графства [16, p. 19]. Изменить статус голландцам удалось лишь после укрепления роли статхаудеров из рода Оранских, что привело сперва де-факто (после казни одного из лидеров республиканской партии Йохана ван Олденбарневелта), а затем и де-юре к превращению Нидерландов в наследственную монархию.

ДОВЕСТФАЛЬСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Несмотря на наличие статусной иерархии, еще с эпохи раннего Средневековья большая часть крупных политий обладала как внешним, так и внутренним суверенитетом в понимании близком к современному. Это выражалось в отсутствии какой-либо верховной светской или духовной власти, способной ограничить действия короля на внешнеполитической арене.

В XI в. произошли кардинальные изменения. На Латеранском соборе в 1059 г. был принят ряд декретов, которые ознаменовали начало становления папства как отдельного игрока на поле европейской политики: вместо земельных магнатов избирать папу могли лишь кардиналы, а император сохранял право утверждения избранного понтифика. Помимо этого, были осуждены симония и практика возведения священников в сан правителями-мирянами, что означало выведение всей системы церковных клириков из подчинения императорской и королевской власти [17, pp. 83-84]. Попытка императоров воспрепятствовать этому решению и сохранить в своих руках контроль над духовенством привела к началу борьбы за инвеституру, которая совпала с возрождением интереса к римскому праву и процессом унификации на его основе и на основе канонического права юридических норм в европейских странах. В результате встал вопрос о суверенитете в контексте борьбы папы и императора: если император Запада претендовал на ту же степень суверенности, что и император Востока, то набирающее силу папство пыталось утвердить свою гегемонию, возводя право на суверенитет непосредственно к Господу. Пытались отстоять свое право на суверенитет и исключенные из этой схемы короли и республики. В процессе борьбы и обмена аргументами возник ряд концепций, включая теорию народного суверенитета: если Бартоло да Сассоферрато при помощи народного суверенитета отстаивал право республик на самоуправление, то Марсилиус Падуанский защищал верховенство императора [18, pp. 177-217], а Манегольд Лаутенбахский – верховенство папы [19, pp. 124-151]. Иоанн Парижский обосновывал право королей на суверенитет [20].

Папству в ходе этой борьбы удалось примерно на столетие утвердить свое господство как верховного арбитра и сюзерена для части европейских государств; сам факт того, что императора мог короновать только папа, подчеркивал подчиненное положение императора в отношении главы католической церкви [21, p. 254]. Папское могущество достигло апогея во времена понтификата Иннокентия III, которому удалось добиться того, чтобы его признали своим сеньором короли Португалии, Арагона и Болгарии. Наиболее показательным символом папской мощи стал запрет понтифика на войну между Англией и Францией, которому оба короля были вынуждены подчиниться. Тем не менее власть папы как верховного правителя так и не признали все европейские монархи. Франция и Кастилия никогда не были вассалами папы. Англия – вассал Святого Престола с 1214 г., формально отказалась от этого статуса в 1366 г. Реально это произошло еще раньше — после того, как духовенство Франции и Англии отказалось исполнять выпущенную в 1296 г. папой Бонифацием VIII буллу *Clericis laicos*, предпочтя подчиниться собственным королям. В XIV в. папы превратились в младших союзников французских королей; после окончания Авиньонского пленения² начался Великий западный раскол³, подорвавший усилия пап по возвращению себе былой роли в

² Авиньонское пленение пап – период в истории папства, длившийся с 1309 по 1378 г., когда резиденция пап находилась не в Риме, а в Авиньоне. Папы этого периода были фактически исполнителями воли французских королей, от которых непосредственно зависело их благосостояние.

³ Великий западный раскол – раскол в католической церкви в 1378–1417 гг., во время которого на место понтифика претендовали одновременно два-три кардинала.

европейской политике. Попытки папства восстановить свои позиции, опираясь на Францию, были окончательно пресечены после разграбления Рима войсками Карла V в 1527 г. В первой половине XVI в. императоры Священной Римской империи перестают короноваться в Риме, а в имперском праве появляется концепция, согласно которой уже само избрание курфюрстами претендента на престол делает его императором. Однако падение влияния папства не привело к усилению императоров, основная роль в европейской политике перешла к королям, не признававшим экстерриториальной власти на основе принципа "король есть император в собственном королевстве".

В целом можно констатировать, что уже в XIV в. европейские королевства были суверенными, то есть проводили свою политику без оглядки на любое вышестоящее лицо, будь то папа или император. Суверенитет европейских королевств, однако, явление достаточно сложное. Так как политика средневековых монархий была династийной, то в период ослабления королевской власти неоднократно возникали ситуации, при которых монарх формально оказывался вассалом другого монарха, что приводило к различным коллизиям.

Постепенно с укреплением центральной королевской власти эти коллизии так или иначе разрешались. К примеру, королевство Наварра (имеется в виду французская Наварра, испанская Наварра к этому времени вошла в состав единого испанского государства) еще в XVI в. формально считалось суверенным государством, при этом его королевский дом являлся вассалом французских королей, держа от них земли во Франции. Разрешена эта ситуация была путем личной унии Франции и Наварры. Окончательно Наварра вошла в состав Французского королевства в 1620 г., то есть уже после начала Тридцатилетней войны.

Еще более показательна история пленения и освобождения Ричарда Львиное Сердце, по возвращении из крестового похода попавшего в плен к австрийскому герцогу Леопольду, который передал его императору Генриху VI. Ричард был освобожден в 1194 г. после того, как за него уплатили огромный выкуп. Помимо этого, король преклонил колена перед императором и принес ему оммаж (символическая церемония присяги, означавшая заключение вассального договора) за Англию, обязавшись к тому же платить ежегодно по 5 тыс. фунтов. Он также передал императору английские королевские регалии, при помощи которых тот короновал Ричарда вновь [22, р. 248; 23, р. 228]. После освобождения Ричард, не имея возможности открыто выступить против императора, с которым он заключил союз против французского короля Филиппа Августа, демонстративно повторно короновался для того, чтобы показать, что правит своим королевством как суверенный монарх. От подданных произошедшее скрыли, тем более что действия Генриха VI в качестве суверена совпадали с планами Ричарда (в июле 1195 г. император направил королю золотую корону и приказал начать войну против Филиппа Августа, которая к тому моменту шла уже больше года). В итоге в отсутствие кодифицированного и общепризнанного феодального права сложилась ситуация, когда Ричард и его наследники правили страной как суверенные монархи; при этом императоры, хотя и не предъявляли претензий как сюзерены, от своих прав не отказывались.

Коллизия разрешилась лишь через два с половиной века во время визита в 1416 г. в Англию императора Сигизмунда II, который прибыл, чтобы договориться с Генрихом V о союзе против Франции. На берегу императора встретил отряд вооруженных всадников во главе с Хамфри Ланкастером, герцогом Глостером. Они въехали в волны прибоя с обнаженными мечами и заявили Сигизмунду, собиравшемуся высадиться на берег, что "если он намерен въехать в Англию как император и действовать там, как если бы Англия была имперской землей, и вершить там свое управление, то они готовы оказать ему сопротивление во имя короля". После того, как Сигизмунд заверил герцога, что он прибыл как друг короля, а не как император Англии, тот вернулся на берег и принял гостя со всем возможным почтением [24, р. 53; 25, р. 750]. Очевидно, что Хамфри Ланкастер действовал по королевскому приказу. В 1513 г. король Генрих VIII в преддверии встречи со своим союзником императором Максимилианом I распорядился сделать перевод *Vita Henrici Quinti* авторства Тита Ливия Фруловези с описанием этого эпизода и со специальным пояснением, что "король есть император в собственном королевстве" [26, р. 60].

Таким образом, очевидно, что к уже в XV в. основными акторами в Европе являлись

королевства, внешний суверенитет которых не ограничивался ни папой, ни императором. Какие же изменения внес в ситуацию подписанный полтора столетия спустя Вестфальский договор?

ВЕСТФАЛЬСКИЙ МИР: В ПОИСКАХ СУВЕРЕНИТЕТА

В тексте Вестфальского договора отсутствует слово “суверенитет”, что вполне объяснимо, поскольку в латинском языке, на котором составлен договор, его нет. Самый близкий к нему термин – *supremum dominium* (полное господство), которое Франция, согласно договору, приобрела над новообретенными землями. Этот термин, однако, не являлся нововведением Вестфальского договора и использовался в документах, определявших статус лорда по отношению к вассалу, еще в XII–XIII вв. [27, р. 117]

Помимо самого термина, Мюнстерский договор содержит также подробное перечисление владений, которые переходят к французскому королю, и прав, в которые он вступает. Но подобная формула использовалась в договорах еще несколько столетий назад, например, в 1258 г., когда Людовик IX уступил Хайме Арагонскому феодальные права на графство Барселона, или в Камбрейском мирном договоре 1529 г., когда Франция отказалась от всех завоеваний в Италии. Аналогичные формулировки, стандартные для того времени, встречаются и после Вестфальского мира – в Аахенском мирном договоре 1688 г. и в Рейсвейкском мирном договоре 1697 г. [28, pp. 577-579] Подобные формулировки являлись для договоров того времени типичными: договаривающиеся стороны пытались максимально обговорить все уступки, чтобы избежать дальнейших споров. Более того, невзирая на заявленный *supremum dominium*, Франция по условиям Вестфальских договоров обязалась не вводить новые законы в Брейзахе и на территории Эльзаса, ограничивающие дарованные Габсбургами привилегии, то есть не приобрела суверенитет над ними в современном смысле слова. В результате, хотя Франция получила земли в постоянное владение, они продолжали платить империи налоги, подчинялись законам Священной Римской империи, и посылали своих представителей в рейхстаг на протяжении еще нескольких десятилетий [28, р. 581]. Попытка Людовика XIV утвердить полный суверенитет над ними в 1674 г. стала поводом для объявления империей войны Франции [29, р. 75].

В отличие от Франции, Швеция получила территории на правах имперских фьефов, то есть земель, предоставляемых сеньором вассалу в обмен на исполнение определенных обязанностей в пользу сеньора. Таким образом, шведский король вынужден был приносить императору оммаж и получил право представлять их население в рейхстаге. Вестфальский мир не закрепил в качестве нормы невмешательство в дела других стран, что является одной из основ суверенитета. Наоборот, он предусмотрел право на вмешательство иностранных государств в дела Священной Римской империи, причем не только через их статус как гарантов соблюдения договора, но и через их территориальные приобретения и включения (в случае Швеции) в сложную систему внутриимперских отношений. Эта система продолжала функционировать и после подписания Вестфальского договора. Одним из самых известных примеров являлось княжество Бранденбург–Пруссия: правивший им великий курфюрст вплоть до 1657 г. являлся одновременно вассалом императора, владея Бранденбургом, и вассалом Речи Посполитой, владея Восточной Пруссией. Таким образом, можно резюмировать, что Вестфальский мир стал лишь одной из вех на пути превращения средневековой композитной монархии в абсолютную, не сыграв в этом значительной роли.

Пытаясь отыскать в Вестфальском договоре указание на суверенитет, нередко обращают особое внимание на статус князей в Священной Римской империи. В частности, на полученное ими по договору право заключать договоры с иностранными державами, что иногда трактуется как расширение их полномочий. Однако исторический анализ показывает, что договор лишь зафиксировал существовавшую де-факто, но не кодифицированную практику: так, Пфальц и Бранденбург заключили договоры с Нидерландами еще в 1604 и 1605 гг. соответственно, еще до начала Тридцатилетней войны князья формировали коалиции – Евангелическую унию и Католическую лигу. Стоит отметить, что среди предложений, с которыми прибыла на конгресс французская делегация, изначально присутствовала идея предоставить княжествам внутри империи именно “суверенитет” [30, р. 89]. Любопытно, что французы планировали включить в

текст, написанный на латинском языке, французское слово, не найдя ему латинских аналогов. Однако в процессе переговоров под нажимом имперской стороны эта идея была отвергнута, и дело ограничилось закреплением в договоре описанной практики.

В остальном же Вестфальский договор не расширял, а ограничивал власть князей. Так, был фактически отменен принцип “чья власть — того и вера”: отныне князья не могли принуждать подданных к перемене религии или вынуждать их к эмиграции по религиозным мотивам. Более того, права большей части принцев были дополнительно ограничены властью рейхстага, который мог лишить князя владений в случае неподобающего поведения и за серьезные нарушения во время правления (в том числе за сношения с враждебным государством). В общей сложности в течение второй половины XVII–XVIII вв. было отстранено от власти минимум полсотни князей.

В качестве примера можно привести казус с имперскими графами фон Хоэнемс, правителями графства Вадуц. Сразу после подписания Вестфальского мира правящий граф Франц Вильгельм начал охоту на ведьм, которая была сравнительно небольшой по масштабам и завершилась в 1651 г. после того, как во время одного из расследований под подозрение попал приближенный графа. В 1677 г. новый граф Фердинанд Карл Франц фон Хоэнемс возобновил процессы против ведьм и колдунов. За три года были сожжены около 300 человек, что составляло примерно 10% населения Вадуца. В ходе расследования, предпринятого князем-аббатом Рупертом фон Бодманом, отправленного императором после получения петиции от жителей Вадуца, было установлено, что граф фон Хоэнемс применял к арестованным пытки и в своих действиях руководствовался преимущественно финансовыми соображениями, отправляя на костер зажиточных крестьян и горожан. По итогам рассмотрения отчета Бодмана имперским надворным советом граф Фердинанд Карл Франц был отстранен от власти и заключен в темницу до конца жизни, а права на графство были переданы его младшему брату Якобу Ганнибалу III, который должен был править под надзором Бодмана [31, p. 765; 32, p. 33].

Этот пример дает представление о механизме, при помощи которого осуществлялся контроль над князьями, и демонстрирует, что имперские князья не обладали полноценным суверенитетом ни во внешних, ни во внутренних делах.

ПОСЛЕ ВЕСТФАЛЯ

Нередко можно встретить утверждение, что, хотя в тексте Вестфальского договора не содержится никаких упоминаний о суверенитете или формировании новой системы международных отношений, он послужил стимулом для кардинального изменения существующей СМО.

Однако анализ событий, происходивших в европейской подсистеме, не позволяет сделать такой вывод. Хотя Вестфальский мирный договор стал важным элементом серии соглашений, формально положивших конец религиозным войнам, и ознаменовал новый рост французского могущества, описанная иерархия государств не исчезла. Процесс формального уравнивания статуса европейских монархов начался еще до Тридцатилетней войны, шел постепенно, и значительную роль в этом сыграла упомянутая выше позиция протестантских монархов, в частности, шведского короля Густава Адольфа, утверждавшего, что он является равней любому другому королю.

Борьбу за статус ярко демонстрируют многочисленные дипломатические казусы в период после заключения Вестфальского мира. Так, в 1661 г. во время торжественного выезда по случаю прибытия в Англию шведского посла французский и испанский послы поспорили за право ехать за королевской каретой. Так как обоих послов сопровождали около полутора сотен вооруженных всадников, начался бой, который завершился смертью одного из французов, многочисленными ранениями с обеих сторон и победой испанцев. После этого король Людовик XIV отозвал посла из Мадрида и пригрозил, что в случае, если испанские послы попытаются вновь оспорить право французских на старшинство, он объявит Испании войну. Тот факт, что для разрешения ситуации в Париж был отправлен специальный посланник, и что король Филипп IV распорядился впредь не оспаривать при иностранных дворах французское

первенство, говорит о том, что эта угроза воспринималась серьезно. Окончательно вопрос был урегулирован лишь в 1761 г. [11, pp. 17-18]

Насколько статусная лестница усложняла проведение переговоров, можно видеть на примере Утрехтского мира 1713 г. Для того, чтобы соблюсти достоинство всех заключающих договор сторон, комната, где шли переговоры, была обставлена так, чтобы левая часть ее полностью повторяла правую, для чего пришлось произвести переделку всего помещения, в частности, убрать все зеркала, чтобы обе стороны стали полностью идентичны. Был разработан строгий церемониал открытия конференции, в соответствии с которым первыми в зал входили делегаты от Англии и Франции, которые достигали центра одновременно, за ними в те же двери входили представители Нидерландов и герцога Савойского, за ними — послы остальных держав. Вряд ли подобное обостренное внимание к мельчайшим деталям протокола свидетельствует об уменьшении внимания к вопросам статуса [33, p. 229]. Сам принцип *rêle-mêle*, в соответствии с которым делегации во время последующих переговоров входили в зал без определенного порядка и рассаживались за круглым столом без председательского места, возник из стремления избежать споров о порядке рассадки. Утрехтский мир, в отличие от Вестфальского, стал важным, хотя и не решающим шагом к отказу от формальной иерархии.

Свою роль в ликвидации описанной иерархической лестницы сыграло полноценное включение в европейскую политику России в начале XVIII в. и претензии Петра I на императорский титул. Хотя Россия была провозглашена империей в 1721 г., процесс признания этого статуса крупными европейскими странами, в первую очередь католическими, занял десятилетия: Англия и Австрия признали императорский титул русских царей в 1742 г., Франция и Испания – в 1745, Польша – в 1772; причем Франция и Испания сделали это лишь при условии, что такое признание не повлечет изменений в дипломатическом протоколе и церемониале [11, p. 35].

В целом можно утверждать, что впервые идея о сообществе суверенных государств как основе системы международных отношений появилась не ранее середины XVIII в., спустя столетие после заключения Вестфальского мира. Эта идея не сразу стала доминирующей и пережила еще не одну трансформацию (к примеру, в XIX в. концепция суверенитета тесно увязывалась с идеей "цивизованности"), и ее окончательное утверждение относится к середине XX в. Именно тогда, на волне деколонизации и массового появления на политической карте неевропейских игроков, была полностью признана та концепция суверенитета, которую мы по иронии судьбы называем "вестфальской".

НИДЕРЛАНДЫ И ШВЕЙЦАРИЯ: ВОПРОСЫ СУВЕРЕНИТЕТА

Характерным примером сложности самого понятия суверенитета в описываемый период является вопрос о независимости Нидерландов и Швейцарии.

На момент подписания Вестфальского договора республики были привычными акторами европейского политического процесса: итальянские и южнославянские морские и сухопутные республики (Венеция, Генуя, Лукка, Ноли, Рагуза, Полица), имеющие республиканскую форму правления вольные имперские города (Гамбург, Бремен, Любек и т.д.), крестьянские республики Германии. Могущественные морские республики отличались сложной структурой, характерной для составных государств: к примеру, Венеция имела в своем составе "королевства" (Кипр и др.), которые сохраняли свой статус, поднимая тем самым ранг республики как таковой.

Нидерланды к описываемому времени уже имели неудачный опыт республиканской формы правления. В 1477 г. после гибели бургундского герцога Карла Смелого генеральные штаты, пользуясь отсутствием авторитета и слабых характеристиками его формальной наследницы Маргариты Бургундской, добились от нее многочисленных привилегий, по сути сформировав первое в европейской истории государство с парламентской формой правления. В процессе перераспределения властных полномочий явно обозначился антагонизм между южными и северными Нидерландами. Парламентская форма правления в Бургундском герцогстве просуществовала недолго: под угрозой со стороны вторгшихся французских войск Маргарита вышла замуж за эрцгерцога Максимилиана I, в результате чего Нидерланды отошли к Габсбургам.

В составе габсбургских владений началось формирование Нидерландов как самостоятельной общности. В 1512 г. была проведена имперская реформа, выделившая в составе Священной Римской империи Бургундский округ, состоявший из владений Габсбургов, полученных в результате наследования Бургундии. В 1548 г. на Аугсбургском рейхстаге в результате так называемого Бургундского договора Бургундский округ получил новые земли, до того входившие в состав Вестфальского округа, и новый статус: он был разделен на Семнадцать провинций (северные территории) и графство Бургундия с вольным городом Безансон. В 1549 г. император Карл V одобрил Прагматическую санкцию, где содержалось положение о неделимости Семнадцати провинций (таким образом, Бургундский округ не мог быть урезан в результате проблем с наследованием). Этот шаг имел важное политическое значение: до того Провинции считались фьефами империи, после этого они по сути превратились в наследственное владение испанских Габсбургов, став полунезависимыми. Помимо этого, они были освобождены от уплаты имперских налогов. В результате раздела империи Габсбургов в 1558 г. Семнадцать провинций отошли Испании: таким образом они были де-факто выделены из состава империи.

О сложной схеме суверенитета в описываемые времена лучше всего говорят положения Утрехтской унии (1579 г.), положившей начало обособлению северных провинций Нидерландов. Текст, в котором говорится о формировании этого военно-политического союза, содержит в преамбуле упоминание о том, что Уния заключается "ни в коем случае не с намерением отделиться от Священной Римской империи". То есть Нидерланды через 11 лет после восстания не считали себя юридически отдельным субъектом, подчеркивая принадлежность империи, несмотря на Прагматическую санкцию.

Тем не менее на последнем этапе Восьмидесятилетней войны (1568–1648) и в ходе Тридцатилетней войны (1618–1648) обособление окрепших Нидерландов стало свершившимся фактом, который потребовал юридического закрепления. Процесс оказался весьма длительным. Независимость Нидерландов была признана Испанией по Мюнстерскому миру, в котором говорилось, что генеральные штаты "признаются свободными и суверенными" (*souverain*). Так как текст договора был написан на французском языке, то проблем с латинской терминологией не возникло. Тем не менее отделение Нидерландов от Священной Римской империи так и не было юридически полностью завершено.

Единственное упоминание империи содержится в статье 53 Мюнстерского мира, где говорится, что между голландцами с одной стороны и Империей и императором – с другой должны "продолжаться и соблюдаться отношения нейтральные, дружеские и добрососедские". Нидерланды обязались это сделать по факту подписания договора, испанский монарх, в свою очередь, обязался убедить Священную Римскую империю соблюдать этот пункт. Он действительно обратился к императору с такой просьбой. В июле 1648 г. император Фердинанд III издал соответствующую декларацию: в 1654 г. рейхстаг проголосовал за предварительную резолюцию, согласно которой он обязался утвердить эту декларацию после того, как нидерландские генеральные штаты утвердят ее со своей стороны. Однако генеральные штаты не стали рассматривать этот вопрос. Как следствие и имперская декларация осталась лишь в предварительном варианте [28, p. 268].

Иначе обстояло дело со Швейцарией. Она обладала значительной автономией начиная с 1619 г., когда по итогам удачной для нее Швабской войны был подписан Базельский мирный договор. По его условиям Швейцария была выведена из-под юрисдикции имперских судов. Но так как расширение Швейцарского союза на этом не остановилось, то возникла коллизия: присоединившийся к Конфедерации в 1501 г. Базель оставался, с точки зрения имперских властей, частью империи, а следовательно, имперский суд принимал апелляции на решение муниципального суда Базеля в отличие от остальной части Конфедерации.

В ходе Тридцатилетней войны Швейцария оставалась нейтральной. Попытки протестантских сил нарушить ее границы привели к формированию единой оборонительной политики с участием как протестантских, так и католических кантонов и подписанию в 1647 г. единого "Военного уложения". Единственным регионом, который был всерьез затронут войной, стало Свободное государство Трех Лиг (впоследствии кантон Граубюнден или Гривон), находившееся со Швейцарской конфедерацией в отношениях "вечного дружеского союза" и

ведшее войну за стратегически важную долину Вальтеллина сперва против Габсбургов, затем в союзе с ними.

На Вестфальский конгресс Швейцария отправила бургомистра Базеля Иоганна Рудольфа Веттштайна. Стоит отметить, что его статус менялся в процессе конгресса – если изначально он представлял только шесть протестантских городов, то позже его полномочия подтвердили и кантоны католические. Изменился и характер его миссии: изначально Веттштейн ставил целью лишь подтвердить швейцарские вольности и добиться перехода Базеля под полную юрисдикцию Швейцарии. Однако в процессе переговоров “швейцарское дело” было использовано французами и приобрело такое значение, что в итоге в Оснабрюкском и Мюнстерском договорах появились специальные пункты, посвященные Швейцарскому союзу.

Так, в статье 6 Оснабрюкского договора и в параграфе 61 Мюнстерского договора, посвященных собственно Швейцарии, содержится формулировка *Cantones in possessione vel quasi plenae libertatis et exemptionis ab Imperio esse*, то есть “кантоны, обладающие [как бы] полной свободой и освобождением от Империи”. Далее утверждается, что “таким образом она не является подчиненной трибуналам Империи и их приговорам”. Соответственно, еще в XVIII–XIX вв. сложились две точки зрения насчет того, чего удалось добиться Веттштейну.

Ряд исследователей утверждал, что речь в указанной статье идет исключительно о выводе Швейцарии из-под юрисдикции имперских судов, что отнюдь не свидетельствует о получении Швейцарией независимости де-юре [28, pp. 576-577; 34]. Другие же указывали, что в этом случае использовалась бы формулировка *exemptio intra Imperio*, которая применялась обычно в случае, когда субъект империи более не подчинялся как субъект имперским законам в связи с поглощением его другим субъектом СРИГН; формулировка же *ab Imperio* подразумевала, что он был либо поглощен государством вне имперских границ, либо вышел из состава империи по собственной инициативе. Указывалось также, что *quasi* нельзя рассматривать как ограничение обладания свободой, так как подобная формулировка означала владение чем-либо нематериальным в противовес владению материальными ценностями [35, pp. 119-124].

Можно утверждать с уверенностью, что Вестфальские договоры закрепили право Швейцарии на широчайшую автономию в составе Священной Римской империи и территориальные приобретения, сделанные уже после Базельского договора. Но при этом формально Швейцария не вышла из состава СРИГН; этот процесс происходил постепенно и продлился еще минимум век, кантоны продолжали приносить имперскую присягу, а сами швейцарцы подчеркивали свою принадлежность империи [36; 37].

Можно констатировать, что обе республики обладали реальной независимостью задолго до Вестфальских договоров; что в строгом смысле независимость ни той, ни другой не была признана Вестфальскими договорами; и что формально они оставались в составе Священной Римской империи и после этих договоров. Это свидетельствует о том, что в Средневековье и раннее Новое время юридическое признание суверенитета значило существенно меньше по сравнению с фактическим суверенитетом; до тех пор, пока формальный суверен не вмешивался в дела судебные и налоговые, его наличие мало волновало те регионы, господином которых он считался.

* * *

Таким образом, в европейской системе международных отношений по итогам Вестфальского мирного конгресса не произошло кардинальных изменений. Иерархическая лестница, от положения на которой зависел статус государства, не исчезла из общей системы координат. Государства, которые фактически были суверенными ранее, таковыми и остались. Те же, которые не обладали суверенитетом, его не получили. Вестфальский мир был классическим “христианским миром” предыдущих столетий: он не вводил в практику ничего нового, а лишь ставил целью возврат к прежним, “неиспорченным” временам.

Историческое значение Вестфальского договора, прекратившего Тридцатилетнюю войну в центре Европы, зафиксировавшего окончание крупной религиозной войны в Германии и

ставшего одной из стартовых точек кратковременной экспансии династии Бурбонов, очень велико, но значение его для формирования современной системы международных отношений, основывающейся на системе суверенных государств, неизмеримо меньше. О Вестфальском миропорядке можно говорить в том же смысле, в каком можно говорить, к примеру, о Парижском и Берлинском миропорядках по итогам соответствующих договоров XIX в. – то есть об определенной расстановке сил на международной арене в определенный период времени. В этом случае вернее было бы вести речь о Вестфальско-Пиренейском миропорядке, учитывая значение Пиренейского мира, заключенного в 1659 г. между Францией и Испанией. Спустя несколько десятилетий на смену Вестфальско-Пиренейской системе пришла Утрехтская: система мирных договоров по итогам войны за Испанское наследство (1701–1714) содержала гораздо больше нововведений, чем Вестфальский и Пиренейский договоры [38].

Признание ложности “Вестфальского мифа” ставит перед нами вопрос о том, когда именно появились те нормы, которые принято называть вестфальскими. Это не является целью настоящей статьи, однако думается, что этот вопрос должен стать предметом для дискуссий, которые обогатят теорию международных отношений как дисциплину и, возможно, поставят под вопрос ряд положений, кажущихся незыблемыми. Определенно появление фактического международного суверенитета относится к более раннему периоду, при этом юридические принципы взаимодействия суверенных государств появились, по всей видимости, спустя столетие после заключения Вестфальского мира в работах Эмера де Ваттеля [30]. Нормой они стали лишь в XIX в., когда по итогам наполеоновских войн, сломавших прежний европейский порядок, исчезла Священная Римская империя, а с ней ушла в прошлое та иерархическая лестница, на которой она занимала верхнюю ступень. Религиозный фактор также перестал играть важную роль в европейской политике, а в недрах старых империй вызрели государства-нации, превратившиеся в XX в. в главных акторов международных отношений.

Напрасно, однако, мы будем искать определенную точку на шкале истории, в которой старые нормы в одночасье сменились новыми. Концептуальные основы системы международных отношений не закладываются путем подписания мирных договоров: они формируются в ходе исторического процесса под влиянием многочисленных факторов, включая технические и климатические. Их основные положения формулируются и оспариваются учеными, популяризируются в массах, начинают восприниматься как естественные – и только после этого находят выражение в подписанных мирных трактатах. Лишь изучая этот процесс в динамике, можно с достаточной уверенностью строить прогнозы на будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Ruggie J.G. Continuity and Transformation in the World Polity: Toward a Neorealist Synthesis. *World Politics*, 1983, vol. 35, no. 2, pp. 261-285. DOI: 10.2307/2010273
2. Ruggie J.G. Territoriality and Beyond: Problematising Modernity in International Relations. *International Organization*, 1993, vol. 47, no. 1, pp. 139-174.
3. Batora J., Hynek N. *Fringe Players and the Diplomatic Order: The «New» Heteronomy*. New York, Palgrave Macmillan, 2014. 214 p.
4. Fischer M. Feudal Europe, 800-1300: Communal Discourse and Conflictual Practices. *International Organization*, 1992, vol. 46, no. 2, pp. 427-466.
5. Hall R.B., Kratochwil F.V. Medieval Tales: Neorealist «Science» and the Abuse of History. *International Organization*, 1993, vol. 47, no. 3, pp. 479-491.
6. Latham A. *Theorizing Medieval Geopolitics*. New York, Routledge, 2011. 204 p.
7. *Medieval Geopolitics: An interview with Andrew Latham*. 2013. Available at: <https://www.medievalists.net/2013/12/medieval-geopolitics-an-interview-with-andrew-latham/> (accessed 15.10.2019).
8. Wilentz S. *Rites of Power: Symbolism, Ritual, and Politics since the Middle Ages*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1999. 360 p.
9. Larkins G. *From Hierarchy to Anarchy: Territory and Politics before Westphalia*. New York, Palgrave Macmillan, 2010. 269 p.
10. Снорри Стурлусон. *Круг Земной*. Москва, Наука, 1980. 686 с. [Snorri Sturluson. *Krug Zemnoi* [Heimskringla (in Iceland.)]. Moscow, Nauka, 1980. 686 p.]
11. Satow E. *A Guide to Diplomatic Practice*. London, Green & Co. 1917. Vol. 1. 407 p.
12. *Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi*. Paris, Imprimerie royale, 1789. Vol. 2. 730 p.
13. Rousset de Missy J. *Mémoires sur le rang et la préséance entre les souverains de l'Europe*. Amsterdam, F. L'Honoré et fils, 1746. 237 p.

14. Mattingly G. *Renaissance Diplomacy*. New York, Dover Publications, 1988. 284 p.
15. Koenigsberger H.G. Republicanism, Monarchism and Liberty. *Royal and Republican Sovereignty in Early Modern Europe*. Oresko R., Gibbs G.C. eds. Cambridge University Press, 1997, pp. 43-74.
16. Koenigsberger H.G. *Politicians and Virtuosi: Essays on Early Modern History*. Bloomsbury Academic, 2003. 288 p.
17. Barber M. *The Two Cities: Medieval Europe 1050–1320*. Second ed. New York, Routledge, 2004. 540 p.
18. Maiolo F. *Medieval Sovereignty: Marsilius of Padua and Bartolus of Saxoferrato*. Delft, Eburon Academic Publishers, 2007. 330 p.
19. Robinson I. S. *Authority and Resistance in the Investiture Contest: The Polemical Literature of the Late Eleventh Century*. New York, Manchester University Press, 1978. 195 p.
20. Ubl K. Debating the Emergence of an Idea: John of Paris and Conciliarism. *John of Paris: Beyond Royal and Papal Power*. Jones C. ed. Turnhout, Brepols, 2015, pp. 263-306.
21. Wilks M. *The Problem of Sovereignty in the Later Middle Ages: The Papal Monarchy with Augustinus Triumphus and the Publicists*. Cambridge, Cambridge University Press, 1963. 619 p.
22. Gillingham J. *Richard I*. New Haven, London, Yale University Press, 1999. 378 p.
23. Regan G. *Lionhearts: Richard I, Saladin, and the Era of the Third Crusade*. New York, Walker and Company, 1998. 254 p.
24. Southey R. *The British Admirals. With an Introductory View of the Naval History of England*. London, Printed for Longman, Rees, Orme, Brown, Green & Longmans and John Taylor. 1833. Vol. 2. 380 p.
25. Kingsford C.L. A Legend of Sigisunund's Visit to England. *The English Historical Review*, 1911, vol. XXVI (CIV), pp. 750-751. DOI:10.1093/ehr/xxvi.civ.750
26. Hoak D. The Iconography of the Crown Imperial. *Tudor Political Culture*. Hoak D., ed. Cambridge University Press, 1995, pp. 54-103.
27. Ganshof F.L. *Feudalism*. London, Longmans, Green and Co, 1952. 160 p.
28. Croxton D. The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty. *The International History Review*, 1999, vol. 21, no. 3, pp. 569-591. DOI: 10.1080/07075332.1999.9640869
29. Holborn H. *A History of Modern Germany. Vol. 2, 1648-1840*. New York, Princeton University Press, 1964. 558 p.
30. Beaulac S. *The Power of Language in the Making of International Law: The Word Sovereignty in Bodin and Vattel and the Myth of Westphalia*. Leiden, Brill, 2004. 200 p.
31. Lyons J.D., ed. *The Oxford Handbook of the Baroque*. Oxford University Press, 2019. 912 p.
32. Ankarloo B., Clark S., Monter W. *Witchcraft and Magic in Europe. Vol. 4: The Period of the Witch Trials*. London, The Athlone Press, 2002. 193 p.
33. Gerard J.W. *The Peace of Utrecht: Historical Review of the Great Treaty of 1713-14, and of the Principal Events of the War of the Spanish Succession*. New York, London, G. P. Putnam's Sons, 1885. 420 p.
34. Osiander A. "This Solemn, and Ever Memorable and Sacred Treaty": Perceptions of the Peace of Westphalia in the Later Ancien Régime. Available at: <http://www.andreas-osiander.net/wordpress/andreas-osiander/interessen/this-solemn-and-ever-memorable-and-sacred-treaty-perceptions-of-the-peace-of-westphalia-in-the-later-ancien-regime/> (accessed 18.07.2019).
35. Hogger D. *The Recognition of States: A Study on the Historical Development in Doctrine and Practice with a Special Focus on the Requirements*. Zurich, LIT Verlag, 2015. 254 p.
36. Stadler P. Der Westfälische Friede und die Eidgenossenschaft. *Der Westfälische Friede: Diplomatie – politische Zäsur – kulturelles Umfeld – Rezeptionsgeschichte*. Duchhardt H., ed. Munich, Oldenbourg, 1998, pp. 361-391.
37. Egger F. Johann Rudolf Wettstein und die internationale Anerkennung der Schweiz als europäischer Staat. In *1648: Krieg und Frieden in Europa. Textband I: Politik, Religion, Recht, und Gesellschaft*. Bussman, K., Schilling H. eds. Munich, Bruckmann, 1998, pp. 423-432.
38. Sashalmi E. The Novelty of the Utrecht Peace Settlement (1713). *Central European Papers*, 2015, vol. 3, iss. 2, pp. 20-33.

THE "WESTPHALIAN MYTH" AND "WESTPHALIAN" SOVEREIGNTY

(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2019, no. 4, pp.11-23)

Received 17.11.2019.

Aleksei V. KUPRIYANOV (a.kupriyanov@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The article focuses on the origin of so-called Westphalian sovereignty. There was a popular idea among many IR scholars, that Europe had hierarchical state system before the Westphalian Peace Congress built on the model of the feudal order. It was argued that as a result of the signing of the Peace Treaty of Westphalia, a new international order was created based on the interaction of numerous sovereign states that treated each other as equals. The author analyzes the evolution of the medieval state system and concludes that it went through several stages. The barbarian kingdoms, having full sovereignty, were fragmented into various polities (duchies, counties, baronies, etc.) due to the weakening of royal power. However, this process was completed by the 14th century, and sovereign kingdoms that did not recognize the suzerainty of the Emperor or the Pope, became the main players on the political stage again. Moreover, there was a concept of precedence among nations, which determined the status of the state in the European state system. It did not oblige politicians of lower status to obey their superior, but at the same time, high status was perceived as a value in itself. The author also examines the text of the Westphalian Treaty and demonstrates that there is no mention of sovereignty there. Those formulas that can be interpreted as a reference to sovereignty, repeat the text of previous treaties or are a consolidation of existing practices. The author demonstrates that after the conclusion of the Peace of Westphalia, the concept of priority remained until the end of the Ancien Régime. To demonstrate how complex the concept of sovereignty was in the Early Modern Europe, the author explores the process of independence by the Netherlands and Switzerland, showing that none of them was formally enshrined in the Westphalian Treaty.

Keywords: Peace of Westphalia, Thirty Years War, History of International Relations, Westphalian Myth, France, sovereignty, Netherlands, Switzerland.

About author:

Aleksei V. KUPRIYANOV, Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher, Sector of International Organizations and Global Political Government, Department of International Political Problems.

DOI: 10.20542/afj-2019-4-11-23

ДИСКУРСЫ РАЗВИТИЯ:
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ

© 2019 г. А. БАРДИН, М. СИГАЧЁВ

БАРДИН Андрей Леонидович, кандидат политических наук, научный сотрудник сектора анализа политических изменений и идентичности Отдела сравнительных политических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (andreybardin@gmail.com).

СИГАЧЁВ Максим Игоревич, кандидат политических наук, младший научный сотрудник сектора анализа политических изменений и идентичности Отдела сравнительных политических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (maxsig@mail.ru).

Бардин А.Л., Сигачёв М.И. Дискурсы развития: социально-гуманитарный аспект. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2019, № 4, сс. 24-41. DOI: 10.20542/afj-2019-4-24-41

DOI: 10.20542/afj-2019-4-24-41

УДК: 30+32+327: 327.7

Статья поступила в редакцию 17.11.2019.

В статье представлены результаты анализа ряда наиболее релевантных концепций развития через призму научного и политического дискурса. С использованием методологии дискурс-анализа исследуется концепция устойчивого развития, ее критика, а также иные концепции развития, рассматриваемые с точки зрения их перспективности для решения социальных и гуманитарных задач развития. Помимо концепции устойчивого развития, авторами рассматриваются концепция стрессоустойчивого развития, концепция экологически ориентированного развития, которая предусматривает одновременно сокращение чрезмерного потребления и обеспечение экологической устойчивости, а также идея развития без экономического роста. По мнению авторов, перспективной альтернативой традиционным подходам выступает инновационная концепция ответственного развития, опирающаяся при выборе приоритетов на морально-нравственную мотивацию, культуру диалога и бережное отношение к природе.

Ключевые слова: политика развития, дискурсы развития, устойчивое развитие, стрессоустойчивое развитие, ответственное развитие, экологически ориентированное развитие, развитие без экономического роста, развитие на основе использования больших данных.

Поиск ответа на вопрос о том, какие подходы и наборы практик оптимальны для развития тех или иных национальных государств – одна из ключевых задач политической практики и одно из важных направлений исследований политической науки (к примеру, коллективом ученых ИМЭМО под руководством члена-корреспондента РАН И.С. Семененко разрабатывается тематика “пространств развития” и “территорий неразвития” [1; 2]). Как в первом, так и во втором случае доминирующую позицию в современном мире продолжает занимать концепция устойчивого развития, базирующаяся на Целях устойчивого развития ООН [3].

Концепция родилась в результате поиска мировым сообществом консенсуса относительно тех мер, которые национальные государства могут предпринять для ответа на

обострившиеся глобальные вызовы, такие как исчерпание экономического роста, основанного на экстенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов, возрастание антропогенных нагрузок на окружающую среду, а также ряд других.

Вместе с тем, как и любая теория, концепция устойчивого развития имеет ряд ограничений (главное из которых заключается в том, что далеко не все государства имеют возможность претворить ее в жизнь) и не лишена противоречий. Значительная часть внутренних противоречий концепции относится к ее социально-гуманитарным аспектам, которые будут рассмотрены в настоящей статье.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: УНИВЕРСАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ДЛЯ СБОРКИ (РЕТРОСПЕКТИВА)

Уже к середине 1970-х годов на Западе в среде ученых, занимающихся вопросами экологии и управления, стали выработываться основы концепции устойчивого развития, базирующейся на следующем тезисе: необходимо такое развитие, при котором удовлетворяются все запросы жизнедеятельности человечества, однако удастся минимизировать риски и последствия катастроф. Авторы концепции делали акцент на том, что потребности ныне живущего поколения должны удовлетворяться без ущерба будущим поколениям.

Окончательное оформление концепция устойчивого развития получила в 80-е годы XX в., когда в 1987 г. был опубликован доклад Всемирной комиссии ООН по окружающей среде и развитию под руководством Гру Харлем Брунтланд, получивший название "Наше общее будущее" – неофициально "доклад Брунтланд". Отметим, что прежде чем возглавить в 1983 г. Всемирную комиссию ООН по окружающей среде и развитию, получившую неофициальное название "комиссия Брунтланд", Гру Харлем Брунтланд проявила себя на родине в качестве левого политика от Рабочей партии Норвегии: она занимала пост министра по окружающей среде в 1974–1979 гг. и в 1981 г. стала первой в норвежской истории женщиной на посту премьер-министра.

Концепция получила широкую поддержку как в государственных, так и в научных кругах как попытка комплексного ответа на ряд обострившихся глобальных вызовов – социально-экономических, демографических, продовольственных, ресурсных и так далее. Уже в 1992 г. в Рио-де-Жанейро на конференции ООН был принят программный документ "Повестка дня на XXI век", в основу которого легли принципы устойчивого развития. В документе был сформулирован призыв к странам мира по инкорпорации практик устойчивого развития в ключевые стратегические документы [4]. "Повестка дня на XXI век" неоднократно анализировалась в рамках академического дискурса в качестве одного из ключевых программных документов концепции устойчивого развития [5, с. 246; 6, сс. 38-39].

В формулировке ООН тезис об устойчивом развитии включает в себя три основных направления: экономическое, социальное (антропологическое) и экологическое. Первое направление охватывает комплекс вопросов по борьбе с бедностью как фактором, вызывающим социально-политические катастрофы. Второе, антропологическое, направление гласит, что необходимо всемерно поощрять развитие человека как индивида, защищая его естественные права на жизнь и развитие. Это измерение подразумевает необходимость продвижения по всему миру социальной интеграции с целью повышения уровня социальной инклюзивности, поскольку "даже высокоразвитые страны, в значительной степени победившие крайнюю бедность, сталкиваются с высоким и растущим неравенством доходов, богатства и власти" [7, с. 219]. Данный принцип получил достаточно полное воплощение в рамках продвигаемой Программой развития ООН концепции человеческого развития. Третье направление заключается в реализации экологической повестки, то есть в уменьшении нагрузки на окружающую среду при экономическом развитии, а также в создании комфортной и безопасной среды обитания для человека и общества.

Отметим, что модель устойчивого развития стала продуктом озабоченности прежде всего экологической ситуацией в мире. Ее основы закладывались на Всемирной конференции ООН по окружающей среде и развитию. Модель была призвана решить проблему сбалансированного

взаимодействия природы и общества: она ориентирована на поддержание динамического равновесия биосферы и предполагает переход от экстенсивного природопользования к равновесному [8, с. 37].

Применительно к концепции можно выделить, во-первых, официальный дискурс ООН; во-вторых, научно-академический, и в-третьих, политический дискурс. Все они подразумевают необходимость ограничения экономического роста во имя сохранения экологической целостности природы. Согласно модели устойчивого развития решение задач экономического роста и социального развития должно носить экологически сбалансированный характер. Это означает, что улучшение уровня жизни людей не должно происходить ценой нанесения вреда окружающей среде и природным ресурсам.

Теоретиками устойчивого развития окружающая среда, социум и экономика рассматриваются в качестве единой системы. Однако как в рамках официального, так и научного дискурсов особый акцент делается на экологическом аспекте данной модели, тогда как социально-гуманитарные аспекты нередко остаются на втором плане.

Если экологический аспект выражается в стремлении к сохранению природного капитала, биоразнообразия, обеспечении возобновления природных ресурсов, то социально-гуманитарный аспект подразумевает стремление к достижению справедливых отношений между людьми. Данному аспекту устойчивого развития было уделено значительное внимание в принятой на конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Декларации, являющейся не менее важным документом, нежели принятая на этой же конференции "Повестка дня на XXI век". Согласно принципам Декларации, в центре устойчивого развития должен находиться человек, имеющий право на достойную жизнь в гармонии с природой. Декларировалась необходимость уменьшить разрыв между богатыми и бедными странами.

Положения Декларации были уточнены и дополнены 20 лет спустя на саммите "Рио+20" в форме документа "Будущее, которого мы хотим". Участники саммита признали, что первоочередной задачей человечества является ликвидация бедности, однако решение этой задачи не может производиться в отрыве от решения экологических проблем: "Несомненным достижением форума является признание на уровне мирового сообщества того факта, что обеспечение длительного благополучного развития возможно лишь на основе принципов "зеленой" экономики... Причем, предложения по развитию "зеленой" экономики изначально предусматривают одновременное обеспечение решения приоритетных социально-экономических задач, включая проблемы занятости и улучшения условий жизни людей" [9, с. 5].

Таким образом, всемерная поддержка "зеленого роста" определяет сегодня основное направление поддержки для борьбы с бедностью [9, с. 6]. Еще в июне 2009 г. в рамках встречи Совета Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) на уровне министров 34 стран была подписана "Декларация зеленого роста" под девизом "за более сильную, экологичную и справедливую мировую экономику". В декларации отмечалось, что перед странами мира стоят такие ключевые вызовы, как экономическое восстановление после мирового кризиса, экологически и социально устойчивый экономический рост [10].

Впоследствии на основе принципов указанной декларации ОЭСР разработала более развернутую "Стратегию зеленого роста", приурочив ее к конференции "Рио+20" в июне 2012 г. В этой связи генеральный секретарь ОЭСР Анхель Гурриа отмечал, что миру "необходимы стратегии достижения зеленого роста. Если мы хотим обрести уверенность в том, что прогресс в уровне жизни, который наблюдался в последние пятьдесят лет, не остановится, мы должны изыскать новые пути производства и потребления. И даже дать новое определение тому, что мы понимаем под прогрессом..." [11]. Таким образом, концепция "зеленого роста" призвана решить амбициозную задачу по построению новой модели зеленой экономики, которая мыслится как более экологичная и справедливая альтернатива по отношению к старой ресурсоемкой экономике.

Рассматривая устойчивое развитие в его социально-гуманитарном аспекте, нельзя не отметить, что одной из наиболее фундаментальных проблем современности является

вопрос о соотношении развития и безопасности. Две эти категории можно представить в виде системы координат, учет каждой из которых необходим для движения общества вперед. Ускорение развития без одновременного усиления безопасности способно привести социум к обрушению и повороту “колеса истории вспять”, когда страна вместо движения вперед оказывается отброшенной назад.

Одно из перспективных направлений исследований социально-гуманитарных аспектов устойчивого развития – изучение культурной составляющей развития и, в частности, культуры устойчивого развития. В научном дискурсе она рассматривается как “включающий механизм”, способствующий подгонке друг к другу различных элементов развития – подходов, поведенческих практик и так далее [12, с. 646].

Значимый пласт исследований культурного аспекта устойчивого развития составляют труды в области “экологии культуры”. По мнению ученых, разрабатывающих данную проблематику, существует тесная взаимосвязь между трансформацией природного ландшафта, с одной стороны, и ландшафта культуры и мышления, с другой. Экология культуры составляет единое целое с экологией природы. Таким образом, любая политика развития должна опираться на тезис о том, что культура является одним из ключевых источников жизнеспособности социума, а мир – это органическое и разумное целое [13, сс. 50-62; 14].

Дж. Хокс в книге “Четвертая опора устойчивого развития. Существенная роль культуры в государственном планировании” отмечает, что деятельность по развитию местных сообществ держится на четырех опорах: экономическая опора отвечает за создание материальных ценностей; социальная – распределяет эти ценности; экологическая – контролирует ответственность за окружающую среду; но круг развития не будет замкнут без четвертой опоры – культуры [15].

Масштабное исследование роли и места культуры в устойчивом развитии реализовано в рамках проекта “Исследуя культурную устойчивость” программы “Европейское сотрудничество в области научных исследований и технологий” (European Co-operation in Science and Technology, COST). По его итогам были определены три основные роли культуры:

- 1) культура в устойчивом развитии: культура как одна из опор устойчивого развития;
- 2) культура для устойчивого развития: культура как средство, обеспечивающее устойчивость человеческих потребностей;
- 3) культура как устойчивое развитие: культура как необходимое общее основание всех действий, направленных на устойчивое развитие [16, сс. 28-29].

Необходимость обеспечения культурной устойчивости входит в число ключевых положений Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г., а также руководящих принципов деятельности ЮНЕСКО. Представляется, что значительный потенциал для исследований культурной составляющей развития содержится в идентитарных исследованиях, которые позволяют в рамках научного дискурса говорить об идентичности как о важной опоре устойчивого развития [17].

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ И НАУЧНОМ ДИСКУРСАХ

В России на уровне официального дискурса модель устойчивого развития начала утверждаться после того, как указом Президента России от 1 апреля 1996 г. № 440 была утверждена “Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию”. В 2012 г. в выступлении на Конференции ООН по устойчивому развитию “Рио+20” Д.А. Медведев назвал самой важной проблемой искоренение нищеты. На второе место он поставил необходимость реагировать на экономические и финансовые кризисы, на третье – создание новых эффективных рабочих мест, на четвертое – выработку устойчивых моделей производства и потребления, позволяющих обеспечить стабильный экономический рост и одновременно снимать экологические угрозы [18, сс. 18-19]. Таким образом, в рамках официального российского дискурса акцентируются социальные и экономические аспекты устойчивого развития.

В 1990-е годы важным связующим звеном между российским официальным и научным дискурсами в сфере продвижения концепции устойчивого развития являлся вице-президент РАН, председатель сибирского отделения РАН академик В.А. Коптюг, который “был основным лоббистом принятия соответствующих постановлений правительства по разработке Стратегии устойчивого развития России, предлагая разумную программу, на базе которой российская интеллигенция могла бы реализовать свою функцию в обществе. С уходом из жизни Валентина Афанасьевича эта деятельность фактически прервалась. Однако альтернативы стратегии устойчивого развития до сих пор не появилось, и пока она остается единственно возможным спасением от хаоса, экологических катастроф и социальных взрывов” [19].

В рамках российского научного дискурса было выработано множество определений устойчивого развития. Оно понимается и как “развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, не ставя под угрозу возможностей будущих поколений” [20, с. 8], и как “развитие, которое направлено на удовлетворение духовных, материальных потребностей современных и будущих поколений при соблюдении социальной справедливости и экологических требований, необходимых на данном уровне для природно-общественных систем” [20, с. 9], а также как “улучшение качества жизни в пределах возможностей (емкостей) поддерживаемых экосистем” [21, с. 7].

Российские ученые различают термины “устойчивое развитие” и “поддерживаемое развитие”, считая, что применительно к развивающимся странам некорректно говорить об устойчивом развитии [22, с. 47], вместо которого следует использовать термин “поддерживаемое (сбалансированное) развитие”.

Предполагается, что разница между устойчивым и поддерживаемым развитием заключается в экономической основе. Говорить об устойчивом развитии имеет смысл только тогда, когда социально-экономическая система государства достигла состояния самодостаточности и высокого уровня интегрированности в мировую экономику.

По мнению В.В. Бушуева, даже не все страны с развитой экономикой могут позволить себе быстро и с минимальными затратами перейти на модель устойчивого развития – поэтому на конференции в Рио-де-Жанейро и на предыдущих конференциях ООН речь шла не об устойчивом, а о поддерживаемом развитии [5, с. 247].

Некоторые ученые указывают на опасность абсолютизации эгоцентричного подхода к устойчивому развитию, который выражается во взгляде на человека лишь как на средство достижения экологической устойчивости [23, с. 12].

Ряд исследователей помимо критерия экоэффективности, делающего акцент на эффективном учете экологического фактора, вводят еще один критерий – экосправедливости. Экосправедливость означает стремление выстраивать справедливые взаимоотношения между поколениями, отражая тем самым социально-гуманитарный аспект устойчивого развития [8, с. 38].

КРИТИКА МОДЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

В России рост популярности концепции устойчивого развития пришелся на рубеж 1980-1990-х годов. Примечательно, что в этот период даже критически мыслящие интеллектуалы попали под обаяние данной концепции. Так, философ А.С. Панарин писал, что “в качестве нормативной модели мы закладываем в прогноз, сформулированный на конференции в ООН в Рио-де-Жанейро, принцип устойчивого развития. Цивилизованная геополитика должна соответствовать этим двум внутренне не тождественным критериям стабильности и развития. Применительно к России первый критерий означает, что ее геополитическое положение должно быть достаточно безопасным, а границы – надежными и легитимными (то есть не только защищенными изнутри, но и признанными международным сообществом). Второй критерий означает, что геополитическое положение страны не должно препятствовать ее экономическому, социальному и культурному развитию, выходу к мировым коммуникациям” [24, с. 363]. Вместе с тем уже тогда была верно обозначена цель обезопасить развитие. Вопрос

заключается лишь в том, насколько безопасным является само устойчивое развитие.

Постепенно в отечественной и зарубежной практике стало выкристаллизовываться понимание ограниченности концепции устойчивого развития, что нашло отражение в нарастании критики как в адрес данной концепции в целом, так и применительно к отдельным ее аспектам. Самым слабым местом концепции является то, что она представляет собой технократическую теорию, поэтому, чем на более высокий уровень философских обобщений поднимается тот или иной мыслитель, тем больше противоречий он в ней находит. Кроме того, радикальная интерпретация концепции устойчивого развития может включать идею ограничения как экономического, так и демографического роста, стимулируя тем самым процессы деиндустриализации и депопуляции.

Что касается зарубежных стран, философская критика в течение всего XX столетия в основном была направлена на антропологический критерий концепции. При этом можно отметить, что критические замечания раздавались с различных позиций, в том числе и с консервативных.

Значительный вклад в критику внесли немецкие мыслители, поскольку у них была выработана собственная феноменолого-герменевтическая позиция, связанная с классической немецкой философией. В частности, критику осуществляли философы “консервативной революции”, такие как К. Ясперс, М. Хайдеггер, Э. Юнгер, Ф.Г. Юнгер, Р. Генон, В. Ойкен, П. Слотердайк. Их мысль в целом была вдохновлена католической церковью и заложила философские основы для деятельности консервативных европейских партий в начале 1950-1960-х годов. Наиболее интересным в этом ключе представляется опыт консервативных политических партий ФРГ, таких как ХДС и ХСС, поскольку, в отличие от других европейских стран, в Германии деятельность политических партий была неразрывно связана с философским контекстом.

В основу данной критики был положен принцип обоснования человека как онтологической сущности с его страстями и желаниями, противостоящего попыткам внешнего мира завлечь его в мир вещей и отвлечь от своего существования. До полномасштабного утверждения концепции “устойчивого развития” дожили лишь П. Слотердайк и Э. Юнгер (умерший в 1998 г.). Э. Юнгер в своей работе “Смена Гештальта. Прогноз на XXI век” отмечал, что настало “время титанов”, которые повергли “богов”. В интерпретации Э. Юнгера под богами понималось собственная экзистенция человека, тогда как титаны имели отношение к капиталистической цивилизации, что близко к трактовке бытийственности у М. Хайдеггера. Среди важных проблем, затронутых Э. Юнгером, стоит выделить его отношение к войне. По мнению мыслителя, “мировое государство” (существование которого Юнгер признавал) не сможет отменить насилие, поскольку оно есть часть творения. В рамках предложенной Э. Юнгером схемы устойчивое развитие можно рассматривать как проявление “времени титанов”, поскольку оно делает акцент на материальных, технократических факторах, упуская из виду духовные, морально-нравственные аспекты развития.

Заслуживает внимания и критика с точки зрения неолиберальных кругов. Представители неолиберализма критикуют устойчивое развитие с позиций свободного рынка, неограниченной рыночной экономики. Тезисы неолибералов в основном сводятся к тому, что сопряженная со стремлением к успеху свобода личности не должна быть скована никакими этическими ограничениями. Данная критика в США популярна среди мыслителей, придерживающихся взглядов Милтона Фридмана и Айн Рэнд.

Что касается полемически настроенных левых мыслителей, важная роль принадлежит неомарксистской школе, негативно воспринявшей концепцию устойчивого развития в рамках более широкой критики капиталистической мир-системы в целом. Так, наиболее видный представитель современного неомарксизма И. Валлерстайн ставил вопрос о том, возможно ли устойчивое развитие при капитализме: “...Подлинная проблема носит не экологический, а политический характер. Возможно ли устойчивое развитие в рамках капиталистической социальной системы? ...Если мы остаемся в условиях капитализма, выхода у нас нет...” [25, с. 98].

Еще один важный аспект неомарксистской критики – взгляд с позиций конституционного патриотизма Ю. Хабермаса, позднего представителя немецкой “Франкфуртской школы”. По мнению мыслителя, консолидирующим основанием развития может выступать принятие гражданами страны демократических ценностей и прав человека. Важное значение здесь приобретает гражданская идентичность, которая “связывает индивида и государство путем закрепления правового статуса гражданина и вытекающих из такого статуса личных свобод, прав и общественных обязанностей” [17, с. 601].

С точки зрения экологической повестки устойчивого развития основная критика возникает в связи со сциентистской и инструментальной в своей основе концепцией глобального потепления (изменения климата). Возникло целое движение скептиков, основной концепцией которых является неверие в данные о том, что климатические изменения вызваны преимущественно антропогенными факторами. Вера оказалась подорвана различными “фейками” со стороны климатологов, сторонников глобального потепления. В то же время на основе концепции энвайронментализма, тесно связанной с концепцией устойчивого развития, в ФРГ и в других странах Европы были построены экологические партии – партии “зеленых”.

По мнению ряда мыслителей, одним из наиболее слабых мест концепции устойчивого развития выступает тот факт, что развитие – это нелинейный процесс, протекающий в системе, априори находящейся в неустойчивом состоянии, сочетать который с устойчивостью весьма сложно. Кроме того, концепция устойчивого развития затрагивает только экономическую и экологическую сферу, в то время как морально-нравственная мотивация и социокультурная проблематика оказываются за рамками данной модели [26, с. 187].

Исследователи отмечают, что концепция устойчивого развития создавалась под воздействием эоцентризма (биоцентризма), техноцентризма, а также антропоцентризма. Зарождение данной концепции происходило во многом в рамках полемики между эоцентристами и техноцентристами. С одной стороны, «докладчики Римского клуба были в основном эоцентристами, и доклад “Пределы роста” стал своеобразным манифестом эоцентризма, согласно которому базовым элементом среды является не человек и не разум, но окружающая среда – экосистема, в которую вписано и общество, и человек. Экологическая опасность возникает в результате негативного воздействия социальной надстройки над экосистемой» [26, с. 189]. Важно подчеркнуть, что “биосферно-центрический (эоцентрический) подход, нацеленный на сохранение биосферы, рассматривает человека в качестве биологического вида, который зависит от состояния биосферы и подчиняется ее законам... Развитие человеческого общества рассматривается как часть эволюции природы, что требует подчинения человека законам природы. Приоритетным в данном подходе является сохранение и поддержание природных экосистем” [8, с. 40].

С другой стороны, “с точки зрения техноцентристов, источником опасности для окружающей среды являются процессы не эксплицитные, вызываемые человеческой деятельностью, но имманентные самой экосфере. В соответствии с этим проблема роста может быть решена достаточно эффективно при помощи уже имеющихся в современной экономике инструментов” [26, с. 190].

В отличие от эоцентричного и технократичного подходов, ставящих во главу угла природу и технику соответственно, антропоцентрический подход “строится по правилам, которые устанавливает человек, и базируется на требованиях, которые тот предъявляет к качеству окружающей среды обитания и полезности природных объектов в целях удовлетворения потребностей” [8, с. 39]. Без учета антропоцентричного подхода, который нередко отходит на второй план, можно говорить об ограниченности теории устойчивого развития рамками своеобразного экологического технократизма, что позволяет критиковать эту концепцию за узость предлагаемого ей подхода.

Более того, существует противоречие между экологической и экономической составляющими устойчивого развития, поскольку развивающаяся экономика требует технического прогресса, интенсивной технологической модернизации и индустриализации, которые увеличивают нагрузку на окружающую среду. Д.Ю. Шаталов-Давыдов отмечает труднодостижимость соответствия между борьбой с бедностью, с одной стороны, и защитой

окружающей среды, с другой стороны, поскольку борьба с бедностью подразумевает экономический рост, расширение промышленного производства, тогда как борьба с изменением климата, напротив, нередко подразумевает отказ от активной промышленной политики. “При этом все вышеперечисленные проблемы сходятся в рамках данной оппозиции: экологическая стабильность – экономический рост. Экологическая стабильность подразумевает относительное равновесие в рамках экосистемы (динамическое равновесие), регулируемое естественными биологическими механизмами (в том числе биологическими циклами). Экономический рост заключается в отторжении территории под производство и добычу природных ресурсов, что в разы превышает их естественное возобновление. Экономический рост приводит к изменению равновесия биосистемы и к ее деградации. Экологическая стабильность требует сохранения постоянства состава среды, т.е. отсутствия производства, отбирающего территорию и ресурсы” [27, с. 451].

Попытка снять противоречие между задачами по обеспечению экологической стабильности и безопасности, с одной стороны, и социально-экономического развития, с другой стороны, была предпринята в рамках концепции экомодернизации, развиваемой в России социологом О.Н. Яницким. По мнению исследователя, «в современном мире уже нет отдельно “человека” и “природы”: человек экологизирован, природа социализирована. Отсюда следует, что меры по сохранению и улучшению состояния среды обитания есть необходимый компонент “пакета” мер развития. Сегодня “экологический фактор” – растущий по значению ограничитель любых усилий по модернизации производства и его инфраструктуры...» [28, с. 95]. Давая определение концепту экомодернизации, ученый подчеркивает, что “социально-экологическая модернизация понимается мною как процесс развития общества и государства в глобальном контексте, обеспечивающий одновременное достижение нескольких целей: устойчивое, но при этом поступательное развитие общества, наращивание его экономической мощи и социального потенциала при одновременном сохранении чистой и безопасной среды обитания, обеспечение его экономической и иной безопасности при минимальных рисках и необратимых потерях для локальных экосистем и биосферы в целом” [29, с. 18].

Таким образом, возвращаясь к вопросу соотношения категорий развития и безопасности, следует подчеркнуть, что устойчивое развитие отчасти решает лишь проблемы экологической и технологической (техноэкономической) безопасности, но нужно иметь в виду, что и между двумя этими задачами существует противоречие. Крайне непросто одновременно добиться целей по формированию безопасной экономики и по обеспечению безопасной экологии, поскольку возрастающие по мере технологической модернизации нагрузки, риски и угрозы для окружающей среды представляют собой значительный экологический вызов. Кроме того, основная часть имеющихся в настоящий момент в распоряжении человечества инструментов устойчивого развития требует огромных затрат, неподъемных для большинства акторов. В то же время проблемы социальной безопасности, культурной безопасности, геополитической безопасности, а тем более вопрос об угрозах духовной целостности и моральным приоритетам личности и вовсе оказываются за рамками данной концепции.

Помимо концепции устойчивого развития, в научном и политическом дискурсе заметное место занимает ряд других концепций развития. Рассмотрим некоторые из них.

СТРЕССОУСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

Под стрессоустойчивостью системы, будь то государство в целом или отдельные его институты, в политической науке понимается прежде всего способность системы “абсорбировать возмущения и реорганизовываться в процессе изменений, сохраняя свои функции, структуру, идентичность и систему обратной связи” [30, с. 443].

Стрессоустойчивость можно рассматривать как меру стойкости систем и их способности поглощать изменения и колебания и при этом сохранять прежние отношения между популяциями или переменными состояниями [31, сс. 390-405]. Поскольку развитие неизбежно сопряжено с колебаниями и потрясениями, концепция стрессоустойчивости привлекает внимание многих ученых и политиков.

Вопрос стрессоустойчивого развития по-разному отражается в национальных государственных документах. Так, в Белой книге по вопросам политики безопасности Германии и будущему бундесвера 2016 г. такое развитие понимается как “способность государства, экономики и общества противостоять шокам, вызванным природными катастрофами, системными сбоями или целенаправленными атаками, и адаптироваться к ним... сохраняя при этом нормальное функционирование”.

Иначе расставлены акценты в Глобальной стратегии Европейского союза 2016 г., где стрессоустойчивость характеризуется как “способность государств и обществ реформироваться, тем самым выдерживая внутренние и внешние кризисы и восстанавливаясь после них” [32]. Примечательно, что антонимом стрессоустойчивости в большинстве концептуальных документов по вопросам внешней и оборонной политики выступают термины “хрупкость” (*fragility*) и “крах [государства]” (*state failure*) [32, с. 141].

Некоторые авторы полагают, что главный недостаток концепции стрессоустойчивого развития состоит в том, что в ней не предусмотрены инструменты, направленные на улучшение положения наименее защищенных групп населения. Таким образом, данная парадигма способствует укреплению уже сложившихся социальных отношений и как следствие, дальнейшему укреплению позиций привилегированных социальных групп [33].

Новозеландский политолог Бронвин Хейуорд, занимающаяся изучением устойчивости в условиях изменения климата, отмечает, что деполитизированность постулатов концепции стрессоустойчивости является препятствием на пути к тому, чтобы трансформировать те “драйверы социальных и экономических изменений, которые несут в себе угрозу дестабилизации климата, деградации окружающей среды и роста социального неравенства” [34].

В этой связи ряд авторов предлагают иные варианты концепции стрессоустойчивого развития, в которые инкорпорированы элементы теорий, уделяющих большее внимание социальным вопросам. К примеру, концепция “справедливой стрессоустойчивости” (*equitable resilience*), разрабатываемая группой исследователей из Йоркского университета, делает акцент на вопросах социальной уязвимости, неравномерного доступа граждан к власти, знанию и ресурсам. Этим данный подход выгодно отличается от классического взгляда на стрессоустойчивое развитие. По мнению авторов концепции, развитие во многом зависит, с одной стороны, от того, как люди воспринимают свое место в системе “человек – окружающая среда” и каким образом хотели бы изменить эту диспозицию; с другой стороны, – от того, насколько политический режим способен интегрировать различные сообщества, предоставлять достаточный объем субъектности властям всех уровней, избегая отчуждения людей от власти [35].

На практике развитие в духе справедливой стрессоустойчивости требует постоянного контекстуального анализа ключевых элементов государственных систем по таким параметрам, как субъективность, инклюзивность, масштаб и трансформация, на основе методов, которые способны проявить то, какие именно нарративы, практики и формы регулирования поддерживают и формируют акторы и институты (формальные и неформальные). Представляется, что такой подход к развитию имеет достаточно существенный потенциал, однако его реализация требует серьезных аналитических усилий (в том числе разработки инновационных методов политического анализа) и высокой готовности властей инкорпорировать выводы научного сообщества в политические практики.

ЭКОЛОГИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННОЕ РАЗВИТИЕ

Многое в современном мире указывает на то, что парадигма развития, базирующаяся на традиционных принципах экономического роста, отрицательно сказывается на окружающей среде и обществе. Растет загрязненность атмосферы, природа все больше уступает антропогенному натиску, целый ряд территорий планеты по-прежнему представляют собой очаги бедности, почти во всех регионах мира ослабевают социальные связи.

В этой связи многие исследователи задаются вопросом: будет ли дальнейший экономический рост способствовать реальному благополучию населения Земли, или же он только истощает ограниченные ресурсы планеты, снижает качество окружающей среды и ведет к эрозии социальной сплоченности?

Герман Дэйли, один из пионеров экономики стационарного (устойчивого) состояния, то есть экономики со стабильными ключевыми показателями, не выходящими за рамки допустимых для экосистемы, предложил концепцию развития, направленную одновременно на сокращение чрезмерного потребления и обеспечение экологической устойчивости. Для ее реализации он предложил ввести безусловный базовый доход и ограничить размер состояния и доходов для устранения потребности в расширении экономики. Чтобы избежать дальнейшего бесконтрольного загрязнения природы и безответственного потребления природных ресурсов, предлагается ввести “зеленые налоги” с прогрессивной ставкой [36; 37]. Для многих ученых такие налоги выступают ключевым инструментом обеспечения не только экологической устойчивости, но и социальной справедливости. Так, профессор Бакнеллского университета Марцеллус Эндрюс полагает, что государство должно распределять отчисления от “зеленых налогов” по системе базового дохода [38].

Ряд авторов полагает, что помимо “зеленых налогов” необходимо выстраивание глобальной системы санкций за преступления против природы (“экоцида”, по аналогии с геноцидом). В рамках такой системы, считают ученые, сама природа должна рассматриваться как стейкхолдер или юридическое лицо [39, с. 40]. Представляется, что сама фундаментальность постановки вопроса о защите природы заслуживает внимания, однако при переходе к конкретным практикам такого рода следует избегать “перегибов” – радикализации экологической повестки дня и действий в духе неомальтузианского подхода.

РАЗВИТИЕ БЕЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Концепция устойчивой трансформации на базе антироста (отрицательного экономического роста) (*sustainable degrowth transformation*) базируется на идее о том, что прогресс человечества возможен и в отсутствие экономического роста [41; 42]. Она подразумевает сокращение производства и потребления, что должно способствовать росту благосостояния людей и улучшению экологической обстановки как на местном, так и на глобальном уровне [43]. Реализация такой концепции развития невозможна без изменений в самой культуре потребления, потребительских паттернов граждан в сторону как более умеренного потребления материалов и энергии, так и более ответственного отношения к природе и ресурсам в целом – другими словами, более бережливого образа жизни.

Отличительной чертой концепции антироста выступает то, как в ее рамках переосмысляются сами понятия “развитие” и “прогресс”. Их предлагается операционализировать на базе новых индикаторов, которые должны отражать динамику таких процессов как сплочение местных сообществ, совместные действия социальных групп, а также формирование инфраструктуры, в рамках которой благосостояние обеспечивается за счет механизмов, не связанных с потреблением [44].

Для перехода к развитию без роста предлагается сконцентрироваться на подходах и технологиях, которые способствуют более эффективному использованию ресурсов (в противоположность повышению производительности труда), а именно: ввести более прогрессивную шкалу налогообложения; установить налоги на деятельность, наносящую вред окружающей среде; перенаправить инвестиции из “грязных” в “зеленые” сектора экономики; принять законодательство, предоставляющее привилегии социально и экологически ответственным компаниям и организациям.

Пример подобного подхода – “глобальный дизайн – локальное производство” (*design global, manufacture local, DGML*). В основе такого подхода лежит практика, при которой местное сообщество контролирует использование ресурсов при производстве, которое, в свою очередь, осуществляется на совместно используемой инфраструктуре (например, 3D-принтере), не требует больших затрат и легко приспособляемо для потребностей местных жителей.

Благодаря этому *DGML*-производство способствует технологической автономности местных сообществ – люди могут в большей степени контролировать институты и технологии, влияющие на их жизнь. Таким образом, местные сообщества оказываются более социально защищенными. Среди примеров успешных *DGML*-процессов – производство роботизированных рук, протезов и малых ветряных турбин [45].

Подобные практики также характерны для «совместного производства “на равных”» (*commons-based peer production, CBPP*), при котором формирование добавочной стоимости и распределение продуктов происходит в рамках местных экосистем на базе открытой технологической инфраструктуры, которая позволяет членам местного сообщества выстраивать коммуникацию, самоорганизовываться и создавать собственные продукты без необходимости получать на то разрешение от вышестоящих инстанций [46]. Примеры подобных инициатив – проект общедоступной многоязычной универсальной Интернет-энциклопедии со свободным контентом *Wikipedia* и софтверные опенсорс-проекты (*GNU / Linux, Apache Web Server*).

Результатом развития в парадигме антироста должна стать “экономика пост-роста”, которую характеризует уменьшенная дистанция между производителями и потребителями, сокращенное время рабочего дня, стратегии по снижению потребления за счет сбережения ресурсов, ремонта и шеринга, включающие комплекс мер, стимулирующих общество и бизнес следовать этим принципам [47; 48]. Ряд ученых придерживается более радикальной версии концепции анитроста и выступает за фундаментальную политическую и экономическую реорганизацию и социальную трансформацию, которые в совокупности должны привести к качественному сокращению потребления ресурсов и энергии [48; 49].

Однако представляется, что радикальные меры не релевантны для борьбы с комплексными вызовами, которые стоят перед современными национальными государствами. Такие меры, напротив, способны серьезно обострить социально-экономическую напряженность в обществе и привести к политическим кризисам в этих государствах.

РАЗВИТИЕ НА ОСНОВЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БОЛЬШИХ ДАННЫХ

В основе концепции “Персональные данные как источник развития” (*Data for Development, D4D*) лежит тезис о том, что данные, генерируемые пользователями мобильных устройств и компьютеров, могут быть использованы для разработки таргетированных инициатив, направленных на улучшение качества жизни граждан. С каждым годом объем таких данных растет, что открывает огромные возможности для анализа нужд и проблем населения. Наиболее перспективные области для подобных инициатив – здравоохранение, сельское хозяйство, безопасность, оказание государственных услуг.

Один из наиболее известных проектов такого рода – программа ООН “Глобальный пульс” (*Global Pulse*) [50] (инновации в сфере данных для целей развития). В рамках программы осуществляется мониторинг ситуации в развивающихся странах с помощью анализа больших данных с мобильных устройств. *Global Pulse* действует на базе инновационных центров, расположенных в Нью-Йорке (США), Кампале (Уганда) и Джакарте (Индонезия), которые сотрудничают с организациями системы ООН и государствами-членами.

К примеру, в рамках проекта “Филантропия данных”, направленного на обеспечение безопасного и ответственного использования данных в целях устойчивого развития и гуманитарной деятельности, *Global Pulse* сотрудничает с *Twitter*. Анализ переписки в социальной сети позволяет формировать банк данных, содержащий сведения о стоимости продуктов питания, наличии рабочих мест, доступе к медицинскому обслуживанию, качестве образования и стихийных бедствиях. Эта информация используется при разработке локальных программ помощи развитию по всему миру.

Среди других проектов программы – инициатива *GSMA* “Большие данные для социального обеспечения”: мощности мобильных операторов используются для борьбы с гуманитарными кризисами, включая эпидемии и стихийные бедствия. Инициатива *Data for Climate Action*

объединяет исследователей во всем мире с данными и инструментами ведущих компаний для поиска решений в деле борьбы с изменением климата, “коллаборативные данные” здесь – ключевой инструмент сотрудничества, создаваемый через обмен данными представителями различных сфер [51].

Концепция “Персональные данные как источник развития” открывает большие возможности для государственно-частного партнерства. Так, в ЮАР властями страны при поддержке корпорации *IBM* был реализован проект *WaterWatchers*: с помощью мобильного приложения пользователь мог сообщить о любой проблеме, связанной с водой, – от протекания или засорения трубы до ее отсутствия. Собранные данные были использованы для трансформации системы водоснабжения в стране [52].

Информация, полученная в результате анализа больших данных, может быть использована не только для разработки программ развития для отдельных целевых аудиторий, но и для прогнозирования и предотвращения кризисов. К примеру, анализ информации о потреблении продуктов питания позволит спрогнозировать продовольственный кризис задолго до его начала.

Кроме того, большие данные позволяют выявить перспективные ниши для развития бизнеса и гражданских инициатив, что способствует созданию новых рабочих мест через развитие малого и среднего предпринимательства и, как следствие, росту экономики.

По данным ООН, развитие на основе больших данных может внести вклад в устойчивое развитие в целом ряде областей, при этом во многом способствуя продвижению именно социально-гуманитарных аспектов развития (см. табл. 1).

Таблица 1. Большие данные и Цели устойчивого развития ООН

Направление развития	Метрики
Ликвидация нищеты	Оплата услуг мобильной связи – один из индикаторов уровня дохода
Ликвидация голода	Краудсорсинг или отслеживание цен на продукты онлайн поможет в мониторинге продовольственной стабильности
Хорошее здоровье и благополучие	Картографирование перемещений пользователей мобильных телефонов поможет прогнозировать рост инфекционных заболеваний
Качественное образование	Информация, полученная от граждан, позволит определить причины ухода из вузов
Гендерное равенство	Анализ финансовых транзакций поможет установить структуру расходов и влияние кризисов на мужчин и женщин
Чистая вода и санитария	Сенсоры на насосах позволят отслеживать доступ к чистой воде
Недорогостоящая чистая энергия	Счетчики позволяют энергетическим компаниям снижать или ограничивать поток электричества, газа и воды в целях экономии или для обеспечения всех потребителей в пиковые периоды
Достойная работа и экономический рост	Тенденции глобальных объемов почты – один из индикаторов экономического роста, объема денежных переводов, темпов торговли и ВВП
Индустриализация, инновации и инфраструктура	Данные, полученные с устройств с <i>GPS</i> , можно использовать для контроля движения и повышения эффективности систем общественного транспорта
Уменьшение неравенства	Речевой анализ местного радио-контента поможет зафиксировать случаи дискриминации и оказать необходимую поддержку в области разработки соответствующей политики
Устойчивые города и населенные пункты	Спутниковые сенсоры позволят следить за состоянием общественных земель, парков и лесов
Ответственное потребление и производство	Поиск и покупки онлайн помогут определить скорость перехода к энергоэффективным продуктам
Борьба с изменением климата	Сочетание спутниковой съемки, краудсорсинга мнений и открытых данных позволит отслеживать темпы обезлесения
Сохранение морских экосистем	Отслеживание морских судов поможет бороться с нелегальным выловом
Сохранение экосистем суши	Мониторинг социальных сетей поможет в поддержке усилий по смягчению последствий стихийных бедствий, определении местонахождения жертв, состояния пожаров

Мир, правосудие и эффективные институты	Анализ сообщений в социальных сетях позволит определить общественное мнение относительно эффективного управления, оказания социальных услуг, защиты прав человека
Партнерство в интересах целей устойчивого развития	Партнерства, способствующие сочетанию статистики, мобильных и онлайн данных, помогут в понимании современного мира, в котором все соединены

Источник: *UN Global Pulse [50]*.

ОТВЕТСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

Концепция ответственного развития, разрабатываемая научной школой ИМЭМО РАН, делает акцент на морально-нравственных и социокультурных аспектах развития.

Центральный элемент концепции – система принципов и механизмов, которая обеспечивает постоянное соотнесение деятельности институтов государства с динамикой и особенностями развития местных сообществ. Это в первую очередь культура диалога и обратной связи, а также культура участия граждан в различных формах социальной активности.

Ответственное развитие опирается прежде всего на возобновляемые источники и нематериальные стимулы жизнедеятельности человека, такие как интеллектуальные источники экономических и социальных инноваций. При планировании стратегий развития с использованием новых технологий необходима взвешенная оценка последствий их внедрения и ожидаемого влияния не только на экономику, но и на социальные отношения, сознание и мышление индивида.

Морально-нравственное измерение ответственного развития охватывает такие аспекты, как максимизация использования возобновляемых источников энергии, гражданское участие, а также укрепление институциональных связей с целью формирования сильных институтов.

В числе приоритетов ответственного развития – поддержание оптимального для минимизации рисков баланса между инновационным мышлением и опорой на традицию, утверждение нравственной мотивации развития, а также расширение возможностей участия граждан в формировании и поддержании дружественной для реализации индивидуальных творческих устремлений социальной среды [53].

Представляется, что ключевым вызовом для движения к новой парадигме развития выступает продвижение его приоритетов в политическую повестку дня и мотивация ответственных субъектов развития, выход данной повестки за пределы научно-экспертного сообщества в плоскость практического целеполагания и конкретных практик развития.

* * *

Концепция устойчивого развития продолжает занимать ведущее положение в научном и политическом дискурсе как парадигма для поиска ответа на глобальные вызовы, стоящие перед национальными государствами. Как показало проведенное исследование, эта парадигма не лишена внутренних противоречий, прежде всего в части ее социально-гуманитарных аспектов.

С точки зрения практического результата для граждан ключевое значение имеет то, в какой степени органы государственной власти инкорпорируют те или иные элементы концепций развития в политическую практику: концентрируются ли они только на отдельных ее элементах, таких как ликвидация бедности (что может привести к “пробуксовке” других элементов), или разрабатывают комплекс мер, которые бы позволили гармоничному развитию всех составляющих экосистемы (к примеру, экономика–экология, экономика–безопасность и так далее). Здесь принципиально важен факт наличия диалога и культуры обратной связи между лицами, принимающими решения на уровне национальных государств, и научным сообществом.

Необходимо подчеркнуть, что концепция устойчивого развития имеет явные лакуны с позиций формирующейся концепции ответственного развития, поскольку устойчивость без

ответственности невозможна. Это, в свою очередь, означает необходимость стимулирования ответственного поведения как граждан, так и бизнеса. Задача заключается в том, чтобы формировать условия для диалога между гражданским обществом, государством и корпорациями с целью соблюдения баланса интересов и потребностей развития. Возможными субъектами ответственного развития, влияющими на принятие решений в соответствующем направлении, могли бы стать разнообразные группы интересов гражданского общества и корпоративного сектора, такие как социально ориентированные НКО, экологические ассоциации, объединения социально ориентированного бизнеса и т.д. Нельзя исключать и трудностей на этом направлении, к примеру, связанных с дефицитом ответственности со стороны корпораций или же с чрезмерным радикализмом экологических активистов.

Представляется, что те противоречия, которые характерны для концепции устойчивого развития, отчасти могут быть решены на уровне ее реализации на практике: их возможно компенсировать за счет комбинирования постулатов концепции устойчивого развития и ряда других концепций, в том числе рассмотренных выше. Что же касается концепции устойчивого развития как продукта научного знания, можно сделать вывод, что большинство противоречий не могут быть решены на уровне самой этой концепции. Для этого требуется выход на более высокий концептуальный уровень с целью их “снятия” в гегелевском смысле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development*. 21.10.2015. Available at: <https://undocs.org/en/A/RES/70/1> (accessed 19.08.2019).
2. Лапкин В.В. Пространственно-территориальные альтернативы политического развития в эпоху глобальной трансформации. *История и современность*, 2018, № 4, сс. 30-49. [Lapkin V.V. Prostranstvenno-territorial'nye al'ternativy politicheskogo razvitiya v epokhu global'noi transformatsii [Spatial and Territorial Alternatives of Political Development in the Era of Global Transformation]. *Istoriya i sovremennost'*, 2018, no. 4, pp. 30-49]. DOI: 30884/iis/2018.04.02
3. Бардин А.Л., Баринов И.И. Проблемы национального развития и консолидации политических пространств (на примере Молдовы и Румынии). *Полис. Политические исследования*, 2018, № 6, сс. 99-111. [Bardin A.L., Barinov I.I. Problemy natsional'nogo razvitiya i konsolidatsii politicheskikh prostranstv (na primere Moldovy i Rumynii) [Problems of National Development and Consolidation of Political Spaces (the Cases of Moldova and Romania)]. *Political Studies*, 2018, no. 6, pp. 99-111.] DOI: 10.17976/jpps/2018.06.07
4. *Повестка дня на XXI век*. [Agenda 21 (In Russ.)] Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/agenda21.pdf (accessed 19.08.2019).
5. Sachs J.D. *The Age of Sustainable Development*. New York, Columbia University Press, 2015, 543 p.
6. Бушув В.В. К вопросу о концепции устойчивого развития. *Культура народов Причерноморья*, 2001, № 26, сс. 246-249. [Bushuev V.V. K voprosu o kontseptsii ustoichivogo razvitiya [On the Concept of Sustainable Development]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*, 2001, no. 26, pp. 246-249.]
7. Коптюг В.А. Концепция устойчивого развития и социально-политические движения. *Наука из первых рук*, 2011, т. 38, № 2, сс. 38-51. [Koptyug V.A. Kontsepsiya ustoichivogo razvitiya i sotsial'no-politicheskie dvizheniya [The Concept of Sustainable Development and Socio-Political Movements]. *Nauka iz pervykh ruk*, 2011, vol. 38, no. 2, pp. 38-51.]
8. Пустохина Н.Г., Валиев В.Н. Концепция устойчивого развития: основные положения. *Известия Уральского государственного горного университета*, 2015, № 2 (38), сс. 37-41. [Pustokhina N.G., Valiev V.N. Kontsepsiya ustoichivogo razvitiya: osnovnye polozheniya [The Concept of Sustainable Development: Key Points]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo gornogo universiteta*, 2015, no. 2 (38), pp. 37-41.]
9. Захаров В.М. Итоги Конференции «Рио+20»: новые возможности. *На пути к устойчивому развитию России*, 2012, № 61, сс. 4-6. [Zakharov V.M. Itogi Konferentsii «Rio+20»: novye vozmozhnosti [Results of the Rio +20 Conference: New Opportunities]. *Na puti k ustoichivomu razvitiyu Rossii*, 2012, no. 61, pp. 4-6.]
10. *Declaration on Green Growth. Adopted at the Meeting of the Council at Ministerial Level on 25 June 2009*. Available at: <https://www.oecd.org/env/44077822.pdf> (accessed 18.10.2019).
11. *Курс на зеленый рост*. [Towards Green Growth (In Russ.)] Available at: <https://www.oecd.org/greengrowth/48634082.pdf> (accessed 18.10.2019).
12. Никонорова Е.В. Культура и устойчивое развитие: основания взаимовлияния и контуры интеграции. *Обсерватория культуры*, 2016, т. 13, № 6, сс. 644-651. [Nikonorova E.V. Kul'tura i ustoichivoe razvitie: osnovaniya vzaimovliyaniya i kontury integratsii [Culture and Sustainable Development: The Foundations of Mutual Influence and the Contours of Integration]. *Obseratoriya kul'tury*, 2016, no. 6, pp. 644-651.]
13. Лихачев Д.С. Экология культуры *Прошлое – будущему*. Ленинград, Наука, 1985. 575 с. [Likhachev D.S. Ekologiya kul'tury [Ecology of Culture]. *Proshloe – budushchemu* [Past to the Future]. Leningrad, Nauka, 1985. 575 p.]
14. Генисаретский О.И. Экология культуры: от ценностных ориентаций – к проектной концептуалистике. *Экология культуры. Теоретические и проектные проблемы*. Москва, Всероссийский институт культурологии, 1991, сс. 3-10. [Genisaretskii O.I. Ekologiya kul'tury: ot tsennostnykh orientatsii – k proektnoi kontseptualistike [Ecology of Culture: from Value Orientations to Project Conceptualism].

- Ekologiya kul'tury. Teoreticheskie i proektnye problemy* [Ecology of Culture. Theoretical and Project Problems]. Moscow, Vserossiiskii institut kul'turologii, 1991, pp. 3-10.]
15. Hawkes J. *The Fourth Pillar of Sustainability: Culture's Essential Role in Public Planning*. Melbourne, Cultural Development Network, 2001. 70 p.
 16. Dessein J., Soini K., Fairclough G., Horlings L. eds., *Culture in, for and as Sustainable Development. Conclusions from the COST Action IS1007 Investigating Cultural Sustainability*. University of Jyväskylä, Finland, 2015. 73 p. Available at: <https://www.cost.eu/wp-content/uploads/2018/07/52525.pdf> (accessed 19.08.2019).
 17. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Москва, Весь Мир, 2017. 992 с. [Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie [Identity: the Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia]. Moscow, Ves' Mir, 2017. 992 p.]
 18. Выступление Председателя Правительства РФ Д.А. Медведева на Конференции ООН по устойчивому развитию "Рио+20". *На пути к устойчивому развитию России*, 2012, № 61, с. 18-19. [Vystuplenie Predsedatelya Pravitel'stva RF D.A. Medvedeva na Konferentsii OON po ustoichivomu razvitiyu "Rio+20" [Speech by Head of Russian Government D.A. Medvedev during UN Conference of Sustainable Development "Rio+20"]. *Na puti k ustoichivomu razvitiyu Rossii*, 2012, no. 61, pp. 18-19.]
 19. Коптюг В.А. Повестка дня на XXI век. Концепция устойчивого развития и социальной-политический движения. *Наука из первых рук*, 2011, т. 38, № 2, с. 36-51 [Koptiug V.A. Povestka dnya na XXI vek. Kontsepsiya ustoichivogo razvitiya i sotsial'noi-politicheskii dvizheniya. [Agenda for XXI Century. The Concept of Sustainable Development and Socio-Political Movement.]. *Nauka iz pervykh ruk*, 2011, vol. 38, no. 2, p. 36-51.]
 20. Котляков В.М., Глазовский Н.Ф., Руденко Л.Г. Географические подходы к проблеме устойчивого развития. *Известия РАН. Серия География*, 1997, № 6, с. 8-15. [Kotlyakov V.M., Glazovskii N.F., Rudenko L.G. Geograficheskie podkhody k probleme ustoichivogo razvitiya [Geographic Approaches to the Problem of Sustainable Development]. *Izvestiya RAN. Seriya Geografiya*, 1997, no. 6, pp. 8-15.]
 21. Баденко Ю.П. Устойчивое развитие горных территорий. *Известия РАН. Серия география*, 1998, № 6, с. 7-21. [Badenko Yu.P. Ustoichivoe razvitie gornyykh territorii [Sustainable Development of Mountain Territories]. *Izvestiya RAN. Seriya geografiya*, 1998, no. 6, pp. 7-21.]
 22. Серебрянный Л.Р., Скопин А.Ю. Поддерживаемое, сбалансированное или устойчивое развитие? *Известия РАН. Серия география*, 1998, № 1, с. 44-49. [Serebryannyi L.R., Skopin A.Yu. Podderzhivaemoe, sbalansirovannoe ili ustoichivoe razvitie? [Sustained, Balanced or Sustainable Development?] *Izvestiya RAN. Seriya geografiya*, 1998, no. 1, pp. 44-49.]
 23. Фоменко Г.А. Политика устойчивого развития и особенности географических исследований. *Известия РАН. Серия география*, 1997, № 4, с. 8-18. [Fomenko G.A. Politika ustoichivogo razvitiya i osobennosti geograficheskikh issledovaniy [Politics of Sustainable Development and Specifics of Geographic Studies]. *Izvestiya RAN. Seriya geografiya*, 1997, no. 4, pp. 8-18.]
 24. Панарин А.С. *Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке*. Москва, Русский мир, 2005. 432 с. [Panarin A.S. Revansh istorii: Rossiiskaya strategicheskaya initsiativa v XXI veke [The Rematch of History: Russian Strategic Initiative in the 21st Century]. Moscow, Russkii mir, 2005. 432 p.]
 25. Wallerstein I. The Ecology and the Economy: What is Rational? *The Environment and World History*, 2004, vol. 27, no. 4, pp. 273-283. DOI: 10.32609/0042-8736-2006-11-95-103
 26. Шаталов-Давыдов Д.Ю. Возникновение концепции устойчивого развития: анализ экологического и политического дискурсов. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 2010, № 4 (20), с. 187-194. [Shatalov-Davydov D.Yu. Vozniknovenie kontseptsii ustoichivogo razvitiya: analiz ekologicheskogo i politicheskogo diskursov [The Emergence of the Concept of Sustainable Development: The Analysis of Ecological and Political Discourses]. *Vestnik Nigegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*, 2010, no. 4 (20), pp. 187-194.]
 27. Шаталов-Давыдов Д.Ю. Этапы концептуализации устойчивого развития: анализ экономического и политического дискурсов. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социология. Психология. Философия*, 2012, № 4 (1), с. 445-452. [Shatalov-Davydov D.Yu. Etapy kontseptualizatsii ustoichivogo razvitiya: analiz ekonomicheskogo i politicheskogo diskursov [The Stages of Conceptualization of Sustainable Development: The Analysis of Economic and Political Discourses]. *Vestnik Nigegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Sotsiologiya. Psikhologiya. Filosofiya*, 2012, no. 4 (1), pp. 445-452.]
 28. Яницкий О.Н. *Экомодернизация России: проблемы, концепции, решения*. История и современность, 2008, № 2, с. 95-116. [Yanitskii O.N. *Ekomodernizatsiya Rossii: problemy, kontseptsii, resheniya* [Ecomodernization of Russia: Problems, Concepts, Decisions]. *Istoriya i sovremennost'*, 2008, no. 2, pp. 95-116.]
 29. Яницкий О.Н. *Экомодернизация России: теория, практика, перспективы*. Москва, Институт социологии РАН, 2011. 215 с. [Yanitskii O.N. *Ekomodernizatsiya Rossii: teoriya, praktika, perspektiva* [Ecological Modernization of Russia: Theory, Practice, Prospects]. Moscow, Institut sotsiologii RAN, 2011. 215 p.]
 30. Folke C., Hahn T., Olsson P., Norberg J. Adaptive Governance of Social ecological Systems. *Annual Review of Environment and Resources*, 2005, vol. 30, pp. 441-473. DOI: 10.1146/annurev.energy.30.050504.144511
 31. Holling C.S. Understanding the Complexity of Economic, Ecological, and Social Systems. *Ecosystems*, 2001, no. 4, pp. 390-405. DOI: 10.1007/s10021-001-0101-5
 32. Гудалов Н.Н., Тулупов Д.С. Семиотика стрессоустойчивости в международных отношениях: многообразие академических и политических смыслов. *Полития*, 2018, № 1 (88), с. 135-147. [Gudalov N.N., Tulupov D.S. Semiotika stressoustoichivosti v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: mnogoobrazie akademicheskikh i politicheskikh smyslov [Semiotics of Resilience in International Relations: the Diversity of Academic and Political Meanings]. *Politeia*, 2018, no. 1, pp. 135-147]. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-88-1-135-147
 33. MacKinnon D., Derickson K.D. From Resilience to Resourcefulness: A Critique of Resilience Policy and Activism. *Progress in Human Geography*, 2013, vol. 37, pp. 253-270. DOI: 10.1177/0309132512454775

34. Hayward B.M. Rethinking Resilience: Reflections on the Earthquakes in Christchurch, New Zealand, 2010 and 2011. *Ecology and Society*, 2013, vol. 18(4), p. 37. DOI: 10.5751/es-05947-180437
35. Martin N. Forrester J., Ensor J. What Is Equitable Resilience? *World Development*, 2018, vol. 109, pp. 202-203. DOI: 10.1016/j.worlddev.2018.04.020
36. Daly H.E. *Steady-State Economics*. London, Earth-scan, 1992. 318 p.
37. Daly H.E., Cobb J.B. *For the Common Good. Redirecting the Economy Toward Community, the Environment, and a Sustainable Future*. Boston, Beacon Press, 1989. 492 p.
38. Andrews M. Risk, Inequality and the Economics of Disaster. *Real-World Economics Review*, 2008, no. 45, pp. 2-9. Available at: <http://www.paecon.net/PAEReview/issue45/Andrews45.pdf> (accessed 01.08.2019).
39. Gauger A., Rabatel-Fernel M.P., Kulbicki L., Short D., Higgins P. *The ecocide project 'Ecocide is the missing 5th crime against peace'*. London, Human Rights Consortium, 2013. 13 p. Available at: http://sas-space.sas.ac.uk/4830/1/Ecocide_research_report_19_July_13.pdf (accessed 01.08.2019).
40. Higgins P., Short D., South N. Protecting the Planet: A Proposal for a Law of Ecocide. *Crime Law Soc Change*, 2013, vol. 59, no. 3, pp. 251-266. DOI: 10.1007/s10611-013-9413-6
41. Jackson T. *Prosperity Without Growth: The Transition to a Sustainable Economy*. London, Earth Scan, 2009. 133 p.
42. Schneider F., Kallis G., Martinez-Alier J. Crisis or Opportunity? Economic Degrowth for Social Equity and Ecological Sustainability. Introduction to the Special Issue. *Journal of Cleaner Production*, 2010, vol. 18, pp. 511-518. DOI: 10.1016/j.jclepro.2010.01.014
43. Latouche S. *Farewell to Growth*. Cambridge, Polity Press, 2009. 124 p.
44. Cohen M., Brown H., Vergragt P.J. Individual Consumption and Systemic Societal Transformation: Introduction to the Special Issue. *Sustainability: Science, Practice, and Policy*, 2010, vol. 6, no. 2, pp. 6-12. DOI: 10.1080/15487733.2010.11908045
45. Kostakis V., Latoufis K., Liarakapis M., Bauwens M. The Convergence of Digital Commons with Local Manufacturing from a Degrowth Perspective: Two Illustrative Cases. *Journal of Cleaner Production*, 2016, vol. 197, part 2, pp. 1684-1693. DOI: 10.1016/j.jclepro.2016.09.077
46. Benkler Y. *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom*. New Haven, London, Yale University Press, 2006. 528 p.
47. Paech N. *Befreiung vom Überfluss: Auf dem Weg in die Postwachstumsökonomie*. München, Oekom Verlag, 2012. 160 s.
48. Kallis G., Kostakis V., Lange S., Muraca B., Paulson S., Schmelzer M. Research on Degrowth. *Annual Review of Environment and Resources*, 2018, vol. 43, no. 1, pp. 291-316. DOI: 10.1146/annurev-environ-102017-025941
49. Schröder P., Bengtsson M., Cohen M., Dewick P., Hoffstetter J., Sarkis J. Degrowth Within – Aligning Circular Economy and Strong Sustainability Narratives. *Resources, Conservation and Recycling*, 2019, vol. 146, pp. 190-191. DOI: 10.1016/j.resconrec.2019.03.038
50. *United Nations Global Pulse*. Available at: <https://www.unglobalpulse.org> (accessed 01.08.2019).
51. *Big Data for Sustainable Development*. Available at: <https://www.un.org/en/sections/issues-depth/big-data-sustainable-development/index.html> (accessed 01.08.2019).
52. Hamed B. *IBM's Water Watchers App Gives South African Citizens Power Over Water Challenges*. Available at: <https://sustainablebrands.com/read/ict-and-big-data/ibm-s-water-watchers-app-gives-south-african-citizens-power-over-water-challenges> (accessed 01.08.2019).
53. Семеновко И.С. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению. *Полис. Политические исследования*, 2019, № 3, сс. 7-26. [Semenenko I.S. Gorizonty otvetstvennogo razvitiya: ot nauchnogo diskursa k politicheskomu upravleniyu [Horizons of Responsible Development: From Discourse to Governance]. *Political Studies*, 2019, no. 3, pp. 7-26.] DOI: 10.17976/jpps/2019.03.02

DISCOURSES OF DEVELOPMENT: SOCIAL AND HUMANITARIAN ASPECTS

(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2019, no. 4, pp. 24-41)

Received 17.11.2019.

Andrei L. BARDIN, (andreybardin@gmail.com),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Maksim I. SIGACHEV, (maxsig@mail.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Choosing a strategy of development is one of the key challenges the nation-states are facing. On the one side, such strategy should account for internal factors of development, such as preserving and strengthening national and cultural identity, fostering social cohesion, and providing all social groups with high quality of life and a pipeline for self-fulfillment. On the other hand, it has to offer answers to the questions posed by external factors – foremost, by numerous global challenges, from climate change to international terrorism. The majority of the world community, under the auspices of UN agencies, has accepted the sustainable development concept (SDC) as the basis for responding to these challenges. Similarly, the SDC has been at the forefront of scientific discourse on development in the recent years. However, like any theory, SDC has a number of limitations and inner contradictions, which are worth studying. As some researchers point out, the SDC is, in its essence, a technocratic theory: therefore, the higher analyst is climbing on its theoretical steps, the more contradictions he meets.

The article dwells on the social and humanitarian aspects of this problem through the prism of critical approaches to SDC. After a brief dive into the origins of the concept, the authors outline the focal points of its critique that include, but are not limited to the following contradictions. Firstly, the goal of achieving self-consistent and stable development contradicts the fact that the developing systems are, on the one hand, intrinsically unstable and non-linear and, on the other hand, prone to shocks produced by technological and social changes, economic and political shifts.

Secondly, achieving equilibrium between the ecological and the economic components of development is highly difficult due to the essence of the established approach to development (economic growth through extensive technological modernization and/or industrialization). Attempts to solve this contradiction in the SDC framework often lead to various excesses: for instance, the radical interpretation of SDC, inspired by the idea of strict limitation of both economic and demographic growth, stimulates the processes of de-industrialization and depopulation. The authors point out the importance of avoiding such excesses; in this particular instance, it could be achieved by incorporating elements of anthropocentric approach into the model. This is closely related to the third key issue: finding a balance between various components of development requires paying much more attention to its ethical and moral aspects. These aspects are one of the key weak point of SDC, which does not address some of them at all.

The authors also consider a number of other relevant concepts of development through the prism of their social and humanitarian potential. Among these concepts there are resilient development, where the goal is to strengthen already existing social relationship; eco-centric development aimed at reducing over consumption and maintaining ecological sustainability; as well as sustainable degrowth transformation. Special attention is paid to the concept of responsible development, which, in authors' opinion, could serve as an innovative basis for a more thoughtful development policy. The concept was coined by the IMEMO scientific school; it puts emphasis on the moral and ethical aspects of development; among its foundations are the culture of dialogue, feedback and civic engagement.

The authors emphasize the role of academic community in finding effective ways to influence the decision-makers to put the development concepts into practice, as well as in establishing and maintaining a constant dialogue and stimulating responsible behavior of all actors.

Keywords: politics of development, narratives on development, sustainable development, resilient development, responsible development, sustainable degrowth transformation, eco-centric development, data for development.

About authors:

Andrei L. BARDIN, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Researcher, Sector of Analysis of Political Change and Identity, Department of Comparative Political Studies, Center of Comparative Socio-Economic and Political Studies.

Maksim I. SIGACHEV, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Junior Researcher, Sector of Analysis of Political Change and Identity, Department of Comparative Political Studies, Center of Comparative Socio-Economic and Political Studies

DOI: 10.20542/afj-2019-4-24-41

ПОЛИТИКА ФРГ В ОТНОШЕНИИ СТРАН СНГ В КОНЦЕ 1991 – СЕРЕДИНЕ 2000-Х ГОДОВ

© 2019 г. А. КОКЕЕВ

КОКЕЕВ Александр Михайлович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора политических проблем европейской интеграции Отдела европейских политических исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (alkokeev@gmail.com).

Кокеев А.М. Политика ФРГ в отношении стран СНГ в конце 1991 – середине 2000-х годов. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2019, № 4, сс. 42-49. DOI: 10.20542/afj-2019-4-42-49

DOI: 10.20542/afj-2019-4-42-49

УДК: (430)+(476+477+478+479+57): 327+323

Статья поступила в редакцию 06.11.2019.

В статье рассмотрены важнейшие аспекты внешнеполитической позиции ФРГ в отношении распада СССР и становления Содружества Независимых Государств (СНГ) в период с 1991 г. до середины 2000-х годов. Выявлены основные цели и задачи Германии в развитии взаимоотношений с государствами СНГ, включая Россию в качестве главного партнера. Раскрыты основные тенденции политики ФРГ на постсоветском пространстве в указанный период, сохраняющие основополагающее значение и в настоящее время.

Ключевые слова: Германия, распад СССР, Россия, СНГ, Европейский союз, политика безопасности, финансовая помощь, экономическое сотрудничество, культурная политика, миграция, “Восточное партнерство”.

Важнейшим следствием распада СССР и Организации Варшавского Договора для ФРГ, долгое время считавшейся “прифронтовым государством”, стало исчезновение военно-блокового противостояния в Европе. В распаде СССР и образовании СНГ Берлин усматривал начало процесса ренационализации значительной части европейского ландшафта. И с этим, помимо открывавшихся перспектив для экономики и усиления внешнеполитического влияния Германии, руководство ФРГ связывало опасность возникновения на постсоветском пространстве техногенных и экологических катастроф, распространения оружия массового поражения и организованной преступности, межнациональных и межэтнических конфликтов и даже гражданских войн.

Как отмечал в своих мемуарах возглавлявший в то время правительство ФРГ Г. Коль, распад СССР оказался для него абсолютно неожиданным. По мнению известного эксперта по России из близкого к правительству берлинского Фонда науки и политики (*Stiftung Wissenschaft und Politik – SWP*) Э. Шнайдера, крах СССР не был предопределен, и только из-за того, что накапливавшиеся годами экономические, идеологические, внутри- и внешнеполитические проблемы не решались, он стал неизбежным [1]. Кроме того, мощным катализатором процесса послужил августовский путч 1991 г., резко обостривший внутренние проблемы СССР и ускоривший его развал. В частности, путч способствовал скорейшему признанию Германией независимости Литвы, Латвии и Эстонии 28 августа 1991 г. Как считает Э. Шнайдер, М. Горбачев не успевал за развитием событий в стране, слишком поздно инициировал Новоогарёвский процесс и упустил имевшийся шанс сохранить Советский Союз в какой бы то ни было обновленной форме (разумеется, уже без трех прибалтийских республик) [1].

Наряду с интеграционными процессами в Европейском союзе (ЕС) и трансатлантическими связями одним из главных приоритетов внешней политики Германии после распада СССР стали отношения со странами СНГ, включая Россию. Это было продиктовано географическим положением, возросшими после объединения экономическим потенциалом и политическим весом ФРГ, ее историческими связями с Восточной Европой, особой ответственностью за преступления нацизма и т.д. Как не раз отмечалось в Берлине, помощь в осуществлении реформ и преодолении социально-экономического разрыва между восточной и западной частями континента отвечает интересам не только Германии, но и всей Европы. Исходя из этого, основополагающим принципом для ФРГ является координация политики в отношении СНГ с партнерами по ЕС.

Помимо стремления усилить экономические позиции и политическое влияние Германии на постсоветском пространстве, особое внимание правительство ФРГ уделяло военно-политической сфере, среди прочего и потому, что к началу 1991 г. на ее территории находилось более 350 тыс. советских военнослужащих. В связи с этим в Германии высказывались опасения, что их вывод может затянуться и что часть этих войск может быть использована для вмешательства в события в прибалтийских странах. Кроме того, в Берлине опасались, что в результате развала СССР ФРГ может столкнуться с “политическим вакуумом” и мощным экономическим спадом у своих новых восточных соседей и, вследствие этого, с потоками мигрантов и экологическими проблемами.

Исходя из этого, до начала 1992 г. Берлин продолжал делать ставку на сохранение СССР и поддержку высоко ценимого в ФРГ за его позицию по германскому объединению М. Горбачева. Правительство Г. Коля, неизменно подчеркивавшего готовность развивать добрососедские отношения с любым легитимным руководством СССР, решительно осудило августовский путч 1991 г., заявив о своей готовности поддерживать Советский Союз “при осуществлении им реформ, особенно по укреплению демократии, обеспечению прав человека и созданию правового государства, а также при переходе к социальной рыночной экономике” [2, сс. 370-371].

После распада СССР и образования СНГ в качестве главных угроз руководство Германии рассматривало возможность дестабилизации внутренней ситуации в России и неконтролируемого распространения ядерного оружия на территории бывшего СССР. В связи с этим Берлин в сотрудничестве с Россией активно способствовал отказу Украины, Белоруссии и Казахстана от статуса ядерных держав и передаче их ядерного потенциала России. Германия первой из крупнейших западных стран признала 26 декабря 1991 г. Российскую Федерацию в качестве субъекта международного права. Ни одна другая страна не оказывала начавшимся в России реформам, при всей их непоследовательности, столь мощной поддержки. Итогом первого официального визита канцлера ФРГ Г. Коля в Россию в декабре 1992 г. стало подписание ряда соглашений, в том числе об условиях завершения вывода советских войск из Германии, о культурном сотрудничестве, о взаимодействии в ликвидации сокращаемого Россией ядерного и химического оружия.

Германия активно содействовала присоединению России к “Группе семи” (“большой семерке”), оказывала ей поддержку на переговорах по Соглашению о партнерстве с Европейским союзом, подписанному в 1994 г. Правительство ФРГ предоставило России длительную отсрочку по выплате ее внешнего долга. Вплоть до середины 1990-х годов рассматриваемая в качестве правопреемника СССР Российская Федерация считалась практически единственным партнером ФРГ, имевшим возможности контролировать ситуацию на территории бывшего СССР и взаимодействовать с Берлином в урегулировании наиболее значимых для него проблем безопасности на постсоветском пространстве.

Россия получила от Германии крупные кредиты для осуществления рыночных преобразований, поддержки малого и среднего бизнеса, обустройства выводимых из бывшей ГДР российских военнослужащих и т.д. Взаимоотношения ФРГ с Россией в этот сравнительно короткий период стали важным фактором поддержания стабильности в Европе. Среди прочего, этому способствовала высокая степень конфликтности и непредсказуемости процессов становления новых независимых государств в республиках бывшего СССР, а также заявленная президентом России Б. Ельциным преемственность российской политики в

отношении Германии. Последнее обстоятельство, по справедливому замечанию белорусского германиста В.В. Фрольцова, “во многом объясняло крайне осторожную позицию ФРГ по вопросу признания независимости и установления дипломатических отношений с новыми государствами на территории СССР” [3] (исключением, как отмечалось выше, стали три прибалтийские республики. – **А.К.**). В результате этот процесс продолжался более полугода и завершился установлением дипломатических отношений ФРГ с Молдовой в конце апреля 1992 г.

С приходом к власти в Германии канцлера Г. Шрёдера, а в России президента В. Путина наметившийся при Г. Коле курс Берлина на укрепление партнерских взаимоотношений с Москвой (включая дружеские отношения между политиками) и поддержку российских реформ на первых порах не только оставался неизменным, но и упрочился. Более регулярными стали межправительственные консультации, расширялось экономическое сотрудничество, начал работу ежегодный общественный форум “Петербургский диалог”. Партнерство распространилось на уровень городов и коммун. ФРГ первой из государств – членов ЕС упростила процедуру выдачи россиянам виз и т.д.

В то же время в Германии стала заметно нарастать критика России и ее политики на постсоветском пространстве и, соответственно, критика российской политики Г. Шрёдера. Последняя стала предметом острых дебатов в Бундестаге 13 ноября 2003 г., во время которых депутаты от оппозиции из ХДС/ХСС и СвДП потребовали от канцлера занять более критическую позицию в отношении России [4]. Канцлера Г. Шрёдера обвиняли в том, что он “закрывает глаза” на нарастание негативных авторитарных тенденций в России (укрепление так называемой вертикали власти, усиление вмешательства государства в экономику, ограничение свободы прессы и деятельности неправительственных организаций и т.д.).

Ставшее широко известным высказывание Г. Шрёдера, о том, что он считает В. Путина “чистой водой демократом” вызвало шквал критики даже со стороны его коллег из Социал-демократической партии Германии (СДПГ), заподозривших канцлера в лоббировании личных интересов. По мнению критиков канцлера, эти подозрения подтвердились после того, как Г. Шрёдер сразу же после ухода с поста канцлера в 2005 г. возглавил совет директоров “дочки” российского “Газпрома” “Норд Стрим АГ”. В результате Г. Шрёдер был вынужден отказаться от дальнейшего участия в политической деятельности даже в собственной партии.

В вышедшей в 2005 г. статье под красноречивым заголовком «Политика Германии в отношении России: конец “медового месяца»» известный немецкий эксперт по России Х. Адомайт отмечал: “Стратегическое сотрудничество между Россией и Германией в соответствии с представлениями Евросоюза должно в первую очередь служить трансформации России и других стран СНГ в демократические государства с рыночной экономикой, соблюдению прав человека и гражданских свобод. И хотя, учитывая сегодняшние тенденции развития России, это очень непростая задача, ни в коем случае нельзя откладывать ее решение. Это не пойдет на пользу ни интересам России, ни Германии” [5]. Призыв автора публично высказывать в отношении России “деловую, обоснованную и четко сформулированную критику, воздерживаясь при этом от полемических выпадов” был в значительной степени воспринят сменившей Г. Шрёдера на посту канцлера А. Меркель.

* * *

Придавая первостепенное значение сотрудничеству с Россией, в своей политике в отношении остальных государств СНГ Германия стремилась не допустить усиления ее влияния на постсоветском пространстве. Подавляющее большинство немецких политиков и экспертов обвиняли Россию в стремлении претендовать на особые отношения с “ближним зарубежьем”, под которым в Москве понималась территория бывшего СССР. Соответственно, во всех конфликтных ситуациях внутри СНГ Берлин вставал на сторону таких оппонентов России как Украина, Грузия и Молдова, обвиняя Москву в “имперских амбициях”.

При этом неизменно подчеркивалось, что надежда на сохранение политического единства СНГ является иллюзорной, так как эта организация с самого начала разрывалась между потребностью в связях с Россией и связанных с ними экономических преимуществах

и необходимости в защите суверенитета. Как подчеркивал известный политик и эксперт СДПГ К. Фойгт, даже в том случае, если СНГ выстоит в самые трудные первые годы, ФРГ должна делать основной упор на политическое и экономическое сотрудничество с отдельными его участниками. При этом Берлину следует поддерживать все возможные формы кооперации для предоставления в будущем всем желающим странам СНГ (за исключением России. – **А.К.**) ассоциированного членства в ЕС и осуществление перехода к полноправному участию в НАТО [6].

Важно отметить, что, как не раз подчеркивали в то время в Берлине, открытие НАТО для сотрудничества со странами СНГ в конечном итоге предполагало создание новой системы безопасности – “от Ванкувера до Владивостока”.

* * *

Заинтересованность Германии в поддержке трансформационных процессов и военно-политической стабильности в Центральной и Восточной Европе, включая страны СНГ, отражалась, среди прочего, и в финансовой помощи. По подсчетам немецкого эксперта по Восточной Европе И. Хаухлера, с 1989 г. до начала 1993 г. все страны Запада предоставили бывшим социалистическим странам 150 млрд немецких марок. Половина из этой суммы была предоставлена Германией, в это же самое время выделявшей 150 млрд марок ежегодно для развития новых федеральных земель [7, s. 251].

Вместе с тем результаты финансовой помощи, причем особенно странам СНГ, в Германии оценивались как крайне неудовлетворительные. Отмечалось, что эта помощь в основном способствовала разрушению прежних так или иначе функционировавших структур, а не их трансформации и улучшению социально-экономической ситуации. “Большая часть средств, направляемых в СНГ, служила, прежде всего, сохранению у власти Горбачева и Ельцина, являвшихся для Запада протагонистами дружественных взаимоотношений между Востоком и Западом”, – отмечал И. Хаухлер [7, s. 252]. Многие эксперты указывали на недооценку Берлином сложностей перехода азиатских стран СНГ от феодального к индустриально-рыночному обществу, на необоснованный отказ от госрегулирования, пагубные последствия радикальных экономических реформ – “шоковой терапии”, некритичное заимствование западных экономических моделей.

Для ФРГ, как “самой восточной страны Запада”, было особенно важно способствовать формированию на пространстве СНГ зоны общей политической и экономической стабильности и военной безопасности. А для этого, как считали в Берлине, те средства, которые до недавних пор использовались для защиты от “опасности с Востока”, следовало направлять на поддержку реформ в постсоветских странах. Наряду с традиционными финансово-экономическими и дипломатическими институтами важная роль при этом отводилась неправительственным организациям и фондам политических партий, выполнявшим задачи по информационному обеспечению сотрудничества со странами СНГ и формированию в них привлекательного имиджа немецкой модели социальной рыночной экономики, разъяснению принципов парламентской демократии, эффективного государственного управления, федерализма и т.д.

Наиболее активны на постсоветском пространстве стали связанные с крупнейшими партиями ФРГ Фонд имени Фридриха Эберта (СДПГ) и Фонд имени Конрада Аденауэра (ХДС), открывшие свои представительства в России еще до распада СССР. Позднее к ним присоединились Фонд имени Фридриха Науманна (СвДП), Фонд имени Генриха Бёлля (партия “Зеленых”), Фонд имени Христиана Зайделя и Фонд имени Розы Люксембург (Левая партия). К началу 2000-х годов представительства этих фондов (за исключением последнего) были открыты в большинстве стран СНГ. Особенностью немецких фондов является то, что они считаются лишь “связанными” со своими партиями, что позволяет им получать средства не только от партий, но и из федерального бюджета (в зависимости от числа депутатов от соответствующей партии в Бундестаге), и от различных министерств.

Названные фонды взаимодействовали не только с идеологически близкими политическими структурами, но и с представителями власти и деловых кругов, правозащитных организаций и экологических движений, студентами и журналистами стран СНГ. К концу

1998 г. Германия заключила соглашения о культурном сотрудничестве со всеми постсоветскими республиками. Важную роль в этом сотрудничестве играет Институт имени Гёте, отвечающий за организацию мероприятий по ознакомлению с немецкой культурой и историей и курсов по изучению немецкого языка.

Наиболее широко деятельность Института осуществляется в России, где работают три его представительства: в Москве, Санкт-Петербурге и Новосибирске. В начале 1990-х годов при поддержке Института имени Гёте во многих крупных городах России и особенно в местах компактного проживания российских этнических немцев были созданы центры немецкой культуры. В России, Украине, Казахстане и Кыргызстане Институт проводит мероприятия по поддержке немецких общин.

Обеспокоенность Берлина вероятностью массового притока мигрантов из стран СНГ не в последнюю очередь связывалась с вопросом возвращения в Германию проживающих в этих странах этнических немцев (около 3 млн человек). Правительство Г. Коля прилагало большие усилия, чтобы контролировать этот процесс и избежать стихийного всплеска миграционной волны. Решение проблем обустройства этнических немцев, приехавших в Германию и (особенно) оказания помощи немцам, оставшимся в СНГ, стало одним из важнейших направлений политики ФРГ в этом регионе. В соответствии с принятой правительством Г. Коля программой переселения соотечественников с конца 1991 г. до середины 2000-х годов в Германию переехали 1.8 млн немцев из стран СНГ [8]. В то же время, как отмечал эксперт по вопросам миграции “русских немцев” (этот термин использовался в отношении всех немцев из СССР) Я. Панагиотидис, сформулированная в январе 1992 г. концепция была нацелена на то, чтобы как можно большее число этнических немцев оставались жить в СНГ [8].

Федеральное правительство финансировало ряд проектов по информационной работе и просвещению как коренного населения Германии (о положении немецких этнических меньшинств в СНГ и проблемах их интеграции), так и переселенцев (изучение истории и политической системы ФРГ, прав и обязанностей ее граждан, предоставление советов по размещению и обустройству). В то же время уже с 1993 г. в законодательстве ФРГ была утверждена ежегодная квота на прием этнических немцев из восточноевропейских стран и СНГ (220 тыс. человек). После этого она дважды сокращалась и с 1 января 2001 г. составляет 50 тыс. человек. Начиная с 1998 г. заметно уменьшались выделяемые на поддержку приехавших переселенцев правительственные средства, сократились объемы предоставляемых им льгот, повысились требования в отношении доказательств принадлежности к немецкой культуре и языку. При этом весьма значительные средства для поддержки немцев, оставшихся в СНГ (около миллиона человек), продолжали выделяться. По словам Уполномоченного немецкого правительства по делам переселенцев К. Бергнера, в 2008 г. ежегодный бюджет проектов “Помощи для самопомощи” только в России составлял около 10 млн евро [9].

* * *

В 2006 г. Германия выступила инициатором выработки новой политики Евросоюза в отношении его восточных соседей. Предложенная тогдашним министром иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайером концепция, важной составной частью которой были партнерские взаимоотношения с Россией, называлась “Новая европейская политика соседства”. Однако тогда эта концепция не получила достаточной поддержки в ЕС, и в 2007 г. дальнейшая разработка основ общеевропейской восточной политики перешла к Польше и Швеции. В результате 26 мая 2008 г. в Брюсселе был представлен проект “Восточное партнерство”, главным отличием которого от концепции Ф.-В. Штайнмайера было игнорирование интересов России.

Как отмечали многие эксперты, это не устраивало Германию, для которой Россия являлась важнейшим торгово-экономическим и энергетическим партнером среди стран ЦВЕ. Кроме того, в Берлине опасались, что Польша сможет использовать средства Евросоюза для реализации собственных интересов в регионе. Тем не менее Германия согласилась с принятием предложенного Варшавой варианта “Восточного партнерства”, так как его одобрили большинство стран ЕС. Кроме того, как утверждал Ф.-В. Штайнмайер, грузинский конфликт “не оставил ЕС выбора” перед принятием этого варианта без участия России. Однако и после его принятия в Берлине неизменно подчеркивали важность постоянного диалога с Москвой, так

как “установление стабильности и безопасности на постсоветском пространстве невозможно без учета России, и уж тем более против ее интересов”[10].

В 2012 г. в Германии был опубликован документ «Внешняя политика Германии и “Восточное партнерство”», подготовленный группой экспертов Немецкого общества внешней политики (ДГАП), среди которых были такие известные политики и депутаты Бундестага как Ф. Пфлюгер, Р. Зюсмут, Г. Фехойген, К. Фойгт и другие. В нем говорилось, что Германия заняла слишком пассивную позицию в отношении этого проекта и не использует свой потенциал для реализации как собственных, так и общеевропейских интересов [11]. Важнейшую роль в формировании более активной восточной политики ЕС, выходящей за рамки “Восточного партнерства”, эксперты ДГАП отвели сотрудничеству Германии с Польшей. По их мнению, во взаимоотношениях с Россией Германия руководствуется в основном экономическими соображениями и при этом не формулирует четко конкретные интересы в отношении стран “Восточного партнерства”. Польша же, напротив, формулирует собственные интересы в отношении восточных соседей прежде всего в сфере безопасности, однако не предпринимает должных усилий для нормализации взаимоотношений с Россией [11]. Важным представляется содержащееся в документе указание на то, что Германия и Евросоюз должны не “экспортировать демократию” и выступать в качестве “моральных судей”, а учитывать различия в спросе новых государств на политические концепции и экономические модели, не блокируя сотрудничество чрезмерными требованиями [11]. Как подчеркивали эксперты, Россия, не будучи членом “Восточного партнерства”, является для Европейского союза партнером, с которым необходимо вести конструктивный диалог о политике соседства и проблемах безопасности.

* * *

В рассматриваемый период в Берлине исходили из того, что вклад Германии в новую восточную политику Европейского союза должен быть в значительной мере определяющим и при этом дифференцирован по странам и регионам. Как уже отмечалось, наибольшее внимание федеральное правительство (как при Г. Коле, так и при Г. Шредере) уделяло взаимоотношениям с важнейшим для ФРГ партнером на постсоветском пространстве – Россией. Особый интерес Берлина к сотрудничеству со странами Балтии объяснялся не только историей, но и их изначальной ориентацией на членство в ЕС и НАТО. Среди стран СНГ важная после России роль, по понятным причинам (географическое положение, демографический и экономический потенциал, наличие ядерного оружия, проблема закрытия Чернобыльской АЭС и так далее), отводилась Украине, а также Республике Беларусь (в силу ряда политических причин, связанных в основном с внутренней ситуацией в Белоруссии, ее контакты с Берлином с середины 1990-х годов существенно сократились). Что же касается политики ФРГ в отношении Республики Молдова, стран Закавказья и Центральной Азии, то вплоть до начала 2000-х годов, подготовки и начала военной операции НАТО в Афганистане, она оставалась сравнительно мало активной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Schneider E. “Der Zerfall der UdSSR war nicht zu verhindern”. Available at: <https://p.dw.com/p/RKbm> (accessed 20.08.2019).
2. Павлов Н.В., Новиков А.А. *Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шрёдера*. Москва, Московские учебники, 2005. 609 с. [Pavlov N.V., Novikov A.A. *Vneshnyaya politika FRG ot Adenauera do Shredera* [Germany’s Foreign Policy from Adenauer to Schroder]. Moscow, Moskovskie uchebniki, 2009. 609 p.]
3. Фрольцов В.В. *Постсоветские государства во внешней политике ФРГ (1991–2005)*. Минск, БГУ, 2013. 431 с. [Frol'tsov V. V. *Postsovetские gosudarstva vo vneshnei politike FRG (1991–2005)*. [Post-Soviet States in the Foreign Policy of Germany (1991-2005)]. Minsk, BSU, 2013. 431 p.]
4. *Deutscher Bundestag Stenografischer Bericht 75. Sitzung Berlin, Donnerstag, den 13. November 2003*. Available at: <http://dip21.bundestag.de/doc/btp/15/15075.pdf> (accessed 14.09.2019).
5. Адомайт Х. *Политика Германии в отношении России: конец “медового месяца”*. [Adomait Kh. *Politika Germanii v otnoshenii Rossii: konets “medovogo mesyatsa”*. [German Policy towards Russia: the End of the “Honeymoon”]]. Available at: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/adomeitrusse.pdf> (accessed 15.09.2019).
6. Voigt K. Probleme und Aufgaben einer neuen Ostpolitik. *Die Sowjetunion. Zerfall eines Imperiums* Hertzfeldt L. ed., Frankfurt/M, Verl. für Interkulturelle Kommunikation, 1992, ss. 191-192.
7. Hauchler I. Der Beitrag des Westens zur Transformation in Osteuropa. *Entwicklung in Mittel- und Osteuropa*.

- Über Chancen und Risiken der Transformation.* Brock L., Hauchler I. eds., Bonn, Stiftung Entwicklung und Frieden, 1993, ss. 251-263.
8. Panagiotidis J. *Geschichte der Russlanddeutschen ab Mitte der 1980er Jahre.* Available at: <http://www.bpb.de/gesellschaft/migration/russlanddeutsche/249842/geschichte-der-russlanddeutschen-ab-mitte-der-1980er-jahre> (accessed 04.08.2019).
 9. *Немецкий политик: Германия и впредь будет поддерживать немцев в СНГ.* [German politician: Germany Will Continue to Support Germans in the CIS (In Russ.)] Available at: <https://p.dw.com/p/F8TL> (accessed 17.09.2019).
 10. Крыков А.В. Особенности роли Германии в процессе создания программы "Восточное партнерство". *Инновационное развитие*, 2017, № 5(10), сс. 128-129. [Krykov A.V. Osobennosti roli Germanii v protsesse sozdaniya programmy "Vostochnoe partnerstvo" [The Character of Germany's Role in the Process of Creation of the Program "Eastern partnership"]. *Innovatsionnoe razvitie*, 2017, № 5(10), pp. 128-129].
 11. *Deutsche Außenpolitik und Östliche Partnerschaft Positionspapier der Expertengruppe Östliche Partnerschaft.* Available at: https://dgap.org/system/files/article_pdfs/dgap_standpunkt_01_2012_de_2.pdf (accessed 14.09.2019)

GERMAN POLICY TOWARDS THE CIS COUNTRIES IN THE LATE 1991 – MID-2000S

(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2019, no. 4, pp. 42-49)

Received 06.11.2019.

Alexander M. KOKEEV (alkokeev@gmail.com),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The main outcome of the collapse of the USSR and the Warsaw treaty organization that had been considered a "frontline State" for a long while was the disappearance of the military bloc confrontation in Europe. Besides the opening prospects for the economy and the strengthening of Germany's influence in foreign policy the emergence of Newly Independent States was linked with the threat of occurrence of man-made and environmental disasters, the proliferation of weapons of mass destruction and organized crime, ethnic conflicts in the post-Soviet region. The German leaders saw as the main threats the possible destabilization of the internal situation in Russia and uncontrollable proliferation of nuclear weapons in the post-Soviet region. Until the mid-nineties Russia was practically considered to be Germany's sole partner that had the ability to control the situation on the former USSR territory and to interact with Berlin in resolving the most significant security problems in the post-Soviet space. None other state provided such strong support for the reforms started in Russia. Russia received large loans from Germany to carry out market reforms, to support small and medium-sized businesses, to equip Russian troops withdrawn from the former German Democratic Republic, etc. Close relations between Germany and Russia were an important factor for maintaining stability in Europe at that time.

Berlin's course towards partnership with Moscow has remained stable under the first government of G. Schroeder. At the same time, in Germany the demands for the Chancellor to take a more critical stance on anti-democratic trends in Russia were increasing. That is what happened when A. Merkel came to power. In relations with other CIS countries Germany strived to prevent the strengthening of Russian influence in the post-Soviet space. Thus, during the conflicts within the CIS Berlin sided with such Russian opponents as Ukraine and Georgia. Moreover, it was always underlined that the hope to secure the political integrity of the CIS is illusory and that Germany should lay the main emphasis on political and economic cooperation with its individual members. Along with the traditional financial, economic and diplomatic institutions, an important role in German policy in relation to the CIS countries was assigned to non-governmental organizations and foundations of political parties that performed the tasks of creating an attractive image of the German model of social market economy in them, explaining the principles of parliamentary democracy, state administration, federalism etc. An important problem concerning the relations between Germany and the CIS countries was the program of the resettlement of ethnic Germans under which during the years from 1991 to the mid-2000s 1.8 million Germans moved to Germany from these States (mainly from Russia, Ukraine and Kazakhstan).

Starting from 1998 the funds allocated for the support of the immigrants arrived were repeatedly reduced and redistributed to support the Germans remaining in the CIS. In 2006 Germany initiated

the “New European neighborhood policy” an integral part of which was the strengthening of relations with Russia. Although, the concept did not find the support in the EU and was substituted with the project “Eastern partnership” the main difference of which was ignoring the interests of Russia. However, even after the adoption of the project the understanding of the necessity of a constant dialogue with Moscow remains in Berlin, based on the fact that “the establishment of stability and security in the post-Soviet area is impossible without taking into account Russia and even more so, against its interests”.

Keywords: Germany, collapse of the USSR, Russia, CIS, European Union, security policy, financial aid, economic cooperation, “cultural policy”, migration, Eastern Partnership.

About author:

Alexander M. KOKEEV, Cand. Sci. (Hist.), Leading Researcher, Sector of Political Aspects of European Integration, Department of European Political Studies.

DOI: 10.20542/afj-2019-4-42-49

КОСОВСКИЙ КОНФЛИКТ И УЧАСТИЕ ФРАНЦИИ В ЕГО УРЕГУЛИРОВАНИИ

© 2019 г. П. СОКОЛОВА, П. ТИМОФЕЕВ

СОКОЛОВА Полина Сергеевна, кандидат политических наук, научный сотрудник сектора региональных проблем и конфликтов Отдела европейских политических исследований. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (p_sokolova@mail.ru).

ТИМОФЕЕВ Павел Петрович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Сектора региональных проблем и конфликтов Отдела европейских политических исследований. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (p.timofeyev@gmail.com).

Соколова П.С., Тимофеев П.П. Косовский конфликт и участие Франции в его урегулировании. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2019, № 4, сс. 50-67.
DOI: 10.20542/afj-2019-4-50-67

DOI: 10.20542/afj-2019-4-50-67

УДК: (44)+(497.1): 323: 323.1+327

Статья поступила в редакцию 09.10.2019.

В статье анализируются динамика косовского конфликта и эволюция французской политики в его урегулировании. Значение конфликта, в котором столкнулись основополагающие принципы современных международных отношений: территориальной целостности государств и невмешательства в их внутренние дела, с одной стороны, и права наций на самоопределение вне зависимости от национальных границ, с другой, выходит далеко за пределы Балканского региона. Современная фаза конфликта имеет ярко выраженное международное измерение. Масштабной стратегией для региона Западных Балкан стала евроатлантическая интеграция. Франция, являясь одним из лидеров Европейского союза, стремится четче обозначить свою посредническую роль в урегулировании и способствовать прогрессу Сербии и Косово на пути в Евросоюз. За 20-летний период Париж принимал участие во всех крупных инициативах: переговоры в рамках Контактной группы, военная операция НАТО против Югославии, обсуждение статуса Косово в СБ ООН и в ЕС, двусторонние переговоры с Белградом и Приштиной. Франция сыграла одну из ключевых ролей в передаче косовского урегулирования под эгиду ЕС и параллельно продолжает оказывать давление на конфликтующие стороны. Причем если в 2000-х годах основные уступки пришлось делать сербам, то с 2013 г. основное внимание Париж уделяет косовским албанцам. К 2018 г. динамика переговоров между Белградом и Приштиной под эгидой Европейской службы внешнеполитической деятельности свидетельствовала о том, что можно ожидать подписания всеобъемлющего соглашения о статусе Косово на основе идеи разграничения, по которой к Сербии должны быть присоединены северные муниципалитеты Косово, населенные преимущественно сербами, а к Косово – определенные территории на юге Сербии с албанским большинством. Хотя такая идея идет в разрез со ставкой ЕС на то, что в конечном итоге практика свободного передвижения граждан, товаров и услуг в едином европейском пространстве позволит оставить в прошлом и сербско-албанскую вражду, Франция заявила о согласии на любое взаимоприемлемое для Белграда и Приштины решение. Однако переговоры зашли в тупик, снова продемонстрировав, что сербское и албанское общество слишком заряжены национализмом и вопрос границ и

принадлежности территорий сохраняет в национальном сознании сторон первостепенную значимость. При этом общая “усталость от Косово” мировых лидеров, которую можно наблюдать в последнее время, и существенная интенсификация международных дипломатических усилий на Балканах может свидетельствовать о том, что готовится новый этап косовского и балканского урегулирования, где международному посредничеству вновь будет отведена основная роль.

Ключевые слова: Косово, Сербия, конфликт, проблема статуса Косово, урегулирование косовского конфликта, Франция, Европейский союз.

Косовский конфликт, один из самых напряженных и неоднозначных этнотерриториальных конфликтов в Европе, на протяжении веков сохраняющий остроту в самом центре Западных Балкан, остается и в центре внимания международного сообщества. Здесь столкнулись основополагающие принципы современных международных отношений: территориальной целостности государств и невмешательства в их внутренние дела, с одной стороны, и права наций на самоопределение, в частности этнических меньшинств, вне зависимости от политических границ, с другой. Эта дилемма затрагивает многие государства мира: Канаду, Китай, европейские страны, включая Россию и страны постсоветского пространства.

В 2008 г. албанские власти сербского края Косово и Метохия провозгласили независимость от Сербии и постепенно под патронажем международных организаций строят свою государственность. Сербия до последнего времени не признала независимость края, при поддержке ряда солидарных с ней стран блокирует принятие Косово в международные организации и направляет значительные дипломатические усилия на то, чтобы признавшие Косово государства отозвали свое признание. Кстати, Косово и Метохия – сербское конституционное название южного сербского края. В этом названии заложена принадлежность большей части края православной церкви, так как “метох”, или “метоха”, – греческое слово, означающее церковные, монастырские земли. Албанцы это название не употребляют (область Метохии они иназывают “Дукаджин”) и говорят только “Косова”, албанизируя сербский топоним (“кос” на сербском – дрозд, Косово поле – поле дроздов). В настоящее время албанцы составляют более 90% населения края, сербы около 6%.

Косовский конфликт непосредственно связан с развитием ситуации в Балканском регионе, а динамика его урегулирования оказывает влияние на международно-политический контекст в целом. В качестве примера достаточно привести Декларацию независимости Крыма 2014 г., которая цитирует решение Международного Суда ООН в отношении Косово о том, что “одностороннее провозглашение независимости частью государства не нарушает какие-либо нормы международного права” [1; 2, р. 94].

Специфика конфликта в Косово заключается в том, что его развитие всегда зависело, с одной стороны, от поддержки, оказываемой сторонам конфликта державами-покровителями, а с другой – от реализуемых на территории Балкан масштабных имперских или федеративных проектов. Современная его фаза также имеет ярко выраженное международное измерение. Россия традиционно оказывает основную политическую поддержку сербам. Не случайно депутат парламента Сербии Милан Стаматович выступил в августе 2019 г. с предложением о передаче Косово России как единственном способе сохранить край в составе Сербии, а до этого в 2011 г. более 20 тыс. косовских сербов обращались к российской Государственной Думе с просьбой о предоставлении гражданства Российской Федерации, на которую они уповают как на последний оплот их безопасности. Основной политической партнер косовских албанцев – США. Символизируют и напоминают о первостепенной роли и всемерной поддержке США в процессе обретения Косово независимости памятник Мадлен Олбрайт, украшающий центральную площадь Приштины, и памятник Биллу Клинтону на проспекте, носящем его же имя.

Масштабной стратегией для региона Западных Балкан, и в том числе для косовского урегулирования, на современном этапе стала евроатлантическая интеграция, в узком понимании представляющая собой поэтапное сближение государств региона с НАТО и

ЕС. К процессу подключены как Сербия, так и Косово, с которым ЕС ведет переговоры как с самостоятельным государством. Европейский союз играет доминирующую роль в урегулировании конфликта в Косово, делая основную ставку на то, что в конечном итоге практика свободного передвижения граждан, товаров и услуг в едином европейском пространстве позволит оставить в прошлом и сербско-албанскую вражду. Европейская перспектива остается для Белграда и Приштины стратегической целью и одновременно стимулом к достижению взаимоприемлемого решения.

Франция, являясь одним из лидеров Евросоюза, стремится в последнее время четче обозначить свою посредническую роль в урегулировании и способствовать прогрессу Сербии и Косово на пути в Евросоюз. За 20-летний период Париж принимал участие во всех крупных инициативах, связанных с данным конфликтом: переговорах в рамках Контактной группы (КГ), агрессии НАТО против Югославии, обсуждении статуса края Косово в СБ ООН и в рамках ЕС, двусторонних переговорах с Белградом и Приштиной. Нарастившая экономическое и политическое присутствие в регионе, Франция ставит целью всемерно содействовать Белграду и Приштине в нахождении компромисса, которого они в скором времени могут достичь. Не претендуя на комплексный анализ данной проблемы, в данной работе мы рассмотрели динамику косовского конфликта и эволюции французской политики в его урегулировании. В своем исследовании авторы опирались на классические принципы проблемно-хронологического подхода, системного подхода и сравнительного анализа, позволяющие поэтапно проследить взаимосвязь между событиями на Балканах и переменами в позиции Франции как частями единой системы и увязать это с общими тенденциями в развитии международных отношений в Европе в 1999–2019 гг. В более прикладном смысле авторы использовали популярные методы анализа ситуации: изучение документов, сравнение данных, индукция (выведение общего из частного). Это позволило провести накопление и первичную систематизацию полученного эмпирического материала, а затем осмыслить его в более широком контексте происходящего в Европе.

КОНФЛИКТ В КОСОВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

К 2019 г. переговоры о статусе Косово зашли в тупик. Достигнутые Белградом и Приштиной за последние годы договоренности, которые могли бы привести к принятию обоюдоприемлемого всеобъемлющего соглашения о нормализации отношений, оказались под угрозой срыва. В очередной раз стало очевидным, что и сербское, и косово-албанское общество до сих пор слишком сильно заряжены национализмом, и вопрос границ и принадлежности территорий сохраняет в массовом сознании сторон первостепенную значимость. Основным объяснением может служить как память о кровавых событиях острой фазы конфликта в 1999 г., так и драматичная история совместного проживания на одной территории, сопровождавшаяся на протяжении веков взаимными притеснениями, гонениями, этническими чистками, а также болезненное восприятие взаимных претензий на землю, представляющуюся в национальном самосознании несправедливо отнимаемой. Ни демографические, ни юридические аспекты общей истории не имеют сходных оценок у косовских албанцев и сербов. Ключевые события носят диаметрально противоположные трактовки и требуют не только новых судебных разбирательств по делам участников конфликта 1999 г., но и создания комиссий по решению сложных вопросов общей истории.

Косовский конфликт уходит корнями во времена расселения племен на территории Западных Балкан. Сербские ученые полагают, что Косово и Метохия с XII в. входили в состав средневековой Сербии и никогда в истории не были частью какого-либо албанского государства. В сербском сознании Косово и Метохия представляются не только частью сербского государства, но и “священной землей” сербского народа, откуда началась сербская государственность. Как пишет С. Терзич, “косовские темы и косовские мотивы... представляют основу сербской литературы и искусства, основу национальной идентичности” [3, р. 42], являются “самой сущностью политического и духовного единства сербов, колыбелью сербской цивилизации и национальной идеи”. По его мнению, “понятие Косово стало атрибутом албанского самосознания... благодаря упорной, длившейся десятилетиями манипуляции фактами”, и на территории Косово именно “сербы... являются жертвами массовой организованной этнической чистки, которая проводилась как минимум в течение

всего XIX и XX века” [4].

Албанские исследователи считают эти территории исконно албанскими, где албанское население составляло большинство, а расширение сербского государства на территорию Косово начиная с XII в. представляло собой аннексию и оккупацию албанских территорий, сопровождавшиеся при поддержке Сербской православной церкви и России славянизацией края, которой местное население сопротивлялось [5].

Последующие этапы истории служат не меньшим примером раздора и взаимных исторических обид. Время включения Балкан в Османскую империю стало трагическим периодом сербской истории, “эпохой угнетения” и эскалации албанского террора, когда сербы были вынуждены покинуть Косово и Метохию [6, р. 62]. Албанцы после массовой исламизации стали опорой османской политики в регионе. Именно при турецком господстве и особенно в конце XIX – начале XX в. при непосредственном содействии Австро-Венгрии зарождалась албанская государственность и были предприняты попытки объединения территорий проживания албанцев в единое государство [7]. В то же время победы Сербии в войнах против Турции 1877–1878 гг. вспоминаются в албанских исследованиях как период насильственного выселения албанцев с их исконных территорий.

Косово и Метохия были включены в состав Сербии в 1913 г. после победы Балканского союза (Сербия, Черногория, Болгария и Греция) в Балканских войнах. С этого момента политика Сербии строится на представлении, что Косово должно быть частью Сербии независимо от того, составляет ли албанское население края большинство или меньшинство. Албанцы интерпретировали итоги войны, закрепленные в новой конфигурации стран региона, как оккупацию края Сербией. Албания поддержала их массовые протесты, выразила территориальные претензии Сербии и начала борьбу за присоединение этих областей.

Албанские чаяния осуществились ненадолго в период Второй мировой войны. Идея “Великой Албании”, ставшая частью более широкого проекта расчленения югославского государства, была воплощена во время оккупации страны Италией в 1939 г., а затем Германией в 1943 г. [8, р. 476] К Албании была присоединена большая часть Косово и Метохии, откуда параллельно выселялось неалбанское население.

После 1945 г. руководство Югославии во главе с И. Тито встало на путь постепенного осуществления плана построения Балканской федерации, в которой к Албанской Федеративной Республике можно было присоединить территории компактно проживающим албанским населением. Это решило бы территориальный вопрос и искоренило бы взаимные сербско-албанские претензии. Этот план не был реализован, но и сербские переселенцы времен Второй мировой войны не были возвращены в край, находившийся уже в составе Сербии. Как пишет в своей статье А. Животич, “по вопросу о Косово и Метохии сформировались две противоположные позиции: югославская, увязывающая их судьбу с перспективой создания Балканской федерации, и албанская, предусматривавшая передачу Тиране территорий вне зависимости от будущих политических изменений” [9, р. 340].

Проблему Косово и Метохии не удавалось урегулировать и в послевоенной Югославии, где формально конфликт разрешался посредством постепенного расширения автономии и повышения статуса края в составе федерации. По Конституции 1946 г. Косово и Метохия – автономная область в составе Сербии, по Конституции 1963 г. – автономный край. Конституция 1974 г. сделала Косово практически самостоятельным субъектом федерации, наделив край широчайшими полномочиями, предоставив ему политическую и экономическую самостоятельность [10, р. 10]. Но юридически оформленные изменения не приносили ожидаемых результатов, а скорее укрепляли албанский национализм и ослабляли Сербию. Албанское население края не оставляло стремлений к сближению с Албанией через требование объединения территорий различных республик, на которых живут албанцы, в одно государство и предоставления самому краю статуса республики. Как цитирует Э. Ходжу (а именно – его письмо в ЦК ВКП(б) о предыстории возникновения косовского вопроса и методах его решения) в своем исследовании Е.Ю. Гуськова, “Берлинский конгресс и Версальский мирный договор несправедливо нарушили интересы Албании и албанского национального большинства в Косове... Они не согласились с таким решением вопроса и

не желают оставаться в границах Югославии, независимо от ее политического строя... Их единственный идеал – это слияние с Албанией” [10, р. 8].

Сепаратистская деятельность радикальных албанских группировок, нацеленная на превращение края в этнически чистую албанскую территорию, начиная с послевоенного периода, всячески поддерживалась Албанией и приобретала все более массовый и все более радикальный характер: “Пропаганда национализма – в 50-е, демонстрации и провокации – в 60-е, вооруженная борьба – в 70-е, восстание – в начале 80-х, война за независимость – в 90-х” [10, р.14]. Многие исследователи полагают, что с обострения ситуации в Косово в 1980-е годы, побудившего сербское руководство сделать ставку на централизацию власти, началась дезинтеграция югославской федерации [11, р. 27]. Конституция Сербии 1990 г. значительно понизила уровень автономии края, ограничила краевую самостоятельность, что оказалось крайне контрпродуктивным. Данные поправки, по мнению косовских албанцев, были приняты незаконно. Они бойкотировали выборы в сербские республиканские и югославские федеральные государственные институты и издали Декларацию независимости, на основе которой была принята Конституция Косово.

В 1991 г. без участия сербского населения косовские албанцы провели референдум о независимости и поддержали создание независимой республики. Были избраны президент и парламент, то есть фактически созданы параллельные структуры власти. К этому же времени сформировались и обособленные от Сербии экономическая, образовательная и культурная системы края. Контроль со стороны Сербии осуществлялся полицейскими силами на территории края, регулировавшими общественную жизнь, средства массовой информации, передвижение граждан. Но репрессивные по существу полицейские действия лишь радикализировали сепаратистское движение в Косово, и в обстановке распада югославского государства развитие конфликта сдержать было невозможно. Массовое насилие с обеих сторон сопровождалось информационной войной, развернутой мировыми СМИ: обыватель в Западной Европе и в России видел совершенно разные образы происходящего в регионе.

Выход Словении, Хорватии и Македонии из состава федерации, война в Боснии и Герцеговине и интернационализация югославских конфликтов лишь стимулировали устремление Косово отделиться от Сербии, вступить в конфедеративные отношения с Албанией. Диалог между сербскими властями и косовскими албанцами был значительно затруднен обвинениями Сербии со стороны международной общественности в нарушении прав человека. Руководство западных стран принципиально следовало долгу защиты прав человека, в том числе этнических меньшинств, вне зависимости от национальных границ. С начала 1990-х годов оно заняло открыто антисербскую позицию в конфликте. США и ведущие страны Европы однозначно обозначили угрозой номер один коммунистический режим С. Милошевича, неприкрытой борьбой с которым и объяснялась вся западная стратегия решения косовского конфликта.

Многие специалисты по внешней политике США в неофициальных беседах признают, что после террористических атак 2001 г. и начала широкомасштабной войны с терроризмом для США стало необходимым оказывать всевозрастающую поддержку планам независимости Косово и сохранению целостности Боснии и Герцеговины с целью демонстрации лояльности мусульманским режимам в доказательство того, что антитеррористическая война не является войной против ислама как такового, но направлена против конкретных фундаменталистских режимов.

Независимость края могла дать толчок к:

- 1) стремлениям воссоединиться с Албанией;
- 2) дестабилизации обстановки в Албании, так как уже существовало соперничество ее северных и южных районов;
- 3) распаду Македонии, более 30% населения которой составляют этнические албанцы;
- 4) притязаниям Греции на южные территории обеих (“Северный Эпир”), Болгарии – на македонский север;
- 5) обострению греко-турецкого противостояния из-за Кипра и островов Эгейского моря и т.д.

Поскольку свои интересы в этом конфликте имели все крупные региональные и международные акторы, а его значение вышло далеко за пределы самого края, внешний фактор был решающим в развитии косовского противостояния. Во-первых, косовская ситуация затрагивала интересы балканских государств. Албания всячески поощряла ирредентистские настроения албанского национального меньшинства на территории Балкан: в Сербии, Черногории, Македонии и северной Греции. Хорватия также поддерживала албанских националистов. Турция через участие в конфликте стремилась распространить свое влияние на Балканы.

Во-вторых, ведущие западные державы (США, Великобритания, Франция, Германия, Италия) стремились в данном конфликте не допустить новой дестабилизации ситуации на Балканах, способной затронуть Албанию, Македонию, Грецию и другие страны региона. Они также рассчитывали выстроить постбиполярный миропорядок, основанный на полной идеологической победе западной либерально-демократической модели над социалистической. Режим С. Милошевича позиционировался западными СМИ как последний коммунистический режим в Европе. Под давлением США в 1999 г. страны НАТО приняли новую концепцию, декларировавшую уже не североатлантическую, а глобальную ответственность альянса: его действия выводились за рамки ООН. Опытным полем ее применения стала бывшая Югославия [12, р. 383]. Западноевропейские страны, прежде всего Франция, разочарованные нерешительными действиями ЕС в Боснии в 1991–1995 гг., в свою очередь стремились компенсировать боснийский провал активным участием в решении нового кризиса. Париж, в частности, рассчитывал усилить роль ЕС и поставить процесс урегулирования на Балканах под контроль Брюсселя, а не Вашингтона [13, р. 121].

В-третьих, конфликт в Косово выявил и роль исламского фактора, стремление некоторых мусульманских стран к установлению своего влияния в Европе. Экстремистские организации взяли на себя основную финансовую поддержку сепаратистов [14].

К 1997 г. в решении косовской проблемы участвовали ООН, ОБСЕ, Контактная группа (КГ – Россия, США, Великобритания, Франция, Германия, Италия), руководства отдельных стран. Если США заняли однозначную проалбанскую позицию, а Россия поддерживала сербов, то страны ЕС в КГ (прежде всего Франция), следуя за США, стремились все же учитывать и российский подход [12, pp. 378, 380]. При этом ЕС предлагал дать Косово статус широкой автономии, в которой косовским албанцам отказывал Белград. Как подчеркивал глава МИД Франции Ю. Ведрин, «никто в Европе не поддерживает независимости» для Косово, поскольку та дестабилизирует весь регион [15].

С 1998 г., то есть с момента радикализации деятельности албанцев Косово и Метохии в рамках Армии освобождения Косово (АОК), а ключевым элементом в возникновении АОК в качестве вооруженной силы стал распад албанской армии весной 1997 г. и разграбление ее военных складов [16, р. 122], и соответственно, с момента ответных мер со стороны сербской полиции, Запад настаивал на выводе сербских подразделений из края, что положило бы, по мнению западных политиков, конец этническим трениям. В соответствии с резолюцией № 1199 Совета Безопасности ООН, принятой осенью 1998 г., сербские силы безопасности должны были быть выведены из Косово, а резолюцией № 1203 закреплялись соглашения о создании на территории Косово Контрольной миссии ОБСЕ, подкрепленной воздушным контролем НАТО, двумя тысячами наблюдателей ОБСЕ и окончательным выводом сербских сил из края [10, р. 42].

Но это не содействовало ни разрядке обстановки в крае, ни появлению подвижек в переговорах между представителями косовских албанцев и сербского руководства. Белград считал размещение в Косово сил НАТО оккупацией части Югославии: югославский представитель в ООН В. Йованович назвал предложения КГ «дипломатией канонеров» [17, р. 5], а югославская и российская делегации отказались подписывать соглашения в Рамбуйе под Парижем в феврале 1999 г.

Уже с осени 1998 г. страны Запада начали обсуждать идею военной операции против Югославии, обвиненной в геноциде и нарушении прав этнических меньшинств. Но их позиция сначала не была монолитной. В августе 1998 г. президент Франции Ж. Ширак настаивал, что

военная интервенция должна проходить в рамках мандата СБ ООН [12, р. 394], но понимая, что Россия заблокирует это решение, Париж принял идею бомбардировок без санкции ООН. Франция согласилась участвовать в военной операции по трем причинам: Париж опасался раскола Запада и ухудшения отношений с США; правительство социалистов во Франции пыталось не допустить гуманитарной катастрофы и новых этнических чисток на Балканах после геноцида в Руанде 1994 г. и войны в Боснии; наконец, в ходе Боснийской войны во Франции серьезно пострадал образ сербов и лично С. Милошевича [12, pp. 377, 393, 396; 13, pp. 124-126]. При обсуждении плана операции между странами ЕС и США возникли разногласия правового порядка: американцы хотели рассматривать военное вмешательство НАТО в Косово как юридическую основу для действий на будущее без санкций СБ ООН, тогда как европейцы, воспитанные на писаном римском праве, где источником норм являются законы или договоры, смотрели на косовский случай как на исключение, а не правило [12, р. 387].

Отказ Сербии от ввода сил НАТО на территорию Косово и обвинения со стороны Запада в провале переговоров в Рамбуйе послужили поводом для бомбовых ударов НАТО по позициям Югославской народной армии (ЮНА) и объектам сербской инфраструктуры. Объясняя это решение, представитель Франции в ООН А. Дежамме сообщил, что “усилия по соблюдению соглашений в Рамбуйе были исчерпаны” [18, р. 11], не объяснив, однако, почему.

Беспрецедентная (и первая в истории НАТО) военная операция “Союзная сила”, проводимая без резолюции Совета Безопасности ООН, то есть фактически явившаяся актом агрессии против суверенного государства, продолжалась с 24 марта по 20 июня 1999 г. Основной вклад коалиции несли на себе США (свыше 400 самолетов) [19, р. 18], Франция стала второй ударной силой коалиции (100 самолетов) [13, р. 123]. 6 апреля Белград заявил о готовности вернуться за стол переговоров, 4 июня 1999 г. Франция передала соглашения Рамбуйе в ООН, на основе которых был подготовлен план Ахтисаари–Черномырдина. Он лег в основу резолюции № 1244, принятой СБ ООН 10 июня 1999 г. Она подразумевала разоружение албанских вооруженных групп, вывод армии СРЮ, автономию для края Косово в рамках Союзной Республики Югославия (СРЮ) под временным управлением ООН, а также ввод международных сил безопасности “Сил для Косово” (Kosovo Force, KFOR) под флагом ООН, но с существенным участием сил НАТО [20]. Урегулирование косовского конфликта переходило в полное подчинение международному сообществу.

ЭВОЛЮЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИКИ В КОСОВО В 2000–2017 гг.

После принятия резолюции № 1244 страны НАТО (США, Франция, Великобритания, Германия, Италия) получили в Косово свои секторы миссии “Сил для Косово”. Администрацию ООН в крае возглавил француз Б. Кушнер (1999–2001), идеолог “гуманитарной интервенции” против СРЮ. Он стремился “поставить провинцию на ноги”, не заботясь о том, как ее потом назовут – провинцией или государством. При нем югославский динар был заменен немецкой маркой, что постепенно выводило территорию из-под юрисдикции Сербии [21, р. 185]. По сути край стал протекторатом под контролем сил KFOR. По словам П. Бонифаса, французские миротворцы, получавшие строгие инструкции вести себя нейтрально (в отличие от англосаксонских миротворцев, защищавших лишь албанцев), обнаруживали, что члены Армии освобождения Косово были обучены и вооружены военной разведкой Франции [22].

В Югославии Париж поддержал оппозицию С. Милошевичу: Ж. Ширак поздравил 8 октября 2000 г. В. Коштуницу с избранием на пост президента, в декабре 2001 г. побывал в Югославии с визитом. Тем временем власти Черногории взяли курс на превращение СРЮ в конфедерацию. Ширак старался убедить руководителей Сербии и Черногории сохранить страну единой, но этого оказалось недостаточно: в феврале 2003 г. СРЮ стала конфедерацией Сербии и Черногории. При этом подтверждалось, что резолюция № 1244 остается в силе [23, р. 2].

Разработанные КГ в 2003 г. “Стандарты для Косово” и политика “сначала стандарты, потом статус” оказались сорваны антисербскими погромами 2004 г., и в 2005–2006 гг. из публичной риторики французских политиков уже исчезла отсылка к резолюции № 1244, зато

появились слова о “финальном статусе” края [24]. Французские парламентарии полагали, что нерешенный статус края является главным препятствием для притока иностранных капиталов и подъема Косово. Хотя стандарты КГ не были выполнены, генсек ООН К. Аннан рекомендовал в 2005 г. начать вопрос обсуждения косовского статуса. В 2006 г. Черногория провозгласила независимость, что еще больше затруднило положение Сербии в Косово. Если США лоббировали независимость Косово с 2006 г., то Франция оттягивала решение по краю до последнего, поддержав предложение России направить в край наблюдательную миссию Вербеке (апрель 2007 г.).

При президенте Н. Саркози (2007–2012) Франция активизировала усилия в попытке разрубить “косовский узел”. Французский МИД возглавил Б. Кушнер, Париж инициировал очередные переговоры о статусе края под эгидой “тройки” – ЕС, США и России. Идея раздела края на две части, предложенная, среди прочего, Контактной группой, была отвергнута как Белградом, так и Приштиной [25]. Албанцы отказались и от предложения Сербии об автономии по образцу Гонконга или Аландских островов, согласно принципу “все кроме внешней политики плюс демилитаризация” [26, р. 214]. В этих условиях Франция, как и на переговорах 1999 г., установила жесткий срок для обсуждения статуса, и, в случае провала переговоров, заявила о готовности поддержать независимость края, которую продвигали США [26, р. 18]. Париж, в свою очередь, выступал за передачу управления краем от ООН к ЕС: в декабре 2007 г. ЕС решил разместить в Косово свою полицейскую и гражданскую миссию (EULEX), которая была официально создана 16 февраля 2008 г. Ее возглавили французские военные.

В день 17 февраля 2008 г., когда албанские власти Косово провозгласили независимость, Н. Саркози направил в Приштину письмо о признании [27]. Как пророчески заявил с трибуны ООН президент Сербии Б. Тадич, “если Косово подобным незаконным и противоправным путем станет независимым, то с этого момента мир станет другим. Единственный вопрос заключается в том, какая следующая страна окажется под влиянием этого нового принципа, этого нового прецедента, этого нового противоправного акта” [28, р. 26].

Отвечая на возражения сербов о том, что создан опасный прецедент, Париж подчеркнул уникальность косовского случая, состоящую в том, что он завершает собой процесс распада Югославии [28, р. 23]. Несмотря на усилия Франции, пять стран ЕС – Греция, Испания, Кипр, Румыния и Словакия – отказались признать независимость края, поэтому Евросоюз не смог принять общей позиции по Косово, оставив этот вопрос на усмотрение государств-членов. Дальнейшие отношения с Сербией и Косово Франция начала выстраивать в связке, исходя из того, что рано или поздно обе эти страны вступят в Евросоюз [25]. Париж сделал ставку на “подтягивание” их к ЕС и евроинтеграции в обмен на проведение Белградом и Приштиной необходимых реформ, уступки Евросоюзу в отдельных вопросах и нормализацию двусторонних отношений. В конце 2008 г. в Косово была развернута гражданская миссия EULEX, призванная сменить военную KFOR – причем без санкции СБ ООН. Создание EULEX объяснялось планом Ахтисаари, хотя Сербия не приняла его. Белград расценил размещение EULEX как поддержку независимости края, тогда как Приштина критиковала ЕС за невозможность взять под контроль север Косово, который де-факто остался под управлением Сербии.

Во Франции оценили роль Сербии как крупнейшего и наиболее влиятельного государства на постюгославском пространстве. Париж принял решение стимулировать Белград к проведению необходимых реформ по стандартам ЕС, к сотрудничеству с Гаагским трибуналом (выдача в 2008 и 2011 гг. лидеров боснийских и хорватских сербов Р. Младича, Р. Караджича, Г. Хаджича) и к уступкам в косовском вопросе. В 2008 г. Евросоюз подписал с Сербией соглашение о стабилизации и ассоциации, взамен под нажимом Франции в 2009 г. Сербия подписала протокол о сотрудничестве с EULEX. В 2009 г. Париж способствовал либерализации визового режима для сербов, подписал с Сербией и Косово соглашения об облегчении трудовых поездок граждан этих стран во Францию, поддержал заявку Сербии на вступление в ЕС. В 2011 г. Париж и Белград заключили договор о стратегическом партнерстве, по которому Франция обещала оказывать Сербии помощь в проведении структурных реформ. Стороны договорились о строительстве белградского метро силами французской компании *Alstom*.

Франция не требовала от Сербии признать Косово, но рассчитывала на нормализацию отношений между Белградом и Приштиной. В марте 2011 г. сербы и косовские албанцы впервые после 1999 г. сели за стол переговоров. В ходе так называемого технического диалога стороны договорились об общем контроле на границе Косово и Сербии, о свободе передвижения, взаимном признании дипломов. В феврале 2012 г. Белград и Приштина подписали соглашение о региональном сотрудничестве: Сербия согласилась на участие Косово в региональных организациях в качестве негосударственного субъекта (при том, что в сноске всегда будет указываться, что статус до сих пор не определен). Также Белград обязался признавать таможенные документы и записи гражданского состояния Косово. После этого ЕС предоставил Сербии 1 марта 2012 г. статус кандидата на вступление.

Для Франции не были секретом проблемы Косово: уязвимость международного положения, неясный управленческий статус, разобщенность населения, экономические и правовые слабости, разгул коррупции. Но, как отмечал С. Грикур, «международное сообщество слишком много вложило в стабильность региона, чтобы признать поражение» [29, р. 43]. Париж сделал акцент на повышении международного статуса Косово и его сближении с ЕС, побуждая Приштину к проведению структурных реформ и налаживанию отношений албанцев с сербами. Франция приветствовала вступление Косово в Международный валютный фонд и Всемирный банк, одобрила решение Международного Суда 2010 г. о том, что независимость Косово соответствует международному праву [30]. Французские власти призвали Приштину к диалогу с Белградом под эгидой ЕС (который начался в 2011 г.), к борьбе с преступностью, поощряли осторожную политику в отношении косовских сербов и других этнических меньшинств. Париж поддержал расследование обвинений, прозвучавших в 2010 г. в докладе парламентария Совета Европы Д. Марти об участии представителей косовских лидеров (бывших полевых командиров, включая Х. Тачи) в торговле человеческими органами, в 2012 г. представитель Франции в ООН Бриан заявил, что «автономия Северного Косово в правовых рамках Косово соответствует интересам Косово» [31, р. 22].

При президенте-социалисте Ф. Олланде (2012–2017) французская дипломатия продолжала решать взаимосвязанные задачи урегулирования отношений Сербии и Косово и их общего вовлечения в процесс евроинтеграции. С 2012 г. нормализация отношений между Белградом и Приштиной была определена ЕС как обязательное условие для начала диалога о присоединении для Сербии и подписания Соглашения о стабилизации и ассоциации для Косово. С октября того же года под эгидой Европейской службы внешних связей при личном участии ее Верховного представителя шли постоянные двусторонние переговоры на высоком политическом уровне между сербским и косовским лидерами – И. Дачичем и Х. Тачи. Париж поддержал этот диалог, заявив, что в случае провала ЕС не начнет ни переговоров с Сербией о членстве, ни переговоров с Косово о подписании соглашения о стабилизации и ассоциации [32, р. 23].

Главной темой переговоров стало положение и институты управления муниципалитетов Косово, большинство населения в которых составляют сербы. Поначалу казалось, что договориться не представляется возможным, так как в противоречие входят сербская и косовская Конституции. Для сербов Косово – часть Сербии, а для косовских албанцев – их суверенное и независимое государство. Платформы для переговоров (для сербской стороны – желание политически и институционально объединить сербские муниципалитеты и добиться для них широкой автономии с собственным представительным органом, собственной полицией и судами внутри правового поля Косово, а для представителей Косово – распространить на них центральные институты государственного управления) также казались малосовместимыми.

Неожиданно даже для многих политиков и политологов, после долгих переговоров, в ходе 11-й встречи 19 апреля 2013 г. Дачич и Тачи заключили «Первое соглашение о принципах нормализации отношений», которое было затем одобрено парламентами в Белграде и Приштине [33]. Основные договоренности в рамках соглашения касались администрирования сербских муниципалитетов, которые образуют в соответствии с положениями договора подобие автономии, но подчинены центральным властям Косово. Сербия должна была интегрировать сербскую полицию на севере края в косовские полицейские структуры, выборы в сербских муниципалитетах с тех пор проводятся по законодательству Косово,

то есть косовские сербы стали гражданами Косово, а не Сербии. По существу договор зафиксировал уже сложившуюся ситуацию, фактическую независимость Косово от Сербии. Отдельным пунктом Белград и Приштина оформили обязательство не препятствовать друг другу на пути евроинтеграции.

Это соглашение многие, в том числе во Франции, справедливо назвали историческим. Уже в июне 2013 г. ЕС решил начать переговоры с Сербией (о присоединении) и с Косово (о заключении соглашения об ассоциации). После вступления в Евросоюз Хорватии 1 июля 2013 г. Франция активизировала работу с Белградом и Приштиной. Ф. Олланд посетил Западнобалканский саммит в Брдо (июль 2013 г.), в котором участвовали сербский и косовский лидеры, и напомнил, что Франция ждет в ЕС все балканские страны – но лишь после проведения необходимых реформ и примирения между собой. Также Франция стремилась наверстать в Сербии свое экономическое отставание от Германии, Австрии и Турции. В ходе визита французского премьера М. Вальса в 2014 г. в Белград стороны подписали пакет документов по экономическому сотрудничеству.

Параллельно с этим Париж продолжал поддерживать на пути в ЕС Приштину. “Прогресс обеих сторон должен быть одновременным, для того чтобы никакие задержки одной стороны не могли привести к замедлению темпов прогресса другой”, – заявил французский представитель Берту в ООН в 2014 г. [34, р. 29] Франция поддержала вступление Косово в Европейский банк реконструкции и развития (2012), в Международную организацию Франкофонии (2014), в УЕФА (2016). Французский консорциум в 2015 г. выиграл тендер стоимостью более 400 млн евро на строительство горнолыжного курорта в Брезовице [35, р. 13]. По мере стабилизации в Косово и в регионе Франция, вместе с США и Великобританией, выступила за постепенную передачу косовской проблематики из СБ ООН в ведение ЕС, что встретило противодействие Сербии и России.

Взамен Париж ожидал от Приштины нормализации отношений с Белградом и косовскими сербами. Уже в 2012 г. французы дали понять, что международное присутствие в Косово не может сохраняться бесконечно и косовские институты должны брать на себя ответственность за безопасность и политические права меньшинств. Париж поддержал идею создания трибунала по расследованию преступлений в Косово в 1998–1999 гг., согласно докладу Д. Марти. По словам французского дипломата Ламека, “Косово не сможет уверенно обратить свой взгляд в будущее, не пролив свет на свое прошлое” [36, р. 24].

Тем не менее исполнения всех пунктов соглашения до сих пор достичь не удалось. Как в Сербии, так и в Косово значительная часть населения восприняла его заключение как предательство национальных интересов. Лидеры косовских сербов еще 14–15 февраля 2012 г. провели референдум о непризнании албанских властей, на котором “за” высказалось больше 99% жителей, а сразу после подписания документа вывели на митинг протеста около 10 тыс. человек под лозунгом “Север Косово останется в составе Сербии!” В Сербии националистически настроенные граждане и политики восприняли новые договоренности как капитуляцию Сербии. По словам Ж. Йовановича, занимавшего пост министра иностранных дел Сербии 1998–2000 гг., “согласие на брюссельское Соглашение на условиях, навязанных ЕС, запомнится как исторический шаг, однако, к сожалению, неправильный”. Сербские власти, по его мнению, “совершили серьезную ошибку, разменяв сербские законные права на Косово и Метохию на начало переговоров о вступлении” [37]. Националисты Косово, в первую очередь – сторонники яркой популярной левонационалистической партии “Самоопределение” идеолога ненасильственного сопротивления Альбина Курти, категорически противостоят переговорам с Белградом, требуя от Сербии извинений за преступления 1990-х годов и признания независимости Косово, постоянно организуя массовые протестные выступления и критикуя власти Косово за уступки Белграду.

Переговоры Белграда и Приштины в 2014–2015 гг. зашли в тупик, а ситуация в Косово накалилась вплоть до того, что работа косовского парламента оказалась блокирована оппозицией, в том числе с применением слезоточивого газа. Тем не менее 27 октября 2015 г. ЕС и Косово заключили Соглашение о стабилизации и ассоциации (пять государств – членов ЕС, не признавших Косово, подписали с ним соглашение как с территорией). Франция заявила, что этот шаг подтверждает решительную поддержку ЕС косовских реформ и подчеркнула,

что отныне вопросам верховенства права, правосудия и внутренних дел будет уделяться особо пристальное внимание.

В июле 2016 г. Франция приняла у себя третий саммит ЕС – Западные Балканы, на котором снова присутствовали лидеры Сербии и Косово. Здесь Париж выдвинул инициативу создания Молодежного бюро для балканского региона (по образцу Франко-германского молодежного бюро), призванного примирить молодежь балканских стран (открылось в 2017 г.). Франция старалась всячески купировать трения между бывшими противниками. Когда в январе 2017 г. на ее территории по сербскому ордеру был задержан глава Косово Р. Харадинай, французский МИД подчеркнул, что дело не имеет политического подтекста и не связано с отношением Парижа к Приштине. Тем не менее решение французских органов не выдавать Харадиная Белград назвал постыдным, незаконным и возмутительным. В целом к весне 2017 г. проблема частичного признания Косово виделась Парижу пока что “непреодолимой” [38].

АКТИВИЗАЦИЯ ФРАНЦИИ ПРИ Э. МАКРОНЕ: К РАЗДЕЛУ КОСОВО?

При Э. Макроне, избранном президентом в 2017 г., Франция активизировала курс на отношения с Сербией и Косово и на возобновление диалога Белград–Приштина. Но ряд акцентов во французской позиции изменился. Прежде всего Париж постарался расширить спектр сфер для сотрудничества с Белградом. Основой диалога осталась экономическая и административно-техническая помощь: улучшение инфраструктуры в Сербии за счет средств ЕС и Франции, повышение квалификации сербских чиновников, межрегиональное сотрудничество, кооперация в цифровой сфере. Активизировалось молодежное, культурное, спортивное сотрудничество (в 2018 г. Сербии был предоставлен статус ассоциированного члена Франкофонии), диалог в военной сфере. Ключевой темой на встречах официальных лиц в 2018 г. стало столетие боевого братства двух стран. Финальным аккордом этой программы должно было стать торжественное участие президента Сербии в торжествах 11 ноября в Париже. Но прошедшая церемония вызвала скандал: президент А. Вучич был помещен в число второстепенных гостей, тогда как Х. Тачи стоял позади Макрона и лидеров стран-союзниц по Первой мировой войне – России, США, Италии. “Мы сели в лужу” (франц. *On a merdé*), – повинились в Елисейском дворце [39]. Посол Франции принес официальные извинения, ссылаясь на ошибку дипломатического протокола.

В то же время Париж скептически настроен в отношении скорого вступления в ЕС стран Западных Балкан, включая Сербию и Косово. Франция ощущает “усталость ЕС от расширения” и полагает, что сначала в ЕС нужно оптимизировать управление и решить проблему Брекзита, и лишь затем – думать о расширении. В стратегии ЕС по Западным Балканам, принятой в 2018 г., вступление Сербии и Черногории отложено как минимум до 2025 г., о Косово речь пока что вообще не идет [40].

Франция полагает, что сегодня ситуация в Косово является объектом диалога под эгидой ЕС, и выступает за сворачивание миссии ООН по делам временной администрации в Косово (МООНК), что вызывает критику со стороны сербов. В 2017 г. И. Дачич поинтересовался, каким образом эта позиция сочетается со стремлением Франции быть партнером Сербии. Париж подчеркивает, что “полная нормализация” отношений между Белградом и Приштиной остается условием их присоединения к ЕС, но, в отличие от Берлина, не сводит “нормализацию” к обязательному признанию Косово Белградом [41, р. 13].

Параллельно с франко-сербскими отношениями Париж продолжает развивать диалог с Косово, причем часто события на обоих треках происходят почти в одно и то же время, что вряд ли можно объяснить совпадением. Так, в феврале 2018 г. французские представители встретились с главой “Сил безопасности Косова” Р. Беришей и присутствовали на церемонии 10-летия провозглашения косовской независимости, где встретились с лидерами Косово. В эти же дни посол Франции Ф. Мондолини встречался в Белграде с сербскими министрами-“силовиками”. 20 февраля 2018 г. в Париж прибыл И. Дачич, в тот же день Б. Кушнер принял в Косово из рук Х. Тачи медаль за работу в крае. Кстати, 14 марта 2018 г. Э. Макрон принял в Париже Х. Тачи. Эта встреча, почти не получившая официального освещения, вызвала критику в ряде

французских СМИ из-за репутации гостя – но не как руководителя Косово, а как “мафиозного главы” и военного преступника, обвиняемого в торговле человеческими органами [42].

С 2013 г. Франция продолжает требовать от Приштины усилий по укреплению верховенства права в Косово. При этом уже шестой год не выполняется решение соглашения 2013 г. о создании ассоциации/сообщества сербских муниципалитетов. Косовские власти объясняют это тем, что Белград пока что не выполняет соглашения по энергетике или взаимному признанию дипломов, хотя в реальности они опасаются превращения северного Косово в аналог “Республики Сербской”. В июле 2018 г. французские сенаторы с беспокойством отметили, что косовский вопрос может стать непреодолимым препятствием для закрытия Сербией главы 35 на переговорах с ЕС, и призвали ЕС быть столь же требовательным к Приштине, каким он был в отношении Сербии при заключении соглашения 2013 г.

Под давлением международного сообщества в 2017 г. в Гааге заработал Специальный суд по расследованию военных преступлений в Косове, призванный рассмотреть дела о преступлениях АОК в 1999–2000 гг. Франция поддержала этот шаг и направила в Приштину своих представителей для разъяснений. По мнению французских властей, поддержка Спецсуда – единственный способ для Приштины доказать свое стремление построить правовое государство и получать далее международную поддержку. В июле 2019 г. на слушания в Спецсуд по Косово был вызван Р. Харадинай. “Многие годы косовские лидеры могли себе позволить почти открыто шантажировать Запад, потому что тому было очень важно сохранить международный образ косовских албанцев как невинных жертв режима Милошевича”, но “за 20 лет мирной жизни в Косове многое изменилось”, накопились свидетельства о преступлениях АОК, а “западные политики, чья репутация зависела от успеха косовского проекта, давно на пенсии и мало на что влияют”, – объясняет ситуацию М. Саморуков [43].

К 2018 г. в выступлениях сербских, косовских и европейских политиков звучала уверенность в том, что сербско-албанское урегулирование под патронажем ЕС может в ближайшем будущем завершиться успешным подписанием соглашения о статусе Косово. 25 августа 2018 г. А. Вучич заявил на форуме в Альпбахе о возвращении к идее раздела Косово с присоединением к Сербии северной части края, населенной сербами. Вучича неожиданно поддержал его главный оппонент – Х. Тачи, предложивший в обмен на это присоединить к Косово территории Прешевскому долину (Сербия), населенную в основном албанцами. Хотя за год до этого эту идею продвигал И. Дачич, он не получил поддержки Вашингтона и Брюсселя. Но в августе 2018 г. представители США и еврокомиссар ЕС по вопросам расширения и политике соседства Й. Хан дали понять, что не против этого варианта при условии, что раздел Косово не создаст прецедента [44].

Россия дала понять, что примет любое решение, которое устроит Сербию. Франция заявила 6 сентября 2018 г., что согласна на любое взаимоприемлемое для Белграда и Приштины решение [45]. Идею перекройки границ поддержал и Б. Кушнер, заявивший, что “границы надо менять, если люди с этим согласны” [46]. Но как показывает анализ, проведенный французским аналитическим центром FRS, в данном решении скрыт целый ряд проблем. Это, во-первых, институциональные проблемы (готовы ли Сербия и Косово изменить свои конституции? Смогут ли сербы в южном Косово претендовать на автономию, если Косово станет на 95% моноэтническим?); во-вторых, технические (как Косово будет жить без озера Газиводе и комбината “Трепча”, если они снабжают весь край энергией и сырьем? Что станет с сербскими монастырями в южном Косово?); в-третьих, политические (как преодолеть оппозицию большинства сербов в Сербии и албанцев в Косово, выступающих против раздела?); в-четвертых, проблему природы обменов (означает ли обмен территориями согласие сторон на “мирную этническую чистку”? Что помешает Косово после этого объединиться с Албанией, а Республике Сербской и хорватам в Боснии и Герцеговине – соответственно с Сербией и Хорватией?) В итоге эксперты пришли к выводу о том, что текущие проблемы Косово связаны не со статусом, а с политической практикой его руководителей и общерегиональными бедами – коррупцией, безработицей и другими [47].

Реакцией на возможные договоренности президентов Сербии и Косово 2018 г. на основе разграничения территорий стало принятие парламентом Косово базового закона о переговорах с Белградом. Основой косовской платформы в диалоге об окончательном

юридически обязывающем соглашении по нормализации отношений заявлены неприкосновенность границ и сохранение территории Косово в границах 2008 г. Кроме того, в ответ на блокирование Сербией принятия Косово в Интерпол осенью 2018 г. власти в Приштине подняли таможенные пошлины на товары, импортируемые из Сербии и Боснии и Герцеговины, с 10 до 100%. Без отмены новых пошлин Белград не намерен возобновлять диалог. Также в Приштине были приняты законы о создании “Сил безопасности Косово”, то есть профессиональной армии. Данное решение нарушает резолюцию № 1244 СБ ООН: согласно пункту 9(б) резолюции № 1244 (1999) СБ ООН “Силы для Косово” обязаны провести демилитаризацию АОК и других вооруженных групп косовских албанцев [20]. Однако Франция, подобно другим странам ЕС и США, одобрила этот демарш, но с оговоркой, что пока принятие такого решения нецелесообразно. Париж также призвал Приштину отменить решение о тарифах.

На фоне этого тупика весной 2019 г. Франция дала понять, что намерена усилить свое влияние на постюгославском пространстве. 29 апреля 2019 г. Э. Макрон представил на саммите Западных Балкан в Берлине французскую стратегию для региона. Она подразумевает дальнейшее укрепление связей Франции с балканскими странами в вопросах экономики, безопасности, правосудия и обороны. Стратегия предполагает борьбу с незаконным оборотом стрелкового оружия, поддержку молодежной кооперации, совместные франко-германские инициативы в регионе [48]. В рамках реализации этой стратегии 15–16 июля 2019 г. состоялся визит Э. Макрона в Сербию – второй после 2001 г. визит французского президента в Белград. В ходе визита Макрон поддержал идею об обмене территориями с Приштиной.

* * *

За последние два десятилетия ситуация в Косово в результате активного военно-политического воздействия США и стран ЕС пережила серьезную эволюцию: югославский край, населенный преимущественно албанцами, но не имевший автономии, стал сначала “протекторатом” под эгидой ООН, а затем обрел статус частично признанного государства. Ярко выраженная евроатлантическая ориентация Косово является результатом эффективной работы США, сохраняющих в крае военную базу Кэмп-Бондстил, а также стран ЕС. Одну из наиболее активных ролей здесь сыграла Франция, которая сумела передать судьбу края под эгиду ЕС, а не НАТО, и стимулирует “подтягивание” Косово к евроинтеграции, параллельно оказывая давление на Сербию. Тем не менее быстро отделить Косово от Сербии не получилось. Белград при поддержке России, Китая и ряда других стран, не признавших Косово, сумел до последнего времени сохранить влияние на ситуацию в северном Косово и при этом начать переговоры о вступлении в ЕС. Правда, как отмечалось в балканской стратегии ЕС 2018 г., ожидать их скорого завершения не стоит: Евросоюз устал от расширений 2004 и 2007 гг., Сербия, судя по данным соцопросов, устала ждать быстрого вступления в ЕС [49; 50]. Хотя в Косово за 20 лет произошли значительные перемены, конфликт по-прежнему остается замороженным, а в нотках французских и европейских лидеров ощущается недовольство косовскими лидерами, не желающими идти на какие-либо компромиссы с Белградом. Франция в рамках своей политики евроинтеграции Западных Балкан, скорее всего, будет продолжать оказывать параллельный нажим на Белград и Приштину. Причем если в 2000-х годах основные уступки пришлось делать сербам, то с 2013 г. основное внимание Париж уделяет косовским албанцам.

Раздел Косово, отвергнутый сторонами в 2007–2008 гг., сегодня подается лидерами Сербии и Косово в качестве перспективного варианта решения проблемы, хотя не имеет ничего общего с логикой построения единого балканского (европейского) пространства, которую лелеет Евросоюз. Кроме того, как было показано выше, оно способно породить ряд новых проблем. Готовность Парижа и Брюсселя принять это решение, как и высказанное в 2019 г. стремление Франции совместно с Германией примирить сербов и косовских албанцев, начиная с низов, наводит на предположения о том, что через 20 лет после бомбардировок Югославии к “усталости от расширения” в ЕС постепенно прибавилась общая “усталость от Косово”.

13 августа 2019 г. правительства Франции, Великобритании, США, Италии и Германии обнародовали заявление, обращенное к Белграду и Приштине, в котором призвали стороны

“окончательно разрешить конфликты 1990-х годов и обеспечить безопасное и процветающее будущее народам Косово и Сербии, выработав взаимоприемлемое соглашение” [51]. В заявлении сторонам рекомендуется возобновить диалог под патронажем ЕС, устранив препятствия: Сербии рекомендуется прекратить усилия по отзыву признаний независимости Косово, а правительству Приштины – отменить таможенные тарифы на товары из Сербии, введенные в 2018 г. Заявление появилось на фоне общей активизации дипломатических усилий ключевых стран в регионе. Новых послов в Сербию отправляют Россия, Франция, США, Великобритания. В США назначен новый спецпредставитель на Западных Балканах. Общая интенсификация балканского направления в повестке дня мировой политики может свидетельствовать о том, что готовится новый этап косовского и балканского урегулирования, где международному посредничеству вновь будет отведена основная роль.

Давление международного сообщества уже привело к некоторым подвижкам. После отставки вызванного в Спецсуд по расследованию военных преступлений Р. Харадиная, в Косово 6 октября 2019 г. прошли внеочередные парламентские выборы. Формирование нового правительства непосредственно повлияет на ход переговоров Белграда и Приштины. Кроме того, в арсенале ЕС существует, помимо “кнута”, и “пряник” – решение о предоставлении гражданам Косово безвизового режима, которое должно быть принято в ближайшее время. Все формальные требования Косово уже выполнило. Вероятно, позитивное решение может повлиять на готовность его лидеров к компромиссам в переговорах с Белградом.

В заключение следует отметить, что даже в случае, если лидеры в Белграде и Приштине смогут перешагнуть вековую вражду и выработать соглашение, эффект от него непредсказуем. Договоренности могут спровоцировать новый виток дестабилизации на Балканах. В то же время этот вынужденный сербско-албанский компромисс способен послужить щедрым авансом для дальнейшего мирного и поступательного развития региона, где вопросы этнической принадлежности, государственных территорий и границ постепенно станут второстепенными, а на первый план выйдет решение социально-экономических проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Декларация о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя (11.03.2014). [Declaration of Independence of the Autonomous Republic of Crimea and the City of Sevastopol (In Russ.)] Available at: <http://crimea.gov.ru/app/2988> (accessed: 07.09.2019).
2. Арбатова Н. Три измерения постсоветских “замороженных” конфликтов. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019, т. 63, № 5, сс. 88-100. [Arbatova N. Tri izmereniya postsovetskikh “zamorozhennykh” konfliktov [Three Dimensions of Post-Soviet “Frozen” Conflicts]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, vol. 63, no 5, pp. 88-100.]
3. Терзич С. *Старая Сербия (XIX–XX вв.). Драма одной европейской цивилизации*. Москва, Вече, 2015. 480 с. [Terzich S. *Staraya Serbiya (XIX–XX vv.). Drama odnoi evropeiskoi tsivilizatsii* [Old Serbia (XIX–XX Centuries). A Drama of One European Civilization]. Moscow, Veche, 2015. 480 p.]
4. Посол Сербии: “Великая Албания” – порождение геноцида и гибель Европы. *EA Daily*, 24.07.2019. [Ambassador of Serbia: “Great Albania” – is an Outcome of Genocide and Perishing for Europe (In Russ.)] *EA Daily*, 24.07.2019. Available at: <https://leadaily.com/ru/news/2019/07/24/posol-serbii-velikaya-albaniya-porozhdenie-genocida-i-gibel-evropy> (accessed: 07.08.2019).
5. Ляука И. *Эволюция проблемы Косовы и ее современное состояние*. Автореф. дисс. канд. полит. наук. Москва, 1994. 24 с. [Lyauka I. *Evolyutsiya problemy Kosovu i ee sovremennoe sostoyanie*. Avtoref. diss. kand. polit. nauk [Evolution of Kosovo Problem and Its Current State. Abstract of Cand. Diss. (Pol. Sc.)]. Moscow, 1994. 24 p.]
6. Батакович Д. Балканские войны 1912–13 гг. Сербия и албанский вопрос. *Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв.* Москва, Институт славяноведения РАН, 2014, сс. 61-92. [Batakovich D. *Balkanskie voyny 1912–13 gg. Serbiya i albanskiy vopros* [Balkan wars of 1912-1913]. *Balkany v evropeiskikh politicheskikh proektakh XIX–XXI vv.* [Balkans in European Political Projects of XIX–XXI Centuries]. Moscow, Institut of Slavic Studies, 2014, pp. 61-92.]
7. Толева Т. *Австро-Венгрия и становление албанской нации: 1896–1908*. Москва, Институт славяноведения РАН, 2018. 504 с. [Toleva T. *Avstro-Vengriya i stanovlenie albanskoj natsii: 1896–1908* [Austro-Hungary and the Establishment of Albanian Nation: 1896–1908]. Moscow, Institut of Slavic studies, 2019. 504 p.]
8. Шумов С., Андреев А. *История Сербии и Черногории. Босния, Герцеговина, Македония, Словения и Хорватия*. Москва, Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. 496 с. [Shumov S., Andreev A. *Istoriya Serbii i Chernogorii. Bosniya, Gertsegovina, Makedoniya, Sloveniya i Khorvatiya* [History of Serbia and Montenegro. Bosnia, Hercegovina, Macedonia, Slovenia and Croatia]. Moscow, Monolit-Evrolints-Traditsiya, 2002. 496 p.]
9. Животич А. Албания и югославское видение Балканской федерации после Второй мировой войны. *Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв.* Москва, Институт славяноведения РАН,

- 2014, сс. 331-360. [Zhivotich A. Albaniya i yugoslavskoe videnie Balkanskoi federatsii posle Vtoroi mirovoi voiny [Albania and Yugoslavian Vision of Balkan Federation after Second World War]. *Balkany v evropeiskikh politicheskikh proektakh XIX–XXI vv.* [Balkans in European political projects of XIX–XXI centuries]. Moscow, Institut of Slavic Studies RAS, 2014, pp. 331-360.]
10. Гуськова Е.Ю. Албанское сепаратистское движение в Косово. *Албанский фактор кризиса на Балканах*. Гуськова Е.Ю., ред. Москва, ИНИОН РАН, 2003, сс.7-54. [Gus'kova E.Yu. Albanskoe setsessionistское dvizhenie v Kosovo [Albanian Secessionist Movement in Kosovo]. *Albanskii faktor krizisa na Balkanakh* [Albanian Factor of Crisis in Balkans]. Gus'kova E.Yu., ed. Moscow, INION RAN, 2003, pp.7-54.]
 11. Романенко С.А. Косово: история, характер и динамика конфликта. *Косово: прошлое, настоящее, будущее*. Санкт-Петербург, Алтейя, 2012, сс. 14-57. [Romanenko S.A. Kosovo: istoriya, kharakter i dinamika konflikta [Kosovo: History, Nature and Dynamics of Conflict]. *Kosovo: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Kosovo: Past, Present, Future]. Saint-Petersburg, Alteiya, 2012, pp.14-57.]
 12. Рубинский Ю.И. *Приметы времени. Мир и Европа: в 3-х т.* Москва, ИЕ РАН, 2018. Т. 1. 440 с. [Rubinskii Yu.I. *Primety vremeni. Mir i Evropa: v 3-kh t.* [Signs of the Time. World and Europe: in Three Volumes]. Moscow, Institute of Europe, 2018. Vol. 1. 440 p.]
 13. Зверева Т.В. *Внешняя политика современной Франции*. Москва, Канон+ РООИ "Реабилитация", 2014. 344 с. [Zvereva T.V. *Vneshnyaya politika sovremennoi Frantsii* [Foreign policy of contemporary France]. Moscow, Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya", 2014. 344 p.]
 14. Волков В. Повторит ли Россия судьбу Югославии? *Российское аналитическое обозрение*, 1998, № 8–9. [Volkov V. Povtorit li Rossiya sud'bu Yugoslavii? [Will Russia Repeat the Destiny of Yugoslavia?] *Rossiiskoe analiticheskoe obozrenie*, 1998, no. 8–9.] Available at: <http://metuniv.chat.ru/rao/98-8-9/08volkov.htm> (accessed 11.01.2020).
 15. Déclarations de M. Hubert Védrine, ministre des affaires étrangères, sur les initiatives franco-allemande, européenne et celles du Groupe de contact, à propos des relations entre l'Europe et la Yougoslavie et sur l'aggravation de la situation au Kosovo, Zagreb le 18 et Belgrade le 19 mars 1998. *Vie publique*, 27.02.2008. Available at: <https://www.vie-publique.fr/discours/133177-declarations-de-m-hubert-vedrine-ministre-des-affaires-etrangees-sur> (accessed 05.10.2019).
 16. Искендеров П.А. Албания и кризисы на постюгославском пространстве. *Албанский фактор кризиса на Балканах*. Гуськова Е.Ю., ред. Москва, ИНИОН РАН, 2003, сс. 117-133. [Iskenderov P.A. Albaniya i krizisy na postyugoslavskom prostranstve [Albania and Crises in Post-Yugoslavian Space]. *Albanskii faktor krizisa na Balkanakh* [Albanian Factor of Crisis in Balkans]. Gus'kova E.Yu., ed. Moscow, INION RAN, 2003, pp. 117-133.]
 17. Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. *Пятьдесят третий год. 3868-е заседание. 31.03.1998. Предварительный отчет. S/PV.3868*. [United Nations. Security Council. 53th year. 3868th meeting. 31.03.1998. Provisional. S/PV.3868 (In Russ.)] Available at: <https://undocs.org/ru/S/PV.3868> (accessed 05.10.2019).
 18. Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. *Пятьдесят четвертый год. 3988-е заседание. 24.03.1999. Предварительный отчет. S/PV.3988*. [United Nations. Security Council. 54th year. 3988th meeting. 24.03.1999. Provisional. S/PV.3988 (In Russ.)] Available at: <https://undocs.org/ru/S/PV.3988> (accessed 05.10.2019).
 19. Haulman D.L. The U.S. Air Force in the Air War over Serbia, 1999. *Air Power History*, 2015, Summer, pp. 8-21. Available at: https://media.defense.gov/2016/Mar/17/2001481638/-1-/1-0/PAGES%20FROM%20AIR_POWER_HISTORY_SUMMER-2015.PDF (accessed 05.10.2019).
 20. Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. *Резолюция 1244 (1999). S/RES/1244 (1999)*. 10.06.1999. [United Nations. Security Council. 10.06.1999. Resolution 1244 (1999). S/RES/1244 (1999) (In Russ.)] Available at: [https://undocs.org/ru/S/RES/1244\(1999\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1244(1999)) (accessed 05.10.2019).
 21. Стрельцова Я.Р. Почему Франция признала независимость Косово? *Косово: прошлое, настоящее, будущее*. Санкт-Петербург, Алтейя, 2012, сс. 180-197. [Strel'tsova Ya.R. Pochemu Frantsiya priznala nezavisimost' Kosovo? [Why did France Recognize Kosovo's Independence?] *Kosovo: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Kosovo: past, present, future]. Saint-Petersburg, Alteiya, 2012, pp.180-197.]
 22. Boniface P. *Kosovo: une guerre juste pour créer un Etat mafieux*. Institut de relations internationales et strategiques (24.06.2013). Available at: <https://www.iris-france.org/44014-kosovo-une-guerre-juste-pour-crer-un-etat-mafieux/> (accessed 05.10.2019).
 23. Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. *Пятьдесят восьмой год. 4703-е заседание. 06.02.2003. Предварительный отчет. S/PV.4703*. [United Nations. Security Council. 58th year. 4703th meeting. 06.02.2003. Provisional. S/PV.4703 (In Russ.)] Available at: <https://undocs.org/ru/s/pv.4703> (accessed 05.10.2019).
 24. Déclaration de M. Jacques Chirac, Président de la République, notamment sur la situation au Liban et sur la place de la France et de l'Europe dans les relations internationales, à Paris le 28 août 2006. *Vie publique*, 27.02.2008. Available at: <https://www.vie-publique.fr/discours/163177-declaration-de-m-jacques-chirac-president-de-la-republique-notamment> (accessed 05.10.2019).
 25. *Position de la France sur le Kosovo. 13e législature. Réponse du Ministère des affaires étrangères et européennes publiée dans le JO Sénat du 05/06/2008 - page 1103*. Sénat (2008). Available at: <https://www.senat.fr/questions/base/2008/qSEQ080203590.html> (accessed 05.10.2019).
 26. *Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. (2006–2010 гг.)*. Москва, Индрик, 2011. Т. 4. 512 с. [Albanskii faktor v razvitií krizisa na territorii byvshei Yugoslavii. Dokumenty. (2006–2010 gg.) [Albanian Factor in the Development of Crisis in the Former Yugoslavian Territory. Documents. (2006–2010)]. Moscow, Indrik, 2011. Vol. 4. 512 p.]
 27. *Kosovo: la lettre de Sarkozy. Le Figaro*, 18.02.2008. Available at: <http://www.lefigaro.fr/international/2008/02/18/01003-20080218ARTFIG00666-kosovo-la-lettre-de-sarkozy.php> (accessed 05.10.2019).
 28. Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. *Шестьдесят третий год. 5839-е заседание. 18.02.2008. Предварительный отчет. S/PV.5839* [United Nations. Security Council. 63th

- year. 5839th meeting. 18.02.2008. Provisional. S/PV.5839 (In Russ.) Available at: <https://undocs.org/ru/S/PV.5839> (accessed 05.10.2019).
29. Gricourt S. *Kosovo. Deux ans après la déclaration de l'indépendance. Note de l'IFRI (2010)*. Available at: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/Noteifriagricourt.pdf> (accessed 05.10.2019).
30. Déclaration de M. Bernard Kouchner, ministre des affaires étrangères et européennes, sur l'avis consultatif de la Cour internationale de Justice concernant la conformité au droit international de la déclaration d'indépendance du Kosovo, Paris le 22 juillet 2010. *Vie publique*, 07.09.2010. Available at: <https://www.vie-publique.fr/discours/179768-declaration-de-m-bernard-kouchner-ministre-des-affaires-etrangees-et> (accessed 05.10.2019).
31. Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. Шестьдесят седьмой год. 6713-е заседание. 08.02.2012. Предварительный отчет. S/PV.6713 [United Nations. Security Council. 67th year. 6713th meeting. 08.02.2012. Provisional. S/PV.6713 (In Russ.)] Available at: <https://undocs.org/ru/S/PV.6713> (accessed 05.10.2019).
32. Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. Шестьдесят восьмой год. 6739-е заседание. 22.03.2013. Предварительный отчет. S/PV.6939. [United Nations. Security Council. 68th year. 6939th meeting. 22.03.2013. Provisional. S/PV.6939 (In Russ.)] Available at: <https://undocs.org/ru/S/PV.6939> (accessed 05.10.2019).
33. *First Agreement of Principles Governing the Normalization of Relations [between Serbia and Kosovo]*. 2013. Available at: <http://www.rts.rs/upload/storyBoxFileData/2013/04/20/3224318/Originalni%20tekst%20Predloga%20sporazuma.pdf> (accessed 05.10.2019).
34. Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. Шестьдесят девятый год. 7327-е заседание. 04.12.2014. Предварительный отчет. S/PV.7327. [United Nations. Security Council. 69th year. 7327th meeting. 04.12.2014. Provisional. S/PV.7327 (In Russ.)] Available at: https://digitallibrary.un.org/record/784223/files/S_PV.7327-RU.pdf (accessed 05.10.2019).
35. Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. Семидесятый год. 7510-е заседание. 21.08.2015. Предварительный отчет. S/PV.7510. [United Nations. Security Council. 70th year. 7510th meeting. 21.08.2015. Provisional. S/PV.7510 (In Russ.)] Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/800707?ln=en> (accessed 05.10.2019).
36. Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. Шестьдесят девятый год. 7257-е заседание. 29.08.2014. Предварительный отчет. S/PV.7257. [United Nations. Security Council. 69th year. 7257th meeting. 29.08.2014. Provisional. S/PV.7257 (In Russ.)] Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/778867?ln=en> (accessed 05.10.2019).
37. Jovanović Z. Serbia Should "Icelandize" its European Policy. *NSPM*, 12.07.2013. Available at: <http://www.nspm.rs/nspm-in-english/serbia-should-icelandize-its-european-policy.html> (accessed 05.10.2019).
38. *Rapport d'information déposé par la commission des affaires étrangères en conclusion des travaux d'une mission d'information constituée le 27 avril 2016 sur les Balkans. Rapporteurs M. Pierre-Yves Le Borgn', M. Jean-Claude Mignon, députés*. Assemblée Nationale. Available at: <http://www.assemblee-nationale.fr/14/rap-info/i4550.asp> (accessed 05.10.2019).
39. Buisson J-C. Commémoration du 11 novembre: la Serbie injustement humiliée. *Le Figaro*, 13.11.2018. Available at: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2018/11/13/31002-20181113ARTFIG00340-commemoration-du-11-novembre-la-serbie-injustement-humiliee.php> (accessed 05.10.2019).
40. Pas d'adhésion «automatique» de la Serbie à l'UE en 2025, avertit Macron. *Le Point*, 17.07.2018. Available at: https://www.lepoint.fr/monde/pas-d-adhesion-automatique-de-la-serbie-a-l-ue-en-2025-avertit-macron-17-07-2018-2236981_24.php (accessed 05.10.2019).
41. Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. Семьдесят третий год. 8176-е заседание. 07.02.2018. Предварительный отчет. S/PV.8176. [United Nations. Security Council. 73th year. 8176th meeting. 07.02.2018. Provisional. S/PV.8176 (In Russ.)] Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/1468141?ln=en> (accessed 05.10.2019).
42. Quand Macron accueille à l'Élysée un "parrain" accusé de trafic d'organes. *Valeurs actuelles*, 19.03.2018. Available at: <https://www.valeursactuelles.com/politique/quand-macron-accueille-lelysee-un-parrain-accuse-de-traffic-dorganes-94061> (accessed 05.10.2019).
43. Саморуков М. Гаага для премьера Косова. Почему Запад разлюбил косовских лидеров. Московский центр Карнеги (23.07.2019). [Samorukov M. Gaaga dlya premjera Kosova. Pochemu Zapad razlyubil kosovskikh liderov [The Hague for Kosovo Premier. Why Did the West Cease to Love Kosovo Leaders?] Moscow Carnegie center (23.07.2019.)] Available at: <https://carnegie.ru/commentary/79546> (accessed 05.10.2019).
44. Пудовкин Е., Басисини А. Гибкая граница: сможет ли обмен территориями помирить Сербию и Косово? *РБК*, 29.08.2018. [Pudovkin E., Basisini A. Gibkaya granitsa: smozhet li obmen territoriyami pomir' Serbiyu i Kosovo [Flexible Border: Could Exchange of Territories Reconcile Serbia and Kosovo?] *RBC*, 29.08.2018]. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/29/08/2018/5b86769b9a7947866771c72f> (accessed 05.10.2019).
45. *Quai d'Orsay – Déclaration de la porte-parole sur les discussions Belgrade/Pristina – 6 septembre 2018*. La France en Serbie. Ambassade de France à Belgrade (27.09.2018). Available at: <https://rs.ambafrance.org/Quai-d-Orsay-Declaration-de-la-porte-parole-sur-les-discussions-Belgrade> (accessed 05.10.2019).
46. Chastand J-B., Semo M. Balkans: Bernard Kouchner d'accord pour "bouger les frontières". *Le Monde*, 06.09.2018. Available at: https://www.lemonde.fr/europe/article/2018/09/06/balkans-bernard-kouchner-d-accord-pour-bouger-les-frontieres_5351100_3214.html (accessed 05.10.2019).
47. Trégourès L. *Serbie-Kosovo: options et scénarios. Note de la FRS N° 20/2018*. Available at: <https://www.frstrategie.org/publications/notes/serbie-kosovo-options-scenarios-2018> (accessed 05.10.2019).
48. *Balkans occidentaux – Déclaration du Président de la République*. La France en Serbie. Ambassade de France à Belgrade (06.05.2019). Available at: <https://rs.ambafrance.org/Balkans-occidentaux-Declaration-du-President-de-la-Republique> (accessed 05.10.2019).

49. Wyles J. The EU Suffers from More than Enlargement Fatigue. *Politico*, 13.05.2009. Available at: <https://www.politico.eu/article/the-eu-suffers-from-more-than-enlargement-fatigue/> (accessed 05.10.2019).
50. За вступление в ЕС проголосовали бы меньше половины сербов, показал опрос. *РИА Новости*, 06.02.2017. [Less than Half of Serbs Would Vote for EU Accession, as Showed the Poll (In Russ.)] *RIA Novosti*, 06.02.2017. Available at: <https://ria.ru/20170206/1487303337.html> (accessed 05.10.2019).
51. *Joint Statement by the Governments of France, Germany, Italy, the United Kingdom and the United States*. U.S. Embassy in Kosovo (13.08.2019). Available at: <https://uk.usembassy.gov/joint-statement-by-the-governments-of-france-germany-italy-the-united-kingdom-and-the-united-states/> (accessed: 19.09.2019).

KOSOVO CONFLICT AND FRANCE'S ROLE IN ITS RESOLUTION

(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2019, no. 4, pp.)

Received 09.10.2019.

Polina S. SOKOLOVA (p_sokolova@mail.ru),

Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Pavel P. TIMOFEEV (p.timofeyev@gmail.com),

Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The article analyses historical dynamics of the Kosovo conflict and evolution of French policy towards its settlement. Significance of the conflict where the most important concepts of modern international relations clash – territorial integrity and the right of nations for self-determination – extends the limits of the Balkan region. Throughout its long history which dates back to tribal past and runs through different periods of Serb-Albanian coexistence on one land development of the conflict has always depended on the support to the sides of the conflict by its stronger allies and by grand projects – imperial or federative – realized in the Balkans. Its modern period is also characterized by intensive involvement of the international community. The central strategy for the region – Euro-Atlantic integration – emphasizes the requirement for a final comprehensible agreement on normalization of relations between Belgrade and Pristina. France as one of the European leaders has maintained its intermediary role and facilitated Serbia and Kosovo on their path to the EU. For the last couple of decades France has participated in all international efforts for Kosovo settlement: negotiations in Contact group, NATO aggression in Yugoslavia, status talks in the UN Security Council and EU, bilateral meetings. The article examines the EU-sponsored talks between leaders of Serbia and Kosovo which remains the main framework for the negotiations and has already brought the sides to an agreement where principles of normalization of relations were outlined. The dialogue stagnated though and the breakthrough agreement based on the idea of border change which the sides had announced in August 2018 failed to happen, demonstrating once again that both Serbian and Kosovo societies, fuelled by politicians, are nationalistically-charged and that territorial and border issues remain toxic and painful. Pristina introduced 100% taxes on goods from Serbia, adopted the law, transforming its security forces into de facto army, prepared a platform for the dialogue with Belgrade which excludes possibility of any changes to modern Kosovo borders set in 2008 when it had declared its independence; Serbia in its turn intensified its derecognition campaign. At the same time the authors observe recent reinforcement of international and French diplomatic efforts in the region aiming at revitalizing the dialogue and bringing sides to the signing of a comprehensible agreement. General «Kosovo-fatigue» and an endeavour to push for the final settlement urge international mediators to use both «sticks and carrots» towards Kosovo leaders who act more reluctantly. On the one hand, Kosovo PM R. Haradinaj was called to Hague war crimes court which led to snap elections which will probably change the Kosovo approach toward negotiations. On the other hand, EU is going to grant Kosovo citizens, last among Balkan countries, visa-free travel. The authors point out that even if the confronting sides succeed in reaching an agreement its consequences are difficult to predict. It can trigger instability through the Balkans. At the same time, it can become a generous down payment for progress in regional cooperation and its peaceful development.

Keywords: Kosovo, Serbia, conflict, status problem of Kosovo, regulation of the Kosovo conflict, France, European Union.

About authors:

Polina S. SOKOLOVA, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Researcher, Sector of Regional Issues and Conflicts, Department of European Political Studies.

Pavel P. TIMOFEEV, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, Sector of Regional Issues and Conflicts, Department of European Political Studies.

DOI: 10.20542/afj-2019-4-50-67

НОВАЯ СТРАТЕГИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ “МЯГКОЙ СИЛЫ”

© 2019 г. И. ПРОХОРЕНКО

ПРОХОРЕНКО Ирина Львовна, доктор политических наук, заведующий сектором международных организаций и глобального политического регулирования Отдела международно-политических проблем.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (irinapr@imemo.ru).

Прохоренко И.Л. Новая стратегия Европейского союза в Центральной Азии:
возможности и пределы “мягкой силы”.

Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2019, № 4, сс. 68-80. DOI: 10.20542/afj-2019-4-68-80

DOI: 10.20542/afj-2019-4-68-80

УДК: 327.8(4)+(51)

Статья поступила в редакцию 29.11.2019.

Используя пространственно-организационный подход и дискурс-анализ, автор анализирует интересы, приоритеты, потенциал и ресурсы “мягкой силы” Европейского союза в конкурентной борьбе за влияние в бывших советских среднеазиатских республиках – Киргизии, Узбекистане, Таджикистане, Туркменистане, а также Казахстане. Автор предлагает свою периодизацию стратегии ЕС в Центральной Азии начиная с распада Советского Союза, дает оценку новой стратегии ЕС в регионе, утвержденной Советом ЕС в июне 2019 г.

Ключевые слова: Европейский союз, европейская интеграция, Центральная Азия, внешнеполитическая стратегия ЕС, “мягкая сила”, “Восточное партнерство”, трансрегионализм.

Термин “Центральная Азия” отличается от аналогичного понятия “Средняя Азия”, которое использовалось в дореволюционной России для обозначения русского Туркестана и в бывшем Советском Союзе, что подразумевало под собой Киргизскую, Таджикскую, Туркменскую и Узбекскую ССР. Начиная со второй половины XIX в. европейская традиция включала в Центральную Азию еще и территорию нынешнего Казахстана¹. Когда мы говорим о внешнеполитической стратегии Европейского союза (ЕС) как уникального в своем роде глобального актора в отношении Центральной Азии, мы имеем в виду концептуальный план продуманных и связанных между собой мероприятий европейского интеграционного объединения для достижения своих долгосрочных (на период 10–15 лет) целей наиболее эффективным и наименее затратным путем в отношении образованных после распада СССР пяти азиатских республик – Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Дополнением стратегии выступают многолетние региональные индикативные программы.

¹ К так называемой Центральной Азии относят еще и северную часть Ирана, Афганистан, северную часть Пакистана, северо-западную часть Индии, Монголию и северо-западные районы Китая, а также территории азиатской части России южнее таежной зоны. Такой взгляд больше свойственен американской внешнеполитической мысли и нашел отражение в подходах различных структур ООН к политико-географическому делению мира.

ЕВРОСОЮЗ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ВЗАИМНЫЙ ИНТЕРЕС К СОТРУДНИЧЕСТВУ

С 1991 г. становление и развитие стратегии ЕС в Центральной Азии прошло несколько важных этапов. Ключевыми факторами здесь выступили, во-первых, перемены в международной системе, во-вторых, – динамика (расширение и углубление) европейской интеграции, в-третьих, – изменение роли Центральной Азии в мировой политике и все большее желание различных ключевых внешних субъектов играть здесь не просто активную, а решающую роль, – России, которая не раз заявляла о своих особых интересах на постсоветском пространстве, Китая, США. Наконец, имело исключительно важное значение и развитие в указанных странах процессов поиска своей внешнеполитической идентичности, становления и укрепления государственности и нациестроительства, учитывая тот факт, что региону свойственны бедность и политическая нестабильность, а межэтнические размежевания в поликультурных обществах Центральной Азии нередко переходили в активные конфликты и гражданские войны [1; 2].

С момента появления новых независимых государств Центральной Азии, Европейский союз начал работу по установлению с ними партнерских двусторонних связей. Насколько это был непростой процесс для Евросоюза, свидетельствует хронология событий. В 1995–1996 гг. были заключены и только в 1999 г. вступили в силу стандартные для ЕС Соглашения о партнерстве и сотрудничестве² с Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном. Аналогичное соглашение о партнерстве и сотрудничестве с Таджикистаном удалось подписать в 2004 г., оно действует с начала 2010 г. Отношения с Туркменистаном ЕС развивает в рамках Промежуточного соглашения по вопросам торговли (с августа 2010 г.). Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с этой страной было заключено в 1998 г., но ЕС так его и не ратифицировал в связи с внутривнутриполитической ситуацией и положением с правами человека в Туркменистане.

Уже в 1991 г. Европейская комиссия приступила к реализации программы технической помощи странам Содружества Независимых Государств ТАСИС (*TACIS, Technical Assistance for the Commonwealth of Independent States*) в плане поддержки процессов государственного строительства, проведения экономических реформ, привлечения иностранных прямых инвестиций. Бенефициарами программы стали в том числе все пять центральноазиатских республик, для которых позднее была разработана особая региональная программа на период 2002–2006 гг., имеющая не просто географическую, а смысловую направленность [3].

Переломным моментом здесь следует считать события 11 сентября 2001 г. в Соединенных Штатах и начало антитеррористической операции США в Афганистане при поддержке европейских союзников в составе Международных сил содействия. Центральная Азия стала представлять стратегический интерес и для Евросоюза не только в плане энергетической безопасности – в регионе значительные запасы углеводородов, но и с точки зрения вызовов транснационального терроризма, организованной преступности и наркотрафика, радикализации ислама. Программа ТАСИС в Центральной Азии предполагала кооперацию в сфере охраны окружающей среды, энергетики, транспорта, коммуникаций, правосудия и т.д., в том числе на местном уровне. В январе 2007 г. на смену ТАСИС пришел новый инструмент помощи странам региона – сотрудничество в целях развития. Этот финансовый инструмент Евросоюз использует в отношении развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, а Центральная Азия стала одним из стратегических региональных направлений подобного сотрудничества. ЕС включил государства Центральной Азии в свою Всеобщую систему преференций для развивающихся и наименее развитых стран. С 2014 г. они получили доступ к финансовым средствам в рамках инструмента партнерства.

² Основой такого рода двустороннего сотрудничества является соглашение о неpreferенциальной торговле, когда стороны предоставляют друг другу режим наибольшего благоприятствования в отношении таможенных тарифов и запрещают введение количественных ограничений во взаимной торговле. Также предусматривается постепенное приведение национальных законодательных актов, норм и правил в соответствие со стандартами ЕС в сфере торговли, включая технические нормы, санитарные и фитосанитарные требования, защиту прав интеллектуальной собственности и таможенные вопросы, результатом чего становится более широкий доступ товарам из третьих стран на рынки ЕС.

Площадками для политического диалога государств Центральной Азии и Евросоюза стали ООН, СБСЕ/ОБСЕ, Совет Европы (Казахстан имеет статус наблюдателя в Совете Европы, а остальные республики принимают участие в различных партнерских программах организации), НАТО, ВТО (членами Всемирной торговой организации стали Казахстан, Киргизия и Таджикистан, статус обозревателя имеет Узбекистан) и другие. Североатлантический альянс, в составе которого многие государства – члены ЕС, учредил Совет североатлантического сотрудничества для установления отношений с участниками бывшего Варшавского договора, куда вошли все пять стран региона, запустил инициативу “Партнерство ради мира” для кооперации в том числе с центральноазиатскими республиками. На саммите НАТО в 2004 г. было принято решение сделать партнерство с Центральной Азией и Южным Кавказом приоритетным направлением деятельности военно-политического блока.

Как концептуальный документ первая стратегия ЕС в отношении Центральной Азии была принята в 2007 г. [4] К этому времени стороны уже достаточно изучили друг друга. По-прежнему малоизвестной и закрытой для иностранцев страной оставался лишь Туркменистан, где вплоть до 2019 г. не было представительства Европейской комиссии – лишь в июле 2019 г. Бюро по связям ЕС в столице Туркменистана было преобразовано в полноценную делегацию Европейского союза.

Стратегия предполагала сотрудничество не только в двустороннем, но и в многостороннем (общерегиональном) формате в таких областях, как права человека и верховенство закона, демократия и надлежащее государственное управление; образование; экономическое развитие; торговля и инвестиции; энергетика и транспорт; охрана окружающей среды; общие угрозы и межкультурный диалог [5].

Несмотря на то, что центральноазиатская стратегия ЕС была рассчитана на период до 2013 г. и ее планировали обновить одновременно с принятием нового многолетнего финансового плана ЕС на период 2014–2020 гг., новая стратегия ЕС в регионе была принята только в июне 2019 г. [6; 7] Многие вопросы безопасности в Центральной Азии (обеспечение пограничного контроля, противодействие экстремистской и террористической деятельности, борьба с наркотрафиком и т.д.) Евросоюз рассматривает теперь более широко – в контексте ситуации в Афганистане. Государства – члены ЕС в разное время в период 2001–2014 гг. являлись участниками Международных сил содействия безопасности в Афганистане, созданных в соответствии с резолюцией № 1386 Совета Безопасности ООН от 20 декабря 2001 г., а с января 2015 г. – в небоевой миссии НАТО “Решительная поддержка” по обучению и оказанию помощи правительственным войскам этой страны. В связи с этим Евросоюз ставит для себя задачу содействовать укреплению сотрудничества стран региона с Афганистаном по данным вопросам и содействовать их совместным усилиям в плане инклюзивного мирного процесса и устойчивого развития. Важное место в обновленной стратегии занимают вопросы внутрирегиональной экономической кооперации и интеграции.

Особый акцент сделан на двусторонние соглашения о расширенном партнерстве и сотрудничестве. Подобные соглашения являются ориентиром для стран региона в сотрудничестве с ЕС и показателем эффективности проводимой Евросоюзом стратегии в Центральной Азии. Подписывая такие соглашения, в которых особое внимание уделяется общим ценностям, демократии и верховенству закона, правам человека, устойчивому развитию, центральноазиатские республики заявляют о своей готовности принять нормы ЕС и ввести их в действие на национальном уровне, тем самым признавая нормативную силу Европейского союза.

“ДОНОР БЕЗ ВЛИЯНИЯ”?

О Европейском союзе в Центральной Азии часто говорят как о “доноре без влияния” [8], стратегия в регионе в концептуальном плане представляется многим неполной и излишне общей, намеченные целевые показатели недостижимыми и не поддающимися измерению для оценки эффективности, а ресурсная база Союза видится недостаточной для реализации долгосрочных стратегических целей в условиях усиливающейся конкурентной борьбы за

влияние в постсоветской Центральной Азии [9; 10].

Но как измерить влияние ЕС в Центральной Азии? Очевидно, как неудачу можно рассматривать крайне медленное продвижение переговоров Европейской комиссии с Азербайджаном и Туркменистаном о строительстве транскаспийского трубопровода для поставок туркменского газа на территорию Евросоюза. Однако это имеет не только политические и финансовые, но и объективные причины, в частности, обнаружение значительных запасов газа в Азербайджане и снижение интереса властей страны к строительству газопровода из Туркменистана [11].

Действительно, доля центральноазиатских стран в совокупном экспорте и импорте ЕС товаров и услуг невелика – суммарно не превышает 1%. Первым по значимости торговым партнером Евросоюз является для Казахстана (почти 40% в общей торговле товарами и более половины экспортного рынка республики [13]). На втором и третьем местах с большим отрывом находятся Узбекистан и Кыргызстан, далее – Таджикистан и Туркменистан с очень небольшими объемами товарооборота.

Понятно, что регион не представляется сверхприбыльным для частного бизнеса государств – членов ЕС, даже крупные компании резонно до сих пор опасаются вести бизнес в Центральной Азии и инвестировать в экономику региона, исключение составляет Казахстан. Эти озабоченности объясняются нестабильной политической ситуацией в странах региона, иной предпринимательской этикой, политической культурой и культурой повседневного общения, сложностями ведения бизнеса, что подтверждают и показатели международного рейтингового исследования “Делая бизнес”, которое ежегодно проводят Всемирный банк и Международный банк реконструкции и развития. Власти центральноазиатских республик прилагают усилия для улучшения условий ведения бизнеса: так, в 2019 г. по сравнению с 2007 г. Казахстану удалось подняться с 86 до 25 места в рейтинге, Узбекистану – с 138 до 69, Кыргызстану – с 90 до 80, Таджикистану – со 133 до 106 (данные по Туркменистану собрать не представляется возможным) [15], но многое еще предстоит сделать.

Ключевыми статьями экспорта центральноазиатских стран является сырье (нефть, газ, металлы), а не продукты с высокой добавленной стоимостью, на которые предложенные Евросоюзом торговые преференции и распространяются. Тем не менее объем внешней торговли Центральной Азии с ЕС растет, прежде всего в абсолютном выражении. К тому же политический класс государств Центральной Азии имеет несомненное преимущество в плане стратегического ресурса времени, а именно: возможность осмыслить позитивный и негативный опыт реализации программы ЕС “Восточное партнерство”, в том числе и политическую обусловленность действий Евросоюза в отношениях с третьими странами, осознанно и прагматично подойти к принятию и внедрению норм ЕС в свое законодательство и практику для получения льготного режима в торговле с ним.

Знаковыми событиями в плане разработки стратегии ЕС в Центральной Азии 2007 г. стали масштабное расширение числа участников регионального интеграционного объединения в 2004 и 2007 гг. и начало реализации программы “Восточное партнерство” в отношении шести бывших советских республик в европейской части постсоветского пространства – Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Молдовы и Украины. Речь теперь шла о фрагментации и фактической дифференциации представлений ЕС о постсоветском пространстве как гомогенном. Тем, кто надеялся в долгосрочной перспективе войти в состав ЕС и/или выразил стремление сблизиться с ним в том или ином формате, были предложены политическая ассоциация и частичная экономическая интеграция. Государства Центральной Азии оставались по-прежнему на окраине постсоветского пространства и периферии интересов ЕС. Вопрос о “европейском выборе” они для себя не ставили, однако приблизились к границам Союза в территориально-географическом плане. Теперь они оказались “соседями соседей” Евросоюза и стремились в большинстве своем активнее включаться в мировые экономические и политические процессы, диверсифицировать свои внешние связи.

Выстраивая собственную систему присутствия и влияния в регионе, Евросоюз тем самым способствовал усилению конкурентной борьбы внешних игроков в Центральной Азии, ограничивая прежде всего невоенные возможности и ресурсы России, не угрожая безопасности Российской Федерации напрямую. Модель стратегии ЕС в регионе с опорой на ресурсы и инструменты “мягкой силы” и особую стратегическую культуру представлялась альтернативой преимущественно военно-политическому сотрудничеству США с центральноазиатскими республиками, их первоочередным усилиям по разрушению монополии России на экспорт энергоресурсов из региона и действиям по сдерживанию Китая.

Кажущаяся “слабость” Евросоюза при этом оборачивалась выигрышем во времени, учитывая организационный опыт ЕС, его разветвленные международные связи, способность работать длительно, последовательно, правильно распределяя накопленные ресурсы, в первую очередь, информационные и в сфере международной мобильности студентов, и используя стратегию “малых шагов”. Наличие небольшого общего бюджета не должно вводить в заблуждение. Само политико-институциональное устройство ЕС и организация его общей внешней политики и политики безопасности предполагают иные критерии оценки эффективности внешнеполитической деятельности регионального интеграционного объединения, при том, что государства-члены сохраняют способность и возможность вести собственную внешнюю политику и в межправительственном формате, и в рамках различных региональных и международных организаций. ЕС является крупнейшим экономическим союзом и общим рынком, а его ценности, принципы внешнеполитического поведения и образ модели развития, прежде всего модели социального государства, представляются многим в мире привлекательными.

Принятию новой стратегии ЕС в Центральной Азии предшествовали негативные последствия глобального финансово-экономического кризиса для государств – членов Евросоюза, решение Великобритании о выходе из его состава (официально Соединенное Королевство должно было покинуть ЕС в начале 2020 г.) и планы Союза по дальнейшему расширению до 2025 г. за счет присоединения шести балканских стран – Албании, Боснии и Герцеговины, Косово, Македонии, Сербии и Черногории. Все эти три ключевые события по-разному влияли на образ и потенциал Европейского союза, однако очевидны ресурсные, в том числе имиджевые потери ЕС в результате Брекзита. Последний драматически сказался на привлекательности предлагаемой Евросоюзом модели развития, размере общего бюджета ЕС, возможности осуществлять в прежнем объеме международную помощь на цели развития, ослаблении позиций ЕС в международной торговле товарами и услугами, в образовании, науке, политическом диалоге в том числе со странами Центральной Азии.

Неблагоприятные перемены для ЕС происходили и в конфигурации соперничества внешних игроков в Центральной Азии. Укрепляла свои позиции региональной державы Индия, не отказывались от своей активности Турция и Иран [16; 17]. Новый импульс получили интеграционные процессы при ведущей роли России. Участниками учрежденного в мае 2014 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС) стали Казахстан и Киргизия. Обсуждаются идеи Большой Евразии и “интеграции интеграций” на постсоветском пространстве, то есть соглашений между региональными и субрегиональными интеграционными объединениями.

ТРАНСРЕГИОНАЛИЗМ В СТРАТЕГИИ ЕС В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ключевым направлением в стратегии Евросоюза в Центральной Азии является трансрегионализм. Он тесно связан с сотрудничеством ЕС с третьими странами в сфере торговли и инвестиций и отличается от межрегионализма, под которым понимают институционально оформленное взаимодействие с другими региональными интеграционными объединениями (международными регионами), например, с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), МЕРКОСУР, Андским сообществом и Сообществом стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК) в Латинской Америке и т.д. В свою очередь, трансрегионализм трактуют как сотрудничество интеграционных объединений с группами государств, которые в том или ином формате осуществляют согласованные

действия, и даже отдельными государствами, имеющими потенциал и амбиции региональной державы, также отношения между государствами и группами государств двух и более региональных интеграционных объединений [18, pp. 17-30].

Различая, но не противопоставляя межрегионализм и трансрегионализм, некоторые исследователи предлагают считать последний гибридной формой межрегионального сотрудничества, выделяя и другие его гибридные формы, в частности, взаимодействие между региональным интеграционным объединением и группой государств дисперсного и не оформленного организационно региона [19, p. 113; 20, pp. 1-11]. Именно подобным типом региона глобального Юга и является Центральная Азия, и конкуренция здесь между внерегиональными игроками касается в том числе вектора и формата интеграционных процессов. Евросоюз заинтересован содействовать формированию Центральной Азии как международного региона в форме регионального интеграционного объединения и наладить с ним в дальнейшем межрегиональную кооперацию в различных сферах.

Казахстан видится в этом плане Евросоюзу безальтернативным лидером, региональной державой, способной и желающей стать не только своеобразным локомотивом интеграционных процессов в регионе, но и “мостом” между Европейским союзом и Центральной Азией на основе декларируемой им евразийской идентичности и готовности принять нормы и ценности Евросоюза. Именно Казахстан первым заключил двустороннее соглашение с Евросоюзом о расширенном партнерстве и сотрудничестве в декабре 2015 г., добившись несомненного прогресса в гармонизации норм. Второе такое соглашение было подписано с Киргизией в июле 2019 г., Таджикистан и Узбекистан ведут переговоры с ЕС об аналогичном соглашении с ноября 2018 г.

Неформальным институтом, содействующим интеграционным процессам в регионе стал ежегодный саммит глав государств и правительств Центральной Азии. Первый такой саммит состоялся в столице Казахстана в марте 2018 г. Второй, продолжительностью пять дней, прошел в ноябре 2019 г. в столице Узбекистана и совпал по времени со спонсируемой ЕС и организованной делегацией ЕС в Казахстане двухдневной конференцией в казахской столице Нур-Султане на тему “Усилении интеграции и обеспечение процветания в Центральной Азии”. Посол ЕС в Казахстане Свен-Олоф Карлссон объяснил произошедшее “счастливым совпадением” [21]. Впрочем, главы государств Казахстана, Киргизии и Таджикистана прибыли в Ташкент после участия 28 ноября в заседании Совета коллективной безопасности ОДКБ в столице Киргизской Республики Бишкеке. Интересно, что рабочим языком форума является русский.

Безусловно, учреждение такого неформального консультативного форума в интересах Европейского союза. Это не только дополняет его многостороннее сотрудничество со странами региона (Евросоюз – активный приверженец принципа многосторонности в мировой политике), но и содействует укреплению доверия и взаимопонимания между центральноазиатскими республиками касательно обсуждения региональных вызовов и угроз, поиска ответов на них, в том числе с участием и при поддержке ЕС. Например, дефицита водных ресурсов – эта проблема не раз становилась источником территориальных споров и конфликтов в регионе, охраны окружающей среды, пограничного контроля, противодействия террористической деятельности, транснациональной организованной преступности и наркотрафика, экономического и социального развития и т.д. Особую важность имеют проблемы и перспективы внутрирегиональной экономической кооперации: на сегодняшний день торговля товарами между экономиками региона имеет крайне небольшие объемы (как считают эксперты, не более 5%). Парадоксально, но до сих пор отсутствует прямое воздушное сообщение между центральноазиатскими столицами: осуществить такое путешествие самолетом можно только через международный аэропорт турецкого Стамбула. Не исключено, что в дальнейшем возможно создание проекта региональной экономической интеграции с участием Афганистана. Уже реализуется программа трехстороннего сотрудничества между Казахстаном, Европейским союзом и Афганистаном. Так, Евросоюз софинансирует обучение мирным профессиям в вузах Казахстана молодежи, в том числе женщин, из Афганистана [22].

Очевидно, что участники форума стремятся использовать преимущества как своего сотрудничества с Европейским союзом, так и участия в глобальном проекте Китая “Пояс и путь” и в Евразийском экономическом союзе, где локомотивом интеграционного процесса выступает Россия (полноправными участниками ЕАЭС являются Казахстан и Киргизия, интерес, пусть и осторожный, к участию проявляет Узбекистан – вначале в качестве страны-наблюдателя). Тем не менее Евросоюзу нельзя рассчитывать на то, что плодами его усилий по содействию интеграционных процессов в регионе не воспользуются другие – прежде всего, Китай, как это произошло в Латинской Америке.

В Латинской Америке, как и в Центральной Азии, государства имеют историческую, культурную, конфессиональную и в большинстве своем языковую общность. Однако их структурные различия, в первую очередь экономические, невысокий уровень внутрирегиональной торговли, когда экономики региона не дополняют друг друга, а скорее, конкурируют между собой, относительно низкая договорная способность политических элит предопределили многообразие и субнациональный характер интеграционных процессов. Здесь Европейский союз, развивая политический диалог, торговое и инвестиционное сотрудничество со странами региона в двустороннем и многостороннем форматах, также содействовал интеграции на общерегиональном уровне, делая упор на углубленное взаимодействие с самой крупной экономикой и лидером Латинской Америки Бразилией.

В 2010 г. все независимые государства Северной, Центральной и Южной Америк, исключая США и Канаду, учредили Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна, СЕЛАК (исп. *Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC*). Этот региональный блок с опорой на идеи практический опыт глобального латиноамериканизма³ во многом планировался как антитеза Организации американских государств, проекту Соединенных Штатов в Новом Свете на основе идеологии панамериканизма. Учреждение блока задевало и интересы Испании, которая реализовывала в испаноязычных странах региона, своих бывших колониях, собственный проект Иберамериканского сообщества.

Однако, несмотря на амбициозные планы и “дорожные карты”, СЕЛАК так и не смог стать эффективным инструментом региональной интеграции, оставаясь политическим форумом “мультилатерализма или дипломатического регионализма” [23].

В то же время новый региональный институт с момента его основания стал чрезвычайно активно использовать в своих интересах Китай, продвигая механизм двустороннего диалога Китай–СЕЛАК, результатом чего стало учреждение Форума Китай–СЕЛАК в 2014 г. и механизма отраслевых министерских совещаний. Начала реализовываться программа “1+3+6” углубленного сотрудничества Китая и стран СЕЛАК, тремя “моторами” которой были заявлены торговля, инвестиции и кооперация, а шестью ключевыми направлениями – сельское хозяйство, наука и технологии, инфраструктура, инвестиции, знания и культура. Был принят и стал осуществляться План сотрудничества на период 2015–2019 гг. [24]

СЕЛАК на деле выступает лишь инструментом масштабного проникновения Китая в экономику и финансовую сферу Латинской Америки. Заявления о приоритете сотрудничества по линии Юг–Юг в противовес аналогичному Север–Юг с развитыми странами Запада не могут скрыть не интегрирующего, а дифференцированного подхода к двусторонней кооперации с латиноамериканскими государствами и тем более – к двустороннему стратегическому сотрудничеству. Китай не ставит своей задачей развитие и укрепление региональной интеграции, как это делает Европейский союз. Следствие политики Китая в регионе становится не консолидация интеграционного проекта в региональном масштабе, а фрагментация транснационального пространства Латинской Америки. Поэтому не исключено, что влиятельные державы региона, например, Бразилия, могут и приостановить свое членство в СЕЛАК.

³ Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна, формализовавшее свою деятельность в декабре 2011 г. на саммите глав государств и правительств в Каракасе (Венесуэла), стало правопреемником Группы Рио, образованной в 1986 г. и ставшей, в свою очередь, правопреемницей созданной в 1983 г. Контадорской группы. Группа Рио представляла собой механизм политических консультаций латиноамериканских стран на уровне глав государств и правительств, министров иностранных дел и глав других отраслевых ведомств по вопросам для согласования коллективных позиций касательно важнейших региональных и глобальных проблем.

Существует риск того, что плодами усилий Европейского союза по содействию интеграционным процессам в Центральной Азии смогут воспользоваться другие внешние игроки, в первую очередь, Китай. Тем более, что центральноазиатским политическим элитам его действия в регионе кажутся более простыми и понятными. Известна шутка Питера Буриана, специального представителя Европейской комиссии в Центральной Азии: “Китай приходит (в Центральную Азию. – И.П.) с предложением, от которого никто не может отказаться, в то время как ЕС приходит с предложением, которое никто не может понять” [25].

* * *

Говоря о перспективах стратегии европейского союза в Центральной Азии, следует еще раз напомнить о негативном влиянии Брекзита на внешнеполитический потенциал и ресурсы “мягкой силы” ЕС. Финансовые возможности его невелики: размер общего бюджета Евросоюза, к примеру, за 2018 г. составил 156.7 млрд евро [26]. В рамках Многолетнего финансового плана на период 2021–2027 гг. планируется потратить в рамках реализации внешнеполитической стратегии в регионе около 1 млрд евро из бюджетных фондов ЕС (для сравнения общий объем расходов на страны Азии и Океании, куда входят и развивающиеся экономики Центральной Азии, составит 10 млрд, на государства Африки южнее Сахары – 32 млрд, в рамках реализации Европейской политики соседства – 22 млрд евро) [27]. Это примерно та же сумма, что была заложена и в прошлом Многолетнем финансовом плане на период 2014–2020 гг.

Тем не менее, как и в случае с другими своими внешнеполитическими стратегиями и программами, Европейский союз рассчитывает на инвестиции и кредиты Европейского инвестиционного банка (ЕИБ) и Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР). Оба банка находятся в тесной координации как с Европейской комиссией, так и между собой.

Например, Европейский банк реконструкции и развития в настоящее время реализует 131 проект в Казахстане. Всего таких проектов насчитывается 273 за весь период сотрудничества ЕБРР с республикой на общую сумму примерно 2,8 млрд евро в основном в энергетику, транспорт, банковский сектор, объекты инфраструктуры, прежде всего муниципального уровня. Объем инвестиций, которые ЕБРР направил в республику, превышает 8.6 млрд евро (реципиентом более половины финансовых средств и инвестиций является частный сектор) [28]. Даже достаточно закрытым для иностранцев Туркменистаном у ЕБРР 53 действующих проекта (всего – 75) преимущественно в промышленности, торговле и агробизнесе и при этом исключительно с негосударственными предприятиями, а инвестиций направлено на почти 300 млн евро [29].

Европейский инвестиционный банк работает с четырьмя из пяти государств Центральной Азии – Таджикистаном, Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном. Соглашение о партнерстве Узбекистана с ЕИБ подписано сравнительно недавно – в октябре 2017 г. [30], первым, с кем начал сотрудничать Европейский инвестиционный банк, стал Таджикистан в феврале 2009 г. в рамках имплементации Стратегии Европейского союза в Центральной Азии 2007 г. [31]. По собственным данным банка на конец декабря 2018 г., ЕИБ инвестировал суммарно 967 млн евро в экономики региона [32].

Во внешнеполитическом арсенале средств Европейского союза присутствуют и инструменты “жесткой силы”. Это, как уже указывалось выше, и участие в военных миссиях в различных регионах мира в контексте многостороннего сотрудничества, в том числе по линии НАТО, и использование такого невоенного, но силового инструмента как санкции. Евросоюз не только исполняет санкции ООН, а также санкции США, которые носят экстерриториальный характер, но и самостоятельно вводит ограничения и меры воздействия в отношении третьих стран, стремясь изменить их политическое поведение.

Процессы военной интеграции в Евросоюзе развиваются давно, но нелинейно и сопровождаются разногласиями и озабоченностями, прежде всего по поводу финансовых и технологических возможностей государств-членов. Идет формирование совместного военного потенциала в рамках программы Постоянного структурированного сотрудничества.

Дискуссии о том, необходима ли Евросоюзу своя “жесткая сила” и если да, то в каком объеме, активно идут последние несколько лет с связи с тем, что граничащее по периметру с ЕС пространство становится все менее предсказуемым и все более конфликтным с применением военной силы [33; 34].

Действительно, та безопасность, которую всегда обеспечивали Европейскому союзу Соединенные Штаты, давало основание вплоть до недавнего времени большинству европейцев не задумываться о “жесткой силе” как о первоочередной задаче для ЕС. Идея стратегической автономии Евросоюза предполагает, что в условиях геополитического соперничества и гибридных угроз ЕС будет расширять свою ответственность в сфере безопасности и окажется в состоянии реально отстаивать и защищать свои интересы и ценности.

Однако именно инструменты “мягкой силы”, которые традиционно использует ЕС в своей практике в отношении третьих стран, позволяют говорить о Европейском союзе как о нормативной силе, нормативном стратегическом акторе или даже нормативном гегемоне, а также сравнивать Евросоюз с колониальными империями прошлого, обвиняя его в новом варианте колониализма – навязывании своих стандартов цивилизации [35; 36].

Долгий период мира в Европе, потенциал и опыт участия Европейского союза в различных гражданских миссиях за рубежом, ведения переговоров, урегулирования кризисных ситуаций, предоставления масштабной международной помощи на цели развития, приоритет инструментам “мягкой силы”, все это находит отклик у широкой общественности третьих стран в различных регионах мира.

Эксперты аналитических центров Евросоюза оценивают не столь оптимистично влияние ЕС на рядовых граждан государств Центральной Азии. Так, например, согласно эксперты германского Фонда имени Фридриха Эберта уверены, что «несмотря на все точечные успехи европейской политики “мягкой силы”, в том числе по формированию прозападных элит, в целом социальное влияние Евросоюза на регион было, есть и, скорее всего, будет невысоким. В итоге, факторы, ведущие к ослаблению влияния Европейского Союза в Центральной Азии, явно гораздо более значимы и весомы по сравнению с факторами, обуславливающими усиление данного влияния» [37, р. 117].

И все же влияние не тождественно доминированию, а участие Европейского союза в конкурентной борьбе за лидерство в регионе является значимым. Понятно, что эта конкурентная борьба становится все более жесткой. Соперником Евросоюза становится в том числе Соединенное Королевство. Еще в январе 2018 г. Великобритания заявила о своем намерении активно участвовать в нормативно-правовом регулировании хозяйственной деятельности в Центральной Азии, создав в столице Казахстана Нур-Султане первый в Евразии коммерческий суд, который будет работать на основе положений общего британского права. Аналогичные суды уже открыты Великобританией в Сингапуре, Гонконге, Дубае, Абу-Даби и Катаре. Суд в Казахстане начал работу при участии Международного финансового центра “Астана” с тем, чтобы превратить его в ведущий финансовый хаб в Центральной Азии. Суд заседает периодически: известные в своей стране и мире судьи и адвокаты приезжают в Казахстан несколько раз в год [38]. Речь идет не только об ускоренном рассмотрении коммерческих исков, которые могли бы быть поданы в Международный арбитражный суд в Лондоне, но и о модернизации системы правосудия в Казахстане с целью привлечения инвесторов, обучении местных судей и адвокатов, а главное – о признании преимуществ британской правовой системы.

На долговременную перспективу Евросоюз нацелен на экономическое, политическое и культурное присутствие в регионе, ставя своей целью добиваться, пусть не быстро, но последовательно, готовности центральноазиатских обществ принять в позитивном ключе принципы и ценности ЕС, прежде всего в таких перспективных для Евросоюза областях, как предпринимательская деятельность и поддержка малого и среднего бизнеса, использование водных ресурсов, охрана окружающей среды, образование, наука, культура, пограничный контроль и рассчитывая на соответствующую экономическую отдачу.

Вне всякого сомнения, национальные правительства государств-членов и власти Европейского союза осознают возможности и пределы влияния ЕС в государствах Центральной Азии, уделяя главное внимание в сфере внешних сношений расширению ЕС и Европейской политике соседства. Вместе с тем в долгосрочном плане нельзя исключать того, что представления центральноазиатских политических элит и рядовых граждан о страновых и региональных внешнеполитических приоритетах, вызовах и угрозах может меняться во времени, причем значительно. Это будет определяться не только динамикой государственности и внутривнутриполитических процессов в республиках региона, желанием или, напротив, незаинтересованностью политического класса той или иной страны проводить экономическую, социальную и политическую модернизацию, но и изменениями международной среды, прежде всего территориально близкой – в Большой Евразии.

Значительную роль будет иметь образы конкурирующих между собой внерегиональных игроков в массовом политическом сознании центральноазиатских обществ. И в этом плане именно у Европейского союза, который не стремится к военному присутствию в регионе, как Соединенные Штаты, и не вселяет опасения своей демографической мощью и масштабной внешнеторговой и инвестиционной экспансией, как Китай, оказываются несомненные преимущества с точки зрения формирования позитивного привлекательного образа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Звягельская И.Д. *Становление государств Центральной Азии: политические процессы*. Москва, Аспект Пресс, 2009. 208 с. [Zvyagel'skaya I.D. *Stanovlenie gosudarstv Tsentral'noi Azii: politicheskie protsessy* [The Emergence of the States of Central Asia: Political Processes]. Moscow, Aspekt Press, 2009. 208 p.]
2. Олкотт М.Б. *Второй шанс Центральной Азии*. Москва, Вашингтон, Московский центр Карнеги, Фонд Карнеги за международный мир, 2005. 487 с. [Olkott M.B. *Vtoroi shans Tsentral'noi Azii* [Central Asia's Second Chance]. Moscow, Washington, Moscow Carnegie Center, Carnegie Endowment for International Peace, 2005. 487 p.]
3. *Strategy Paper 2002–2006 and Indicative Programme 2002–2004 for Central Asia*. Available at: https://eeas.europa.eu/archives/docs/central_asia/rsp/02_06_en.pdf (accessed 20.10.2019).
4. *The EU and Central Asia: Strategy for a New Partnership*. Council of the European Union. Brussels, 31 May 2007. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-10113-2007-INIT/en/pdf> (accessed 20.10.2019).
5. *The European Union and Central Asia: the New Partnership in Action*. June 2009. Available at: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/the_european_union_and_central_asia_the_new_partnership_in_action.pdf (accessed 05.10.2019).
6. *Joint Communication to the European Parliament and the Council. The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership*. Brussels, 15.05.2019–09.06.2019. Available at: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf (accessed 05.10.2019).
7. *Council Conclusions on the New Strategy on Central Asia*. Council of the European Union. Brussels, 17 June 2019. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/39778/st10221-en19.pdf> (accessed 05.10.2019).
8. Laruelle M., Peyrouse S., eds. *Mapping Central Asia: Indian Perceptions and Strategies*. Farnham, Ashgate Publishing, 2011. 262 p.
9. Patnaik A. *Central Asia: Geopolitics, Security and Stability*. Abingdon, Routledge, 2016. 256 p.
10. Peyrouse S. *A Donor without Influence: The European Union in Central Asia*. PONARS Eurasia Policy Memo No. 478, June 2017. Available at: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/PePM478_Peyrouse_June2017_1.pdf (accessed 05.10.2019).
11. Чумаков Д.М. Перспективы Транскаспийского газопровода. *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, т. 63, № 8, сс. 47–54. [Chumakov D.M. Perspektivy Transkaspiskogo gazoprovoda [Prospects of Trans-Caspian Gas Pipeline]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, vol. 63, no. 8, pp. 47–54]. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-47-54
12. *International Trade in Goods, International Trade in Services*. Database. Eurostat. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/international-trade-in-goods/data/database> (accessed 05.11.2019).
13. Russel M. *The EU's new Central Asia strategy*. European Parliamentary Research Service, January 2019. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/633162/EPRS_BRI\(2019\)633162_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/633162/EPRS_BRI(2019)633162_EN.pdf) (accessed 05.11.2019).
14. *Doing Business 2007. How to reform*. International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. 2016. <https://www.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/media/Annual-Reports/English/DB07-FullReport.pdf> (accessed 05.11.2019).
15. *Doing Business 2020. Comparing Business Regulation in 190 Economies*. International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. October 24, 2019. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/32436/9781464814402.pdf> (accessed 05.11.2019).
16. Warkotsch A., ed. *The European Union and Central Asia*. Abingdon, Routledge, 2011. 224 p.
17. Jacopo M.P. Eurasia: Playing Field or Battle Field? Defining an Effective German and European Approach on Connectivity toward China and Russia? *DGAP Analysis*, 2019, November, no. 2. 21 p. Available at: https://dgap.org/sites/default/files/article_pdfs/dgap_analysis_nr2-nov2019_eurasia.pdf (accessed 05.10.2019).
18. Hänggi J., Roloff R., Rüland J., eds. *Interregionalism and International Relations: A Stepping Stone to Global Governance?* New York, Routledge, 2006. 388 p.
19. Doidge M. *The European Union and Interregionalism: Patterns of Engagement*. Farnham, Surrey, Ashgate Publishing, 2011. xvii+217 p.
20. Söderbaum F., Stålgren P., eds. *The European Union and the Global South*. Boulder, Lynne Rienner Publishers, 2010. 319 p.
21. Gotev G. EU-sponsored Nur-Sultan Conference 'Happily Coincides' with Central Asia Summit. *EURACTIV*, 29.11.2019. Available at: <https://www.euractiv.com/section/central-asia/news/eu-sponsored-nur-sultan-conference-happily-coincides-with-central-asia-summit/> (accessed 29.11.2019)
22. Gotev G. Astana Hosts Little-Publicised Central Asia Summit. *EURACTIV*, 16.03.2018. Available at: <https://www.euractiv.com/section/central-asia/news/fri-astana-hosts-little-publicised-central-asia-summit/> (accessed 29.11.2019).
23. Estay J. Past and Present of Latin American Regionalisms, in the Face of Economic Reprimarization. Vivares E., ed. *Regionalism, Development and the Post-Commodities Boom in South America*. Quito: Palgrave Macmillan, 2018, pp. 47–76.
24. China y CELAC elaborarán Plan de Cooperación para próximos 5 años. CELAC – Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños. 19.01.2015. Available at: <http://s017.sela.org/celac/prensa/?nID=6524> (accessed 29.11.2019).

25. Gotev G. 'Almost Impossible' to Rival China's Business Clout in Central Asia. *EURACTIV*, 11.10.2019. Available at: <https://www.euractiv.com/section/central-asia/news/almost-impossible-to-rival-chinas-business-clout-in-central-asia/> (accessed 29.11.2019).
26. *Key Features of 2018 EU Budget Implementation*. European Commission. Available at: 08.10.2019. https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/about_the_european_commission/eu_budget/factsheet_eca_report_08-10_web2.pdf (accessed 29.11.2019).
27. *EU Budget for the Future*. European Commission, May 2018. Available at: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/budget-may2018-neighbourhood-development-cooperation_en.pdf (accessed 29.11.2019).
28. Project Summary Documents. *EBRD projects in Kazakhstan*. Available at: <https://www.ebrd.com/work-with-us/project-finance/project-summary-documents.html?1=1&filterCountry=Kazakhstan> (accessed 29.11.2019).
29. Project Summary Documents. *EBRD projects in Turkmenistan*. Available at: <https://www.ebrd.com/work-with-us/project-finance/project-summary-documents.html?1=1&filterCountry=Turkmenistan> (accessed 29.11.2019).
30. EIB launches operations in Republic of Uzbekistan. *European Investment Bank*, 13.10.2017. Available at: <https://www.eib.org/en/press/all/2017-272-eib-launches-operations-in-republic-of-uzbekistan> (accessed 29.11.2019).
31. *EU Strategy for a New Partnership with Central Asia – Implementation*. European Union External Action. 07.07.2016. Available at: http://eeas.europa.eu/archives/docs/central_asia/docs/factsheet_strategy_implementation_en.pdf (accessed 29.11.2019).
32. Central Asia. *European Investment Bank*. Available at: <https://www.eib.org/en/projects/regions/central-asia/index.htm> (accessed 29.11.2019).
33. Matlary J.H. *Hard Power in Hard Times: Can Europe Act Strategically?* Cham (Switzerland), Palgrave Macmillan, 2018, 302 p.
34. Dempsey J. *Judy Asks: Is Europe Naive About Hard Power?* Carnegie Europe, Carnegie Endowment for International Peace. 29.10.2014. Available at: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/57063> (accessed 29.11.2019).
35. Nicolaïdis K., Egan M. Transnational Market Governance and Regional Policy Externality: Why Recognize Foreign Standards? *Journal of European Public Policy*, 2001, vol. 8, no. 3, pp. 454-473.
36. Diez T. Europe's Others and the Return of Geopolitics. *Cambridge Review of International Affairs*, 2006, vol. 17, no. 2, pp. 319-335.
37. Парамонов В.В., Строчков А.В., Абдуганива З.А. Влияние Европейского Союза на Центральную Азию: обзор, анализ и прогноз. Алматы (Казakhstan), Фонд им. Фридриха Эберта, 2017, 117 с. [Paramonov V.V., Strokov A.V., Abduganiva Z.A. *Vliyanie Evropeiskogo Soyuza na Tsentral'nuyu Aziyu: obzor, analiz i prognoz* [European Union Impact on Central Asia: Overview, Analysis, and Projections.]. Almaty (Kazakhstan), Friedrich Ebert Foundation, 2017, 117 p.]. Available at: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/kasachstan/13414-20170614.pdf> (accessed 29.11.2019).
38. Gibb F. UK Judges Head New court in Kazakhstan. *The Times*, 01.02.2018. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/edition/law/uk-judges-head-new-court-in-kazakhstan-0dkf6c87d> (accessed 29.11.2019).

**THE EUROPEAN UNION'S NEW CENTRAL ASIA STRATEGY:
POSSIBILITIES AND LIMITS OF "SOFT POWER"****(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2019, no. 4, pp. 68-80)****Received 29.11.2019.***Irina L. PROKHORENKO (irinapr@imemo.ru),**Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.*

With the use of spatial approach and discourse analysis, the article explores interests, priorities, potential and resources of "soft power" of the European Union in the competition for influence in the former Soviet republics of Middle Asia – Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan, and also in Kazakhstan. The author offers her own periodization of the EU strategy in Central Asia analyzing it as a conceptual plan with defined steps since the collapse of the Soviet Union. The article identifies the key factors that affect formulation and development of the EU differential treatment of the post-Soviet States taking into account the specificity of Central Asia, its unique identity, political culture and business ethics. The author evaluates the new EU strategy in Central Asia which was approved in June 2019 by the EU Council as well as new bilateral Enhanced Partnership and Cooperation Agreements between the EU and the States of the region. Particular attention is paid to the problem of assessing the effectiveness of the EU strategy in Central Asia in view of the nature of the European regional grouping, the EU political and institutional structure and organization of the EU Common Foreign and Security Policy. Transregionalism is considered to be an important instrument of the EU strategy in Central Asia. The author defines this tool this approach as a cooperation between the EU and a group of States of a diverse and not organizationally structured region, on the one hand, and between the EU and a regional power, which has the potential to act as a driver of integration processes, on the other. The EU sees Kazakhstan not only as an unopposed leader and a regional power, but also as a kind of a "bridge" between the European Union and Central Asia based on its stated Eurasian identity and its readiness to adopt the EU regulations and values.

Keywords: *European Union, European integration, Central Asia, EU foreign policy strategy, "soft power", Eastern Partnership, transregionalism.*

About authors:

Irina L. PROKHORENKO, Doc. Sci. (Polit.), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Department of International Political Problems.

DOI: [10.20542/afj-2019-4-68-80](https://doi.org/10.20542/afj-2019-4-68-80)

